

СТОЛИЩА

ИЛЛЮС

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 46 (208) 1994 г.

– Борис,
ты не прав!

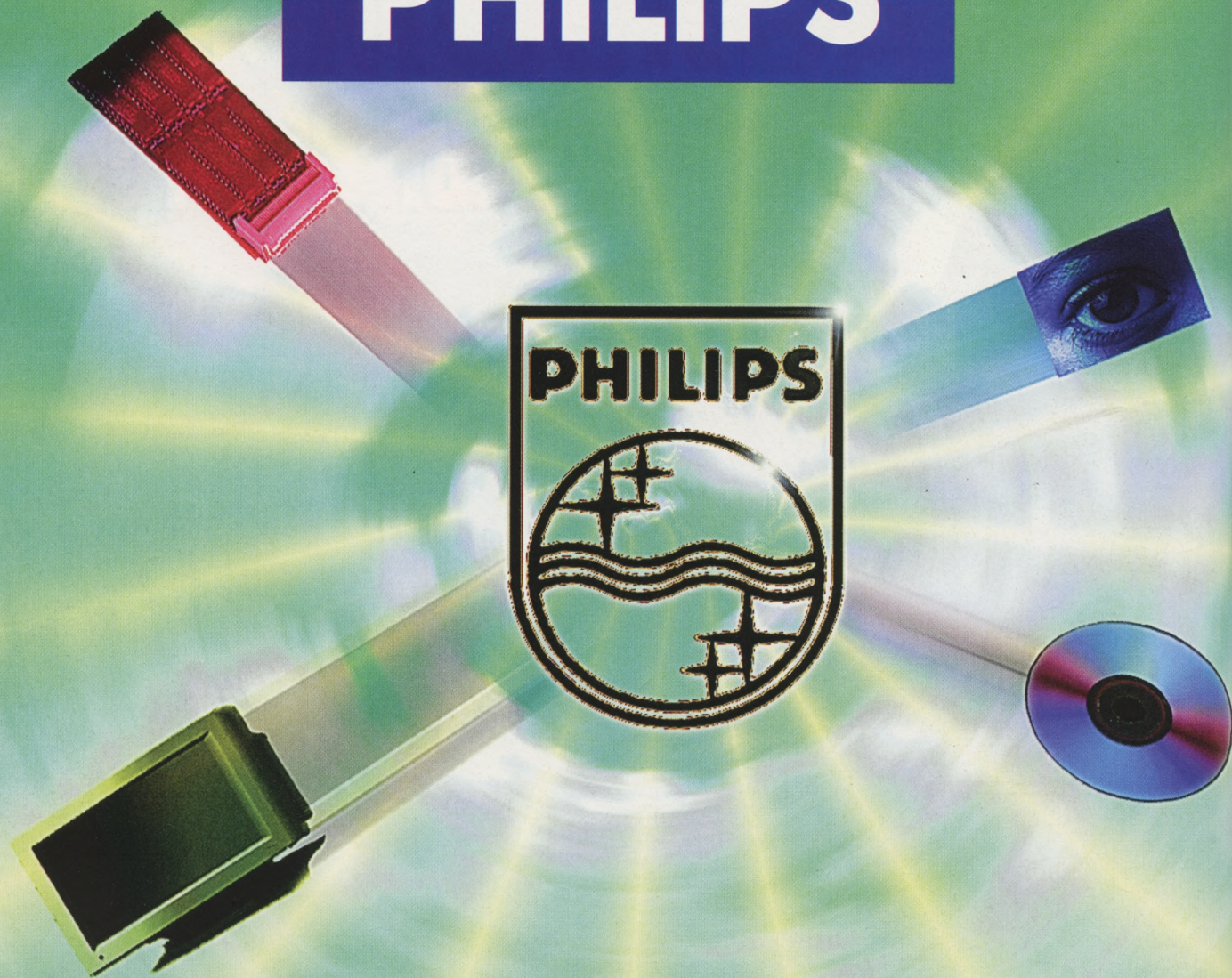

Удк 76 878

МОСКВА

ВСТРЕЧАЕТ

PHILIPS

119048, Москва, ул. Усачева, 35А

Тел.: (7502) 224 1579 (ext)

(7095) 564 8319

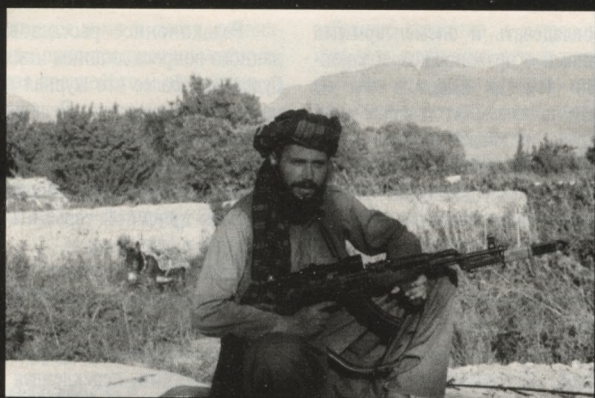
(7095) 584 8323

Факс: (7502) 224 1579

(7095) 564 8319

Philips Consumer Electronics

В НОМЕРЕ

Хуго ЭРИКССЕН:

Впервые я попал в Афганистан в 1986 году. На большой международной конференции в Осло по афганской проблеме мне удалось довольно близко познакомиться с приехавшими туда полевыми командирами. Некоторые из них обещали свою помощь в реализации моего замысла. Договорившись со своим изданием, я вылетел в Пакистан.

9

...все это напоминало поле битвы, театр военных действий с переменными участниками: водители с пассажирами или без них, пешеходы, сотрудники ГАИ, скорая помощь, пожарные.

23

...Около получаса я блуждал в перекопанных улицах близ Нагорной. Гнездо оккультных сил располагалось в типовой многоэтажке с двумя неработающими лифтами. Девушка в зеленом, открывшая дверь и предложившая тапки, поинтересовалась, при мне ли деньги. Я был при деньгах.

33

Алексей БЕЛЯКОВ:

...Один мой знакомый недавно признался, что в разгар известных событий августа и октября его мучил обывательский страх. Не за Ельцина и реформы. И не за себя лично — кому он там нужен? А за то, что если эти путчисты возьмут верх, то ему придется коротать вечера за просмотром «Беседы политического обозревателя А.Проханова» и программы Невзорова «Наш адрес — Советский Союз».

40

Маргарита ЭСКИНА:

А я, естественно, хотела первое свое открытие сделать праздником. И, знаете... получилось. Дом актера не просто был переполнен — рушился. И многие подходили к директорскому кабинету, чтобы просто посмотреть и убедиться: тут сидит Эскина.

43

Политика

- Пикейные жилеты
красно-коричневого цвета
Леонид Радзиховский 4
- В трех соснах
Николай Троицкий 8
- 15 лет назад
Хуго Эриксен 9
- Депутаты против Сахарова
Алексей Макаров 14
- С ярмарки
Валерия Новодворская 18

Экономика

- «Чулук» стоимостью в восемь миллиардов долларов
Лариса Матрусенко 19
- Когда бумага становится ценной
Антон Буланов 21

Жизнь

- По дороге кольцевой
Сергей Найденов 23
- Тур Хейердал: будущее может стать удручающе ядовитым или цветущим и радужным
Александр Чернов 26
- Посланичество
Алла Боссарт 28
- Рак с часовым механизмом
Сергей Сергеев 32
- Полный приворот кругом
Дмитрий Быков 33
- Большой теннис — большая политика
Интервью с Александром Метревели 36
- Трудиться честно — не грешно
Сергей Панов 38
- Когда «с головой было в порядке»
Алексей Беляков 40

Культура

- Маргарита Эскина.
Не очень маленькая хозяйка большого дома
Михаил Смоляницкий 43
- Между небом и землей современного искусства
Ольга Кабанова 49
- Вышли мы все из подполья
Алексей Дидуров 52
- Начальный средний образ мира
Александр Соколянский 56
- Памяти друга
Владимир Корнилов 58
- Памятник неизвестному
Михаил Поздняев 60

- Дикие животные сказки
Людмила Петрушевская 62
- Собрание сочинений
Игорь Иртеньев 62

- Три рассказа Андрея Гамалова 63

- Письма 2
- Цитатник 17
- Дневник И. 46

На первой странице обложки фото, предоставленные агентством «Примус», дизайн С.Стыриковича

Учен 76878

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 16
Телефоны: 200-43-43, 200-45-05
Телефакс: 200-44-88

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор:

Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Консуэло Сегура, Петр Смирнов, Владислав Старчевский

Директор издательства:

Борис Рабкин

Ответственный секретарь:

Юрий Бугельский

Отдел политики:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки:

Елена Эрикссен

Отдел права:

Николай Бахрошин

Отдел искусств:

Татьяна Савицкая

Отдел литературы:

Дмитрий Быков

Отдел репортажа:

Владимир Грибанов

Отдел писем:

Наталья Туровская

Над номером работали:

К. Сегура, С. Панов
Р. Катеева

Номер подписан в печать 10.11.1994 г.
Тираж 100 000 экз.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна.

Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 200-38-45

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 200-33-43

© «Столица», 1994

Верстка дизайн-бюро «KitArt»®

Отпечатано в Финляндии в типографии «UPC Consulting Ltd.»

Афганистану мы тоже «помогали»...

Сегодня 21 сентября. Рождество Пресвятой Богородицы. По «Маяку» читают скорбный список воинов, погибших в Таджикистане. Мальчики! Один — 1975 года рождения! Восемь человек... Пока... А сколько последует за ними? Сколько раненых?

А вот посол Российской Федерации в республике Таджикистан Мечислав Сенкевич в 37-м номере «Столицы» утверждает: «Мы здесь стоим, чтобы обеспечить спокойствие России».

У вас есть сыновья, Мечислав Иванович? Они не служат сейчас в Таджикистане на границе?

Думаю, что нет.

А у меня сын призывного возраста. И я никак не могу понять, почему наши президент и министр иностранных дел считают правым делом, делом помощи другим государствам (повторяю: это теперь другое государство!) наше военное присутствие там. Вспомните, ведь Афганистану мы тоже в свое время только «помогали!» О каком спокойствии России идет речь, Мечислав Иванович? Чтобы мы, российские матери, не спали ночами, с ужасом ожидая известий с таджикской границы? Чтобы мы день и ночь молили Пресвятую Богородицу о спасении наших детей?

Не спасла. И вы не спасете, а, наоборот, пошлете на смерть.

Простите за резкость. Не сдержалась. Я просто мать, у которой сын призывного возраста. Нас много в России. Прислушайтесь к нашим голосам!

З. СОРОКИНА

Тула

Школа демократии

Очень понравилась мне подборка политических материалов в «Столице» № 39. И Радзиховский, и Новодворская, и Троицкий, и Поздняев. Вот Новодворская упоминает о президентско-демократическом браке. Подумал вдруг: как мало вы все же пишете конкретно о демократии. Ее основы и азы мы только начали постигать. Едва ста-

ли овладевать и элементарными знаниями о правопорядке и законности. Иногда кажется: мы не просто не ведаем, что творим, но и не хотим, не желаем ведасть.

Простой пример. Призывы к свержению сегодняшней власти рассматриваются — законом! — преступлением по определенной статье.

Рассматриваются-то рассматриваются, только оппозиция по-прежнему совершенно свободно эти призывы нам демонстрирует. Бабурин с трибуны требует: «Временщиков — вон!», а разнуданные митинги и шествия мы продолжаем разрешать и дальше. И газеты подобные, и книги тоже.

Только не надо о плюрализме! И не надо об Америке, которая чуть ли не требует у нас наличия оппозиции! Она вовсе не Анпилова, вождя пенсионеров, и не Макашова, матом пуляющего на всю Россию у мэрии, требует. Она их совсем не хочет, в упор не видит. Она просто боится, что в стране, где всегда только запрещали, слишком страшно снова начать запрещать. И имеется в виду разумная, нормальная оппозиция, а не бандиты, швыряющие камни в милицию.

В конце концов, тольком нам жить в нашей стране! И нам совсем не нравятся толпы беснующихся членов «Трудовой России» на Садовом кольце! А кстати, где это они у нас, трудовые, трудятся? На демонстрациях, что ли? И почему, нигде не работая, так прекрасно живут их лидеры?

Демократия — это не попустительство и вседозволенность. И вообще, хорошо было бы открыть колледж или что-либо подобное по обучению основам демократии. Пока же мы все в тупике. Слово-то хорошее, а что за ним стоит — никто не знает. Даже лидеры «ДемРоссии».

В. АНТОНОВ

Москва

Не пей из бутылочки...

В «Столице» № 37 мое внимание привлек репортаж Павла Козлова «И супермаркет, и Монмартр». Яркую и точную картинку нарисовал корреспондент, хотелось бы также, чтобы он коснулся по возможности и проблемы торговли в «комках».

Редакционное расследование данного вопроса лишним никак не будет, тем более что журнал прекрасно умеет это делать. Ведь уже не новость, что в коммерческих палатках продают не просто несвежие продукты, но и такие, которые могут стать причиной серьезных отравлений и даже смерти.

Опасным здесь могут быть и коньяк, и водка, и пепси, и пиво... Кто, у кого, где покупает и перепродает эти бутылки с таинственными жидкостями, переключая этикетки и меняя пробки, остается пока «за семью печатями». Может, «Столице» стоит попробовать эти печати сорвать?

А. БОЧАРОВ

Вологда

Как фамилия министра?

Приветствую прекрасное публицистическое исследование Елены Эрикссен «Добрый человек из «Газпрома» («Столица» № 37). Думаю, что оно никого не оставило равнодушным и запомнилось всем.

Одно только небольшое замечание: фамилия бывшего министра социального обеспечения — Панфилова, а не Панфилова, как написано в статье. Увы...

Милая наша Элла Александровна наверняка внимания не обратит на это, но все же, согласитесь, нехорошо искажать фамилию министра, даже бывшего. Ведь никому не придет в голову написать «Гойдар», хотя тоже фамилия не из простых.

Е. КОРАБЛИН

Ярославль

Случайный троллейбус

Я приехал в Москву в прошлом году из Рязани. Поступать в институт. И поступил. Живу, естественно, в общежитии, а добираться утром до института непросто: сначала троллейбус, а потом метро. Иначе — никак. В прошлом году зимой мы замучались: нет троллейбусов и нет. Стоишь по 30 минут, по 40, замерзнешь, на первую лекцию опоздаешь. И так — почти всю зиму. То ли гололед тут был помехой, то ли снежные заносы — не знаю. Знаю только, что снова

надвигается зима и снова, очевидно, нам придется подолгу мерзнуть, ожидая троллейбус и опаздывая на занятия.

Как бы сделать факт появления троллейбуса не случайным, а закономерным даже в зимнее время?

Помоги, «Столица»!

П. ТРУБНИКОВ

Москва

Во что оденемся?

Неплохую беседу с генеральным директором АО «МОНИТ» Александром Петровым прочитал в 38-м номере «Столицы».

Хотелось бы в связи с ней заметить, что, очевидно, существует еще один аспект проблемы, слегка ускользнувший от внимания многоуважаемой редакции и беседовавших.

Дело в том, что мы сейчас лишились основных поставщиков сырья для тканей. Хлопок и шелк — все теперь осталось «за кордоном». А это, естественно, дополнительные трудности и расходы для страны, и без того переживающей нелегкие времена. Сырье — вот наша задача и проблема (не единственная, конечно).

Как мы будем решать ее? Где брать средства? А решать-то придется, иначе даже с помощью Александра Петрова одеться в скором времени будет сложновато. Мамонты, шкуры которых когда-то выручали наших предков, повымерли, а в натуральном виде идти на работу — прохладно и неприлично.

И. ГУБИН

Калуга

Азбука любви

Что-то есть неизменно привлекательное и милое в вашей рубрике «Нравы». Мы все так уже устали от политических дразг и конфликтов, что вряд ли кто-либо пропустит этот тихий уютный уголок для души и сердца.

В № 37 Ольга Бакушинская написала немного о любви: «Таланты и поклонницы». Читаются ее истории легко, написаны свободно, однако, на мой взгляд, им кое-чего недостает.

В сущности, это всего только очень славные зарисовки с натуры,

забавные картинки, а хотелось бы чуть-чуть глубже коснуться проблемы. Она ведь действительно серьезна. Умеем ли мы с вами любить? Знаем ли, что это такое и как далеко подлинное, настоящее чувство от влюбчивого азарта навязчивых девушек, бросающихся за клочками жилета или рубашки своего идола?

«Не сотвори себе кумира» — вот истина. Не обмани себя вымыслом, не дай себя увлечь дурным и пустым фантазиям, призракам, тем самым алым парусам, которые вряд ли приплывут.

Автор же не решила ни на обобщение, ни на анализ, ограничиваясь наблюдениями и образами. Хорошо, но маловато, тем более что подобные поклонницы не переедут в России никогда. Как и таланты, надеюсь.

А. ДЬЯКОВА

Новосибирск

Льготы «в продаже» закончились»

Значительным событием в культурной жизни Москвы стал прошедший недавно фестиваль фильмов Феллини.

Мой сын — студент творческого вуза — довольно регулярно ходил на просмотры, сообщив мне, что в Киноцентре ему положена скидка на билет. Прекрасно! — подумала я и очень ошиблась, выдав сыну вместо положенных трех тысяч только одну. Вернувшись, он поведал мне, что занимал деньги на билет у пришедших, на его счастье, в Киноцентр сокурсников, так как льготные билеты уже... кончились. Я ничего не поняла, и он мне, бесполой, растолковал, что, оказывается, льготных билетов там определенное, строго ограниченное количество, и если ты даже студент ВГИКа или ГИТИСа, но явился немного позже, то будешь платить как все. Льготы — они только для тех, кто вовремя подсуетился.

А объявление о льготных билетах? Оно так и висело в Киноцентре, вводя в заблуждение таких же простофилю, как я. Бумага — она все стерпит. И мы тоже.

О. МОРОЗОВА

Москва

Если Вы хотите построить загородный дом или реконструировать квартиру,

Вам поможет объединение «Интекс» — крупнейшая московская строительная фирма.

«Интекс» располагает собственной строительной базой, современной строительной техникой. В состав объединения входит завод стройматериалов, проектно-конструкторское бюро, фирменный магазин строительных материалов.

Группа недвижимости «Интекса» поможет Вам приобрести земельные участки в наиболее престижных местах Подмосковья, квартиры в Москве.

Высокая квалификация персонала и устойчивая репутация фирмы определяют контингент заказчиков, в числе которых самые известные люди России.

Лучшие традиции
русского строительства

Объединение «ИНТЕКС»

Телефоны: (095) 180-40-31, 180-92-80.

Магазин строительных материалов: ул. Кольская, д.7 (метро «Свиблово»). Работает с 10.00 до 18.00 (кроме понедельника). Телефон: 180-42-91.

Пикейные жилеты красно-коричневого цвета

«Дедушки русского фашизма» свое дело сделали. Что дальше?

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Недавно захожу в книжный магазин и глазам не верю! Новая книга, сочинение господина Кургиняна С.Е. «Россия: власть и оппозиция». На обложке, как положено, — горящий «Белый дом», а в конце — вполне традиционное: «Мы знаем: что огонь справа и слева будет и впредь вестись... Интенсивность этого огня — это индикатор того, что мы на верном пути». Кто их поймет, где я там, на их карте, — справа или слева, — но поддержать человека надо. Доброе слово и кошке приятно. Надо лишний раз подсказать: вы на верном пути, ребята! Если мы друг друга огнем не поддержим — кто нас поддержит?

В свое время я написал про Сергеевы штуки статью. Попались в архиве ЦК КПСС какие-то его льстивые письма Горбачеву, где он объяснял президенту СССР, как бы лучше распустить этот самый Союз, поизящнее, так сказать. Конечно, в 1992 году, когда статья вышла, это Кургиняну было читать не очень приятно — ведь к тому моменту он уже был одним из патриотов — восстановителей СССР. Но и ответил же он мне! Назвал «дятлом», «агентом по кличке «Леня»... Ох-хо-хо, грехи наши тяжкие... Да-с, а агентом я был — не КГБ, не ЦРУ, не Моссада, а «господина Я». Г-н Я. — Яковлев А.Н., на котором в то время просто сдвинулись лучшие патриотические умы. Как, однако же, Кургинян меня расколол! Системный аналитик, одно слово... Яковлев, мечтавший уничтожить ужасного Кургиняна, заказал мне статью, в архиве ЦК агенты Я. подобрали материал, другие агенты — напечатали. Ничто в мире не происходит случайно, все — результат тайных действий зловещих сил, этих мрачных «кротов истории», роющих, роющих, роющих под Кургиняна. Все — результат мирового заговора против России и Кургиняна, а агенты — кругом, рядом, даже внутри...

Занятно было читать, следить за полетом мысли, ощущать свои связи с «г-ном Я.», а дальше нити идут далеко — о, как далеко! «Ну, брат, кстати, какое, однако, у тебя самолюбие! Я так хохотал».

Книжку Кургиняна я читал с тем же спокойным, тихим, сонным удовольстви-

ем, с каким читаю всегда газету «Завтра». В нашей беспокойной, нервной, злой жизни нужна хоть какая-то разрядка. Не знаю, получают ли коллеги-заединщики такую же разрядку, листая на сон грядущий сионо-масонскую прессу? Если не получают — искренно жаль. Ведь в сущности все мы коллеги. Все мы сегодня стали пикейными жилетами. Только цвета разные — красно-коричневый или бело-сине-красный. А про патриотическую прессу можно сказать словами известного анекдота. Врача спрашивают, почему он выбрал такую специализацию — кожник-дерматолог? Потому, отвечает он, что мои клиенты никогда не умирают, никогда не выздоравливают и никогда не будят меня по ночам. Точь-в-точь наша «духовная оппозиция».

Конечно, мне сразу могут гневно возразить — что за легкомыслие, что за цинизм? Они еще разбудят вас ночью, пожалуй, так разбудят, что уже не уснете или даже уснете навсегда.

На это я отвечу так. Возможно. Но только зависит это будет не от «духовной оппозиции» типа Кургиняна (даже Проханова), а от их вполне бездушных «со-

ратников». Патриотические писатели изо всех сил делают вид, будто они могут погонять бичами огненных строк своих читателей. Но на самом деле они разбудили своих читателей — и сразу отстали от них безнадежно. Орлы со свастикой в когтях взмыли в небо синее — не увидишь, а уж о «догнать» и речи быть не может.

«И наши внуки в добрый час из мира вытеснят и нас». С одной стороны, приятно, что воспитали себе достойную смену, а с другой — слишком уж достойную...

«Дедушки русского фашизма» свое дело сделали: посеяли зерна, сказали первые слова про «всемирный заговор», евреев, «г-на Я.». Снимать урожай будут не они. Да и на самом деле — о чем речь?

«Так вот — забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень. Перестаньте скандалить за вашим письменным столом и заикаться на людях. Представьте себе на мгновение, что вы скандалите на площадях и заикаетесь на бумаге».

Так говорил мудрый ребе Арье-Лейб Исааку Бабелю. Если бы Кургинян и Проханов послушали старого умного еврея, им бы он, покачивая головой, сказал то же самое. Не только «математический

Сергей Кургинян, теоретик

политолог» Кургинян, «алгебраический патриот» Шафаревич или зануда Кожин, бесконечно жуящий жвачку про то, что, мол-де, евреи сами спровоцировали погромы в начале века, но даже и борзой Проханов, воробушкой скачущий по митингам и пытающийся-таки скандалить на площадях, все равно никому из «настоящих ребят» даром не нужны. Начитался трухи, каких-то ильинных-розановых, прочих Достоевских... «Вы знаете все. Но что пользы, если на носу у вас по-прежнему очки, а в душе осень?..» Если же русскоязычный Бабель для Кургиняна и Проханова не указ, то обратимся к истинному арийцу Гете:

Пергаменты не утоляют жажды.

Ключ мудрости не на страницах книги.

*Кто к тайнам жизни рвется мыслью каждой,
В своей душе находит их родник.*

Да, «крутые ребята» не в пергаментях Розанова и даже не в стихах Т.Глушковой, а в глубине своей души нашли ключ и клич мудрости: бей жидов — спасай Россию! Что все вы, писателишки, дедушки русского фашизма, своим квотаньем можете добавить к этой философии, ясной как Солнце? Ни черта вы не можете, кроме как толочь ту же самую воду в ступе. Ну так и п-пошли вы к едере фене!

Итак, «настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями». Пролетела — резать, громить, насиловать. Настоящая, фашистская жизнь. Если нацисты придут — обойдутся без кургинян-прохановых. Если — что более вероятно — так и не придут, «ребята» останутся честными рэкетирами, предпочтут и дальше облегчать ларьки, а не спасать Родину-мать, то тогда судьба «духовных отцов» и вовсе жалкая. Отцы abortированного русского нацизма.

В общем, расцетец разумный. Чтоб быть интеллектуальными вождями «непримиримых», особо великого ума не нужно. Сгодятся и режиссеры «На досках». Это Кургинян сообразил (хотя и тут напоролся на конкуренцию дугиных и К⁰). Другого он не сообразил. Им вообще интеллектуальные вожди не нужны — они сами себе сократы.

В любом случае — перед нами пикейные жилеты. Проханов, Кургинян и К⁰, коротают время, как положено, — постарчески брагчливо высказывают друг дружке обиды.

Главная часть книги Кургиняна как раз этим «разбором полетов» и посвящена. Тут все по классическим образцам.

«— Где же ваши усы, уважаемый Ипполит Матвеевич? — с невозможной извительностью спросила духовная особа.

— А ваши локоны где? У вас ведь были локоны».

(Проханов — Кургиняну.) «Просвещенный патриотизм (Кургиняна. — Л.Р.) предполагает еще и непросвещенный, то есть наш с вами, голодный, холодный, уличный, баррикадный, митинговый. Он, этот сытый «просвещенный», — еще одна отвратительная маска, которую торопливо натягивают на себя демократы, под чьей демократической облупившейся личиной еще виден коммунистический подмалевок, а под ним — отвратительная природная рожа ренегата, предателя».

(Кургинян — Проханову.) «...я осмеливаюсь обратить его (Проханова) внимание на то, что в ресторане ЦДЛ пока еще кормят неплохо. И — относительно дешево.

Качество и количество пищевых продуктов на многочисленных презентациях, проводившихся патриотами, — вряд ли ниже, чем на демократических мероприятиях того же типа».

От нашего стола — вашему столу...

Обнюхавши тарелки друг друга и предьявив взаимные обвинения в жлобстве, переходят, разумеется, к следующему пункту, более естественному для лиц в таком возрасте: взаимным обвинениям в волевом и политическом бессилии.

(Проханов — Кургиняну.) «Какие непатологические формы сопротивления нам предлагает (Кургинян)? Письма в ЦК? Культурные программы в театре? Газетную публицистику? А может быть, здесь дело решит дубина?»

(Кургинян — Проханову.) «Но если этим массам все время обещать радикальное политическое действие, а вместо этого устраивать лекции по политике социализма, вечера стихов, панихиды по убиенной России, то проку не будет. Но ведь именно это мы и наблюдали в течение последнего года (со стороны Проханова. — Л.Р.)».

«Тут Ипполит Матвеевич не выдержал и с воплем «может быть?» смачно плюнул в доброе лицо отца Федора. Отец Федор немедленно плюнул в лицо Ипполита Матвеевича и тоже попал. Стереть слюну было нечем: руки были заняты стулом».

Смешно, хотя, будем честными, разборки среди демократов часто идут почти на таком же уровне. Дело человеческое, а для отставников — особенно понятное.

Ну а собственно теоретический, математико-политологический спор имеется? Имеется и такой.

Кургинян довольно робко позволил себе заметить, что зря патриоты так уж открыто поднимают над головой свастику. Это штука в России невыгодная: войну еще помнят, к сожалению... А объяснить широким массам, что вот Гитлер был против жидов и мы тоже, —

ИТАР — ТАСС

Александр Проханов, беллетрист

это, конечно, можно, но последует резонный вопрос: ну и ладно, дело хорошее, но нельзя ли без Гитлера все-таки, да и без вас, пожалуй?

«Я могу понять и в чем-то даже принять национализм Баркашова....Каждый волен иметь свои симпатии и антипатии. Но мои предки служили России столетиями, и марать слово «русский», сопрягая его с именами, ненавистными для России... не позволю». Вон как приходится вертеться Кургиняну — правда не позавидуешь!

Назвать Баркашова фашистом — и думать не могли! Националист — и точка.

Выразить возмущение, что нацисты открыто говорят «мало их отправляли в газовые камеры», — ни в коем случае! Это уже было бы кощунством, тут бы тебе любой уважаемый патриот руки не подал. «Сочувствие» ИМ — такого простить нельзя!

Зато не забудь раз сто подчеркнуть свое арийское происхождение. Все равно будут ухмыляться? А я все равно подчеркну. И вот, стоя на этой кошке, с ужасным пафосом провозглашаю, что «не позволю» (ух ты!) сопрягать имя русского патриота с именами, «ненавистными для России».

Да, поистине нужна вся мощь этой самой «системно-математической политологии», чтобы не уставая объяснять, что никакого там нравственного, человеческого, физиологического отвращения к нацизму, расизму, не дай Бог, антисемитизму я, конечно же, не испытываю и испытывать не могу, что в этом я вам, друзья, не враг, но я все-таки с позиций чисто русского национализма и дела национально-государственного

Александр Баркашов, лидер

ДМИТРИЙ БОРКО «СЕГОДНЯ»

строительства (так можно? можно?) свастику отвергаю, ибо, став под знаменом свастики и перечеркнув тем самым победу в войне, что же мы, националисты, сможем «противопоставлять умалению роли России, проводимому последовательным русофобом А.Н.Яковлевым?» А если бы было «что противопоставить», — то и свастика годится; «я не ханжа, и мне достаточно было бы безразлично, кто там кого любит».

Н-да, работка... И на фашистский предмет не сесть и националистическую рыбку съесть.

Ну, что же. На словах все гладко вышло. А на деле? А на деле — на деле даже Проханов отвечает: да пошел бы ты куда подальше! Со своим хитрым «не антифашистским», а «национально-государственно-русским» антифашизмом... Избави нас, Господи, от таких

друзей-националистов, а с врагами-сионистами мы уж сами разберемся...

Впрочем, ведь и сам Проханов точно так же проходит по разряду пикейных жилетов непримиримой оппозиции.

Ну а уж что сказали нашему политологу баркашовцы, предположить и вовсе не трудно — трудно напечатать.

Это фиаско естественно. «Государственное строительство» методом погрома и с опорой на погромщиков — вот что в основе программы Кургиняна. Согласитесь, идея немного странная...

...Да, уж и не знаю, что подумает обо мне Кургинян, найдет ли какую тайную всемирную интригу, стоящую за этой вот статьей. Я же, со своей стороны, хотел только поддержать его, в доступной мне форме дать понять, что у него пока еще есть благодарный читатель. Хотя бы один. ■

Претенденты на русский престол — чем меньше денег, тем больше амбиций

Газета «Крисчен сайенс монитор» опубликовала статью Уэнди Слоун, отрывки из которой мы публикуем.

Такое могло случиться только в России: глава коммунистической партии присутствовал на первом съезде монархистов, и это после того, как большевики убили царя.

Однако Геннадий Зюганов был не единственным в этом странном сборище людей, собравшихся, чтобы содействовать восстановлению в России монархии. Там были казаки в папахах и черкесках с газырями, бородатые священники Русской православной церкви с тяжелыми серебряными крестами на груди, молодые люди в черных рубашках — члены антисемитского движения «Память», бизнесмены в дорогих костюмах и пестрых галстуках. И все ораторы призывали к национальному спасению.

Требуется ли восстановление монархии присутствия на троне кого-то из Романовых — вопрос, вызвавший споры даже среди открытых монархистов.

Многие из присутствующих на съезде ратовали за проведение общенациональных выборов для избрания нового царя, доказывая, что кровь Романовых, — это несущественный вопрос. Однако другие, в том числе многочисленные живущие в эмиграции претенденты на престол, настаивали на том, что наследственная передача царской власти имеет первостепенное значение.

Их аргументы не произвели особого впечатления на руководителя «Памяти» Дмитрия Васильева. «Суверен должен быть выходцем из России, — сказал он. — Это божественное провидение. Те, кто долго жили вдали от своей родины, утратили право на престол по закону Российской Империи. Новый царь родится здесь».

Зюганов, руководитель Коммунистичес-

кой партии Российской Федерации, чьи идеологические предшественники убили семью Романовых и верных ей слуг в 1918 году, естественно, не мог сказать, что он радует за восстановление монархии. Он заявил: «Мы хотим, чтобы люди сплотились в духе единства и выработали форму правления, характерную для русских традиций. Сегодняшние коммунисты хотят мира в этой стране, хотят восстановления ее естественных границ и хотят, чтобы наши соотечественники жили в мире и дружбе».

Идея возрождения монархии в России импонирует и широкому кругу националистов, и представителям правого крыла, и довольно многим политическим деятелям среди оппозиции. Бывший вице-президент Александр Руцкой, возглавивший мятеж парламента против президента Бориса Ельцина, присутствовал на съезде в компании двух молодых людей в форме белой армии, в свое время разгромленной красными.

«Мы хотим конституционной монархии, как в Англии, — сказал Михаил Виноградов, один из потенциальных членов белой гвардии. — Царь был символом России, уничтоженной большевиками, и мы хотим восстановить монархию».

Новый Николай II, возможно, так никогда и не вернется, но одна из его дальних родственниц — королева Елизавета II — побывала недавно в России. Это был первый визит в эту страну правящего британского монарха.

Предполагалось, что она и ее муж принц Филип, родственник последнего царя, придут сюда только тогда, когда останки Романовых будут готовы к захоронению. Однако долгий процесс идентификации их костей, обнаруженных в шахте под Екатеринбургом на Урале в 1991 году, затянул их приезд.

Английские и российские ученые пришли к выводу, что восемь обнаруженных скелетов — это останки Николая, его жены Александры, трех из пяти их детей, трех слуг и семейного доктора.

Но никто не знает, какова судьба еще одной дочери царя, Марии, и его единственного сына Алексея.

Это вызвало массу слухов и самых невероятных утверждений со стороны более десятка претендентов на царский престол: состояние большинства из них было обратно пропорционально величию титулов, на которые они претендовали.

Самый признанный наследник — 14-летний Георгий Михайлович, Великий князь Георгий, внук Владимира Романова, который был родственником царя Николая и Гогенцоллернов, правивших в Бранденбург-Пруссии с 1415-го по 1918 год. Георгий собирается покинуть свой дом в Испании и поехать учиться в военное училище в Санкт-Петербурге.

Князь Дмитрий Романов, праправнук царя Николая I, также имеет шансы претендовать на престол.

Но самый активный кандидат, у которого есть свой личный представитель по связям с общественностью и факс, — это его императорское и королевское высочество князь Алексис Д'Анжу де Бурбон-Кондо Романов-Долгорукий.

Князь живет в Мадриде и утверждает, что он — праправнук дочери Николая — Марии, чьи останки не были обнаружены, и собирается добиться сравнительного анализа структуры его ДНК со структурой ДНК принца Филипа и таким образом доказать свою правоту. Его представитель по связям с общественностью ирландец Франк Питерс не сомневается в результатах анализа. «У Георгия нет никакой надежды», — хвастиливо заявляет он представителям прессы.

(ИТАР—ТАСС)

English	Russian

Ф.И.О.
Фирма
Адрес
Тел./факс

Подписка на справочник
Бесплатная информация
Реклама цветная
Реклама черно-белая
Подпись _____

ПОДПИСНОЙ КУПОН

YELLOW PAGES OF RUSSIA '95

СПРАВОЧНИК-ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ДЕЛОВУМУ МИРУ РОССИИ

- Около 100 000 адресов и телефонов фирм и предприятий из всех регионов России.
- Объем — более 1000 полос, 2000 рубрик, минимальный тираж 100 тыс. экземпляров.
- Целенаправленное распространение более чем в 80 тыс. адресов России и за рубежом.
- Стоимость справочника по подписке — \$69.
- Выход из печати и доставка — апрель 1995 г.

Вы можете **бесплатно** разместить информацию о своей фирме (название, адрес, телефон, факс, телекс).

Вам предоставляется возможность прорекламировать свою фирму или продукцию.

Для рекламодателей — **гибкая система льгот и скидок.**

Последний срок подачи материалов 1 февраля 1995 г.

ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ПО ТЕЛЕФОНАМ: (095) 268 1461, 268 3912, 268 3989, 269 0377.

Если вы хотите разместить информацию о своей фирме, разместить рекламу или же приобрести справочник, пожалуйста, вырежьте купон и отправьте его по адресу: 107014, Москва, ул. Гастелло, д.44, корп. 2, стр. 4.

◀ **При наличии купона на все платные услуги скидка 3%.**

Восстановление и укрепление мужской потенции

«Мэйл фактор-1000» \$54

Нормализация месячных гормональных циклов у женщин

«Тан Кью плюс» \$18

(На основе женьшеня и других растительных компонентов.)

Производство США.

Оплата в рублях.

475-42-32

Льготная подписка

Уважаемые московские читатели «Столицы»!

Если Вы имеете возможность приехать за нашим журналом в редакцию, мы подпишем Вас на I полугодие 1995 года по льготной цене:

на один месяц — 2000 руб.,
на три месяца — 6000 руб.,
на шесть месяцев — 12 000 руб.

Подписку можно оформить в редакции по адресу: Петровка, 16, строение 1, подъезд 1, этаж 3.

Справки по телефону:
200-33-43

Крупнейший поставщик бумаги из Финляндии

ну очень хорошая
финская

и БУМАГА

лучших российских сортов для Ваших нужд!

Любое количество!
Доставка по Вашему желанию.

(095) 450 - 78 - 66, 450 - 88 - 04, 450-95-08; факс: (095) 450-08-18 125130, г. Москва, ул.З.и А.Космодемьянских д.31,корп.1

В трех соснах

По мере приближения к светлому капиталистическому будущему в России растет число политических организаций, относящих себя к разряду демократических. Но количество никак не хочет переходить в качество. Каждый отдельно взятый строитель капитализма, похоже, исходит из принципа, завещанного их общим идейным оппонентом Ульяновым-Лениным: для того чтобы объединиться, надо прежде всего размежеваться. Однако у вождей современных либерал-реформаторов с каждым днем возникает все больше причин для размежевания и все меньше возможностей для объединения.

Единства не удастся достичь ни в душном здании Государственной Думы, ни на свежем воздухе партийных съездов. Каждая попытка слиться в едином порыве приводит только к новым обидам, разногласиям и ультиматумам. Трое лидеров фракций, трое крупнейших либеральных экономистов, ставших по совместительству политиками — Егор Гайдар, Борис Федоров и Григорий Явлинский, — не могут договориться друг с другом ни по одному принципиальному вопросу. Но если знатоки еще способны почувствовать разницу между Гайдаром и Явлинским, между Явлинским и Федоровым, то разницу между Гайдаром и Федоровым, похоже, они сами не смогут объяснить. Однако именно «братья-монетаристы», вступив во взаимную перепалку, довели ситуацию до финальной черты: политическая общность, которую привыкли обозначать условным расплывчатым термином «демократические силы», сплочению категорически не поддается.

Этот факт уже осознан всеми участниками процесса и вызывает у них солидарное негодование, но не приводит к солидарным действиям. Почему? Причин так много, что все и не перечислишь.

Во-первых, с политического горизонта исчез общий враг. Реакционного съезда и Верховного Совета больше нет; на новый парламент, где они все заседают, ополчаться как-то нелепо; на правительство, в котором многие из них состоят, дружно накидываться не получается; угроза фашизма воспринимается слишком умозрительно; наступления «красно-коричневых» не заметно и вроде не предвидится; Жириновский и коммунисты, казалось бы, всем равно ненавистны, но оказываются плохими раздражителями.

Во-вторых, на горизонте замаячили выборы. Велика Россия, но ей требуется всего один президент и один глава правительства. Некстати сплотившись, можно утратить шансы занять заметный пост, а амбиции имеются у каждого лидера, и поступаться в пользу другого, пусть и единомышленника, никому не хочется.

Наконец, в-третьих, и это, видимо, главное, на месте объединительной фигуры зазял пробел. «Демократические силы» и раньше отличались склонностью к дроблению и размножению, но в критические минуты их собирал вокруг себя единый пол-

Николай ТРОИЦКИЙ

Сегодня, когда парламентские, а особенно президентские выборы грозят превратиться из мечты в реальность, перед демократическими вождями возникла роковая и губительная дилемма.

ководец — президент Борис Ельцин. Сегодня, когда парламентские, а особенно президентские выборы грозят превратиться из мечты в реальность, перед демократическими вождями возникла роковая и губительная дилемма. Уже не надо быть политологом, чтобы понять: для успеха будущей избирательной кампании необходимо отмежеваться от нынешнего президента. Вот в чем основная загвоздка.

Явлинский давно уже объявил себя «демократической оппозицией» и гнет самостоятельную линию. Недавно подключился Борис Федоров. За короткий срок он по числу филиппик и инвектив, выпущенных в адрес Ельцина, Черномырдина и всего правящего режима, догнал самую разнепримиримую оппозицию. Но им легко. Явлинский уже три года как выпал из ельцинской команды, а Федоров раньше политикой не занимался. Гайдар, даже если бы захотел, не мог бы последовать их примеру. Он слишком хорошо известен по всей России. Куда ж ему от Ельцина отлепиться? Другой равновеликой кандидатуры нет, а о выдвижении на высший пост самого Егора Тимуровича даже его сторонники говорят лишь в шутку.

Но если вокруг Ельцина объединяться нельзя, то какова альтернатива? Каждый готов сплотить демократов вокруг себя, однако не все демократы на это готовы. В результате как отмежевались, так и размежевались.

Закономерный итог. Но если шли к нему наши герои разными путями и у каждого были свои причины, то последствия будут одинаковыми для всех. Гайдар и его партия, «Демократический выбор России», попали в двусмысленное положение, похожее на то, в каком был два года назад «Гражданский союз» и его духовный лидер вице-президент Руцкой — уже не власть, еще не оппозиция. В народе такое положение характеризуется сочными поговорками о елке, на которую хотят сесть, или рыбе, которую желают съесть. Позиция удобная, но абсолютно бесперспективная, особенно при всенародных выборах.

Федоров и Явлинский выглядят более привлекательно: накануне выборов всегда лучше быть в оппозиции и ругать власть. Но как минимум половина взрослых россиян не видит различия между ними. И отбирать избирателей они станут не у Руцкого с Жириновским, а, увы, друг у друга. Так что и здесь перспективы более чем туманны.

Вот и выходит, что куда ни кинь — всюду клин. И сплотиться нельзя, и разбежаться опасно. Слабым утешением может служить то, что у идейных оппонентов тоже не все в порядке с объединением, тоже много вождей и они тоже никак не сплотятся. Нельзя же строить свою стратегию только на слабости противника. Можно и промахнуться. И не стоит забывать очевидный факт: у бойцов из враждебного стана есть общий враг. Там не признают тактических размежеваний внутри демократического движения. А избиратели, заплутавшие в трех либеральных соснах, могут уйти в другой лес. ■

15 лет назад

...политический провал афганской кампании явился тем самым камнем в фундаменте, лишившись которого рухнуло все здание, строившееся семьдесят лет.

Генерал-полковник Борис ГРОМОВ.
Ограниченный контингент. М., 1994

Историкам афганской военно-политической кампании придется довольствоваться самым ненадежным материалом — официальными документами и свидетельствами очевидцев.

Леонид ШЕБАРШИН.

Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. М., 1992

Пятнадцать лет назад советские войска вошли в уже воюющий Афганистан. Девять лет войны... Скоро шесть лет, как 40-я армия выведена, но мы до сих пор толком не знаем ни о том, как принималось то решение о вторжении, ни о самой войне, несмотря на опубликованные воспоминания некоторых наших военных. Мы предлагаем вам необычный ракурс этой войны — взгляд на события изнутри глазами норвежского журналиста, работающего ныне в Москве. В 80-е годы Хуго ЭРИКССЕН провёл в Афганистане в общей сложности девять месяцев вместе с теми, кто воевал против советских солдат, — вместе с моджахедами. Думается, предлагаемые воспоминания и запечатленное на фотопленке будет интересно читателю.

Хуго ЭРИКССЕН:

Впервые я попал в Афганистан в 1986 году. На большой международной конференции в Осло по афганской проблеме мне удалось довольно близко познакомиться с приехавшими туда полевыми командирами. Некоторые из них обещали свою помощь в реализации моего замысла. Договорившись со своим изданием, я вылетел в Пакистан.

Через день после прибытия в Исламабад я был в Пешаваре, где находились штаб-квартиры основных партий и организаций, противостоящих кабульскому режиму. Спустя несколько дней вместе с группой моджахедов я был уже на пути в Афганистан...

...Район близ Джелалабада формально контролировался чиновниками Кабула. Но лишь днем. Ночью вся власть в этих местах безраздельно принадлежала моджахедам. Тем не менее правительственная тайная полиция

(ХАД) и советские войска обладали тут неплохой агентурной сетью. Осведомители, видимо, почти сразу же донесли о нахождении в кишлаке иностранного журналиста. Агенты ХАД наведались днем в кишлак, пытались выяснить точное местонахождение иностранца — расспросы велись именно о норвежском журналисте!

Почти все офицеры, начиная с командиров взводов, имели свою сеть осведомителей. Как правило, это были местные жители. Поддерживая связь с моджахедами, они в то же время информировали нас о том, чем, например, «дышит» кишлак...

Генерал-полковник Б.Громов

Сразу же после этого визита партизаны немедленно переправили меня в более безопасное место. Вовремя — через два часа после нашего ухода советские самолеты почти полностью разбомбили кишлак. Можно было понять советских военных — они были далеко не в восторге от пребывания западных журналистов в отрядах моджахедов и всегда стреми-

Хуго Эрикссен (слева) среди партизан

лись уничтожить незваных свидетелей. Впоследствии узнал, что за мою голову была даже назначена денежная награда! Кроме того, русское командование столь «незатейливым» способом, видимо, пыталось убедить моджахедов не брать с собой иностранных журналистов...

Не менее строго соблюдался и другой приказ, запрещавший нанесение бомбоштурмовых ударов авиации по населенным пунктам.

...обстрелы населенных пунктов, даже если оттуда открывали огонь по нашим солдатам и офицерам, предусматривали уголовное наказание.

Генерал-полковник Б.Громов

...В августе 1986 года вместе с отрядом партизан я попал в окрестности Кандагара. Когда-то, видимо, это были красивые места с богатыми селами и развитой системой оросительных каналов. Но сейчас здесь царил война и все было милитаризовано до предела. Всюду советские посты, постоянные высадки десанта, засады. Наш отряд несколько раз попадал в засады, но уходил от преследования. Партизаны рассказали мне, что совсем рядом, в другом отряде, воюет русский перебежчик. Естественно, мне очень захотелось с ним встретиться. Когда наши группы встретились, меня повели знакомиться. Перебежчику представили меня, сказав, что я норвежский журналист. В подтверждение достаю свой норвежский паспорт и протягиваю его бывшему советскому солдату, произнося какие-то русские фразы. Я заранее предупредил моджахедов, что неплохо владею русским языком, чтобы потом не было никаких сюрпризов. Норвежские паспорта, как и советские, по иронии судьбы, похожи — красная обложка. Когда перебежчик услышал русскую речь и увидел красный паспорт, его буквально затрясло от ужаса и ненависти. Он вскинул автомат и направил ствол на меня, его

палец уже нажимает спусковой крючок... В самую последнюю секунду на него бросился афганец и вырвал оружие из его рук. Похоже, что парень был из какой-то советской азиатской республики и принял меня за советского агента...

...Всю ночь после встречи с перебежчиком мы провели под грохот канонады — афганцы непрерывно обстреливали советские позиции на окраине Кандагара, им отвечали огнем пушки танков. В городе рвались снаряды моджахедов, в кишлаке — советские. Утром мы должны были пересечь дорогу, соединявшую Кандагар с западом Афганистана. Переходили поодиночке. Когда настала моя очередь и я был уже в пятидесяти метрах от основной магистрали, на совершенно открытой местности, появился джип с двумя советскими солдатами. Машина медленно двигалась по дороге в мою сторону. Предусмотрительно сняв очки и переодевшись в афганскую одежду, я теперь надеялся лишь на то, что буду принят за местного жителя, вышедшего с утра по своим сугубо мирным делам. Стараясь не показывать волнения, медленно пересек дорогу под пристальным взглядом русских солдат...

В тот день отношение ко мне со стороны хозяев-афганцев резко переменялось. У меня отобрали все вещи, почти всю одежду, аппаратуру и посадили в подвал под охрану автоматчика. Видимо, это было прямым следствием инцидента с перебежчиком. Время от времени ко мне спускался человек и задавал вопросы. К тому времени я уже кое-как изъяснялся на пушту. Вопросы касались моих родителей, характера моих занятий в Норвегии. Узнав, что отец — врач, моджахеды «деликатно» поинтересовались, как он отнесется к тому, что его сын лишится руки или еще чего-нибудь... Я понял, что это намек на предстоящие пытки. Но при всем этом афганцы заботливо кормили меня

вместе со всеми, угощая наиболее лакомыми кусочками. В общем, невзирая на заточение, правила восточной вежливости и афганского гостеприимства были соблюдены.

На другой день, в довершение ко всему, у меня отобрали еще и очки. Теперь я почти не мог передвигаться сам. За завтраком сидевший рядом со мной мальчик доверительно сообщил: «Ты — русский, шуррави, и мы должны тебя убить...»

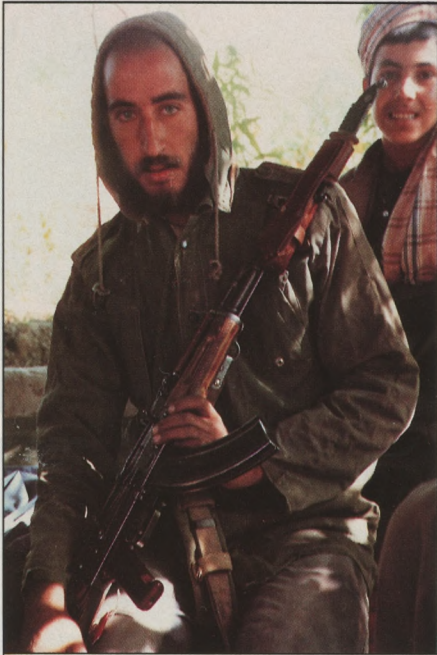
Спустя некоторое время вдруг принесли мой рюкзак, вещи, очки, вернули все это мне и сказали: «Гуд бай!» И жестами показали, что я свободен, но должен убираться из отряда. Позже я узнал причины инцидента. Командир этой группы попал в засаду и погиб. Его соратники подумали, что совпадение моего присутствия и целой серии засад и налетов далеко не случайно, вот и решили проверить, тот ли я, за кого себя выдаю. Перетрясли все мои вещи в поисках доказательств связи с Советами. Рассказывали, что несколькими месяцами ранее был случай, когда русский солдат перебежал к моджахедам, а позже, разузнав все, что возможно, вернулся к своим. И на основе добытых им данных русские нанесли повстанцам тяжелый урон. Не знаю, насколько этому можно было верить, но на своих хозяев я очень обиделся. Остаться здесь уже не мог. Мне выделили проводников, которые должны были вывести меня в какое-нибудь иное место.

Увы, сопровождающие плохо знали местность. Я же опять снял очки, чтобы не привлекать к себе внимания, поэтому, не заметив, куда свернули проводники, сбился с дороги. И вышел прямо на минные поля к реке. Для полноты счастья на той стороне заметил еще и советские позиции... Оттуда меня вывел один из сопровождающих, обнаруживший пропажу.

Следующим утром услышал... английскую речь! Какой-то бородастый моджахед спрашивал, не знаю ли я одного американского репортера. Кем бы, вы думали, оказался этот бородач? —

Могилка норвежского журналиста

Советский перебежчик

«Интернационалист» из ФРГ в своей «келье»

Немцем! Его история удивительна. До 1982 года он был гражданином ГДР и несколько лет провёл в заключении как политзаключенный. Потом его выкупили за валюту, в соответствии со сложившейся практикой, боннские «соседи». Пожив два года в ФРГ, мой герой решил отомстить коммунистам за свои злоключения и уехал сражаться с русскими в Афганистан. Дабы убедить афганцев в искренности намерений, он принял ислам. К моменту нашей встречи он воевал уже два года, причем, видимо, неплохо, так как был командиром отряда. Когда мы разговорились, он признался, что на его личном счету есть несколько убитых русских...

Немец, его звали Андерс Деартц, не отказал мне в просьбе взять с собой. Андерс поселил меня в своей «келье», которой, несмотря на свое мусульманство, постарался придать

вполне европейский вид. Там стояли телевизор и видеомагнитофон, работавшие от генератора, и одним из вечеров мы наслаждались фильмом «Анна Каренина»... Еще раз удалось встретиться с Андерсом спустя два года — он уже устал воевать и переквалифицировался в руководителя организации, занимающейся гуманитарной помощью...

Летом 1988 года я опять приехал в Афганистан. В 1986 году мне удалось побывать лишь на востоке страны. Теперь хотелось поехать на запад, на границу с Ираном, где не было ни одного иностранного журналиста. И там уже местные повстанцы в разговоре как-то обмолвились, что в 1982 году в этих местах уже был один норвежец, тоже журналист. Его убило во время вертолетного налета. Моджахеды вспомнили, как он читал свою

Библию, как его выносили из-под огня, как он мучительно умирал от тяжелых ран, как его похоронили. Выяснилось, что я кое-что знаю о погибшем. Именно он был первым западным журналистом, убитым в Афганистане во время этой войны.

Естественно, я упрямил сводить меня на место гибели своего коллеги. Это было опасно, и туда можно было попасть лишь ночью — рядом находились советские позиции. Днем при помощи одного афганца сколотил большой деревянный крест, написал имя погибшего. Ночью мы пробрались к могиле, заваленной камнями, и афганцы штыками вырыли ямку для креста. Установив его, я нарыл могилу норвежским флагом. Сфотографировал ее. Потом, перед уходом, взял несколько камней и песок с могилы — надеялся передать это родителям коллеги...

С русскими я сталкивался лишь издали, когда их авиация или артиллерия наносили удары по отрядам или кишлакам, где в тот момент я находился. Да еще тогда, близ Кандагара, когда наткнулся на их джип. Несколько раз видел огневые атаки моджахедов на русские позиции. Однажды повстанцы провели меня достаточно близко, чтобы показать, как русские танки ведут обстрел. Самое близкое же для меня «соприкосновение» с Советами произошло, когда мы однажды попали в засаду десантников и выпущенная в меня пуля прошла даже не над головой, а буквально прошла волосы. Другой раз авиабомба рванула метрах в пятнадцати от меня... Вообще же это была война без линии фронта. Противостояние было тотальное, но противники воевали, не видя друг друга, ведя порой огонь наугад. Враг мог оказаться всюду, везде моджахеды могли ждать засады. Точно в таком же положении были и советские войска. Вообще, я практически нигде не видел, чтобы

боевые действия вели правительственные афганские войска. Такое впечатление, что воевали только русские. Особым уважением афганских моджахедов обычные русские подразделения не пользовались — эти войска сидели вокруг городов и объектов в своих гарнизонах и разлагались. Афганцы снабжали их наркотиками. Но все же русских опасались. Но больше всего моджахеды боялись десантных войск и спецназа. Вот у них был огромный боевой опыт, и эти люди всегда действовали на основе достоверных разведанных, нанося удары прямо в точку. И это было страшно!

...батальоны специального назначения были если не самыми, то одними из самых боеспособных частей 40-й армии. <...>

Люди, служившие в батальонах специального назначения, были профессионалами высшей пробы. Они блестяще знали военное ремесло и великолепно справлялись со своим делом.

Генерал-полковник Б.Громов

...О своих же соотечественниках — солдатах правительственной армии — моджахеды отзывались крайне презрительно, не считая их своим основным противником.

Низкий моральный дух и слабая профессиональная подготовка являлись отличительными чертами вооруженных сил Афганистана.

<...> самостоятельно решить стоящие перед ней задачи афганская армия была не способна.

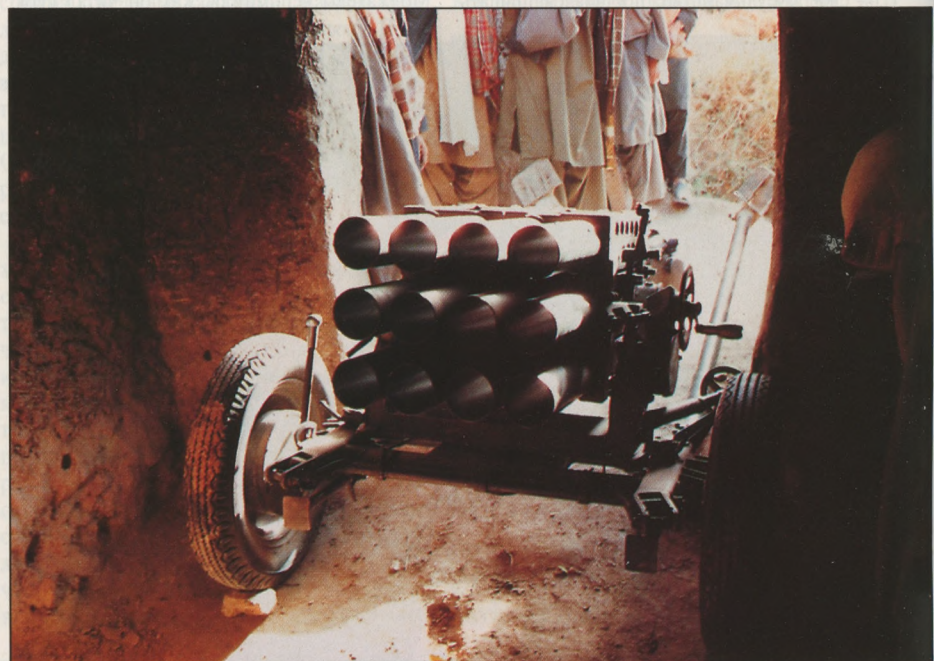
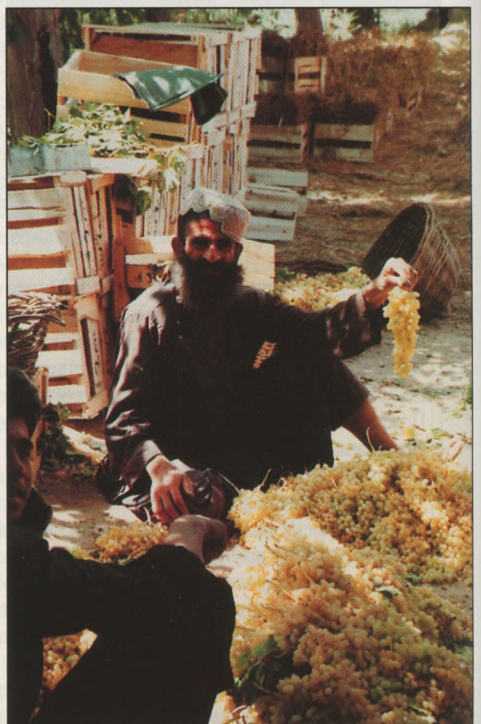
Генерал-полковник Б.Громов

На Западе господствует упрощенное представление об афганцах как о дикарях, поклоняющихся Аллаху, убивающих, воюющих и

страдающих. Конечно, есть афганцы, которые достаточно дики, с нашей точки зрения. Но даже они по отношению к своим гостям всегда соблюдают весь восточный этикет. Они готовы голодать, лишь бы их гость был сыт, они отдадут ему свой последний кусок хлеба, лучшее место для сна, найдут для него чистую воду, когда ее нет для других. Я встретил там начитанных и образованных людей, говорящих на нескольких языках. Без преувеличения скажу, что многие из них без труда нашли бы себе место в Европе! В провинции Баграм я познакомился с полевым командиром, прекрасно говорившим по-французски. Его ближайшие советники знали английский, немецкий, тот же французский. Один из них даже защитил докторскую диссертацию в Париже! У этих «дикарей» я видел компьютеры, которые они использовали для разработки планов боевых операций. В частности, в одном из отрядов, действовавшем южнее Кабула, в 1988 году я увидел компьютерную программу захвата Кабула! И, насколько я знаю, позже при штурме города именно эта программа и была реализована на практике...

Чем больше общаешься с афганцами, тем ближе для тебя становится их мир, тем больше они раскрываются перед тобой. Афганские полевые командиры в своем большинстве не питали особых иллюзий в отношении тех, кто их поддерживал на Западе. Все прекрасно понимали, что союзники могут быть лишь временными.

У моджахедов было четкое понимание того, что без поддержки Запада им не победить. Именно поэтому они столь охотно и гостеприимно принимали у себя журналистов. Они воспринимали их, в том числе и меня, не как объективных репортеров, стоящих над схваткой, а как союзников и участников освободительной войны. Раз уж ты здесь — значит, с нами, значит, ты тоже ведешь войну, ты со-

юзник, ты помогаешь нам тем, что показываешь войну...

Афганцы, конечно, идеальные бойцы, идеальные солдаты — выносливы, находчивы, умеющие хорошо стрелять. Но их формирование совсем не годилось для крупных столкновений и не являлись серьезным противником для русских подразделений. При столкновении с превосходящими силами русских они разбегались. Моджахеды, афганцы могли выдержать не один год войны, но вряд ли могли достичь реальной военной победы над Советской Армией. Да и режим Наджибуллы они победили не столько потому, что были сильны сами, сколько из-за того, что их противник после вывода советских войск оказался неспособным к сопротивлению.

Иждивенческие настроения среди афганцев упрочились настолько, что они уже не могли действовать самостоятельно, без помощи советских.

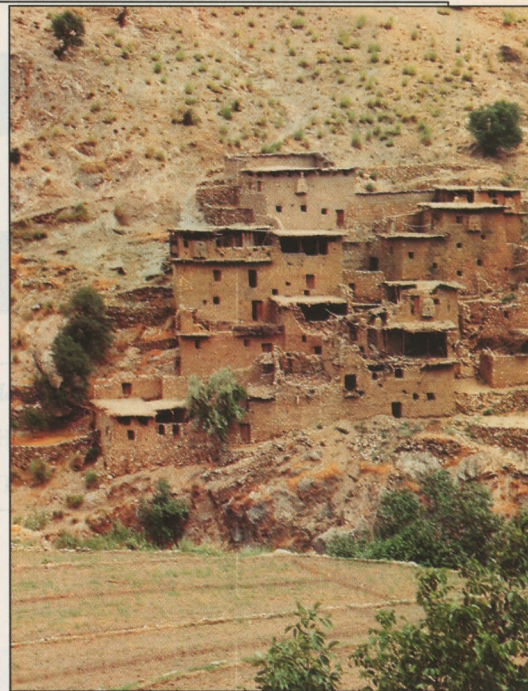
Генерал-полковник Б.Громов

Среди моджахедов были прекрасно оснащенные и обученные люди, прошедшие специальную подготовку. У них были знаменитые зенитные комплексы «Стингер» и «Блоу пайп», наносившие серьезный урон советской авиа-

ции. На моих глазах отряд повстанцев, развернувшись в считанные минуты, нанес точный ракетный удар по советским позициям и сумел уйти, прежде чем русские вообще смогли ответить. Я слышал, что в лагерях на территории Пакистана подготовку бойцов осуществляют и иностранные инструкторы. Но сам ни разу с ними не сталкивался. Зато пакистанских военных в действии увидеть довелось. В конце 1988 года я вновь оказался под Джелалабадом, советских войск там уже не было. Повстанцы штурмовали город, а непосредственное руководство боевыми действиями на поле боя осуществляли пакистанские офицеры. Пакистанские военные и разведчики принимали участие в целом ряде боевых операций в глубине афганской территории. Но особой благодарности к ним за это афганцы не испытывали, неоднократно говоря мне о крайне низкой военной компетентности офицеров пакистанской армии.

В том же 1988 году мне довелось побывать и в оставленном советскими войсками Кандагаре. Поразило гигантское количество уничтоженной или брошенной на позициях советской боевой техники. На протяжении нескольких километров все буквально было завалено грудями искореженных боевых машин пехоты, бронетранспортеров и танков. Только тогда я смог представить, насколько огромны были советские потери в этой бессмысленной войне.

...А в кишлаках, между тем, невзирая на войну, налеты, обстрелы и советскую оккупацию, шла все та же нормальная обычная жизнь. Это был парадокс. Смерть и жизнь, разрушенные дотла кишлаки и оживленные базары. Везде текла спокойная и размеренная коммерческая жизнь. Все постоянно что-то продавали и покупали. Из Кабула в Пакистан везли резину для автомобилей и продавали на рынках. В огромных количествах из Пакистана в Афганистан шли фрукты, афган-

ский же виноград шел на рынки Пешавара... И все это соседствовало с обширными территориями, где все оросительные системы были уничтожены либо правительственными, либо советскими войсками, превратившимися в самую настоящую пустыню, засыпанную песком и останками военной техники.

Афганская война с участием Советского Союза продолжалась восемь лет: за это время погибло более полутора миллионов афганцев, более трех миллионов стало беженцами.

Н.Гульбинский, М.Шакина.
Афганистан...

Кремль... «Лефортово».
Эпизоды политической биографии
Александра Руцкого. М., 1994

Сегодня по-прежнему активно муссируется вопрос о жертвах, которые понесло мирное население Афганистана за девять лет войны. Называется цифра, которая на самом деле способна поразить воображение — один миллион погибших. Я не думаю, что существуют основательные доказательства для такого утверждения. <...>

...как профессионал я считаю, что для уничтожения миллиона человек необходимо вести специальные крупномасштабные боевые действия, направленные именно на ликвидацию населения. Для нас это было недопустимо.

Генерал-полковник Б.Громов

Разумеется, вам представлена не история афганской войны. Не было еще в истории человечества случая, чтобы современники сказали полную правду о событиях, в которых участвовали. Нестор-летописец афганской трагедии еще не родился.

Подготовил Владимир ВОРОНОВ
Фото Хуго Эрикссена

Расстрелянные моджахедами солдаты афганской армии

Депутаты против Сахарова

Неожиданные последствия
одной инициативы
посольского работника

Алексей МАКАРОВ

Вряд ли можно забыть, как на первом съезде народных депутатов СССР в июне 1989 г. академик Андрей Дмитриевич Сахаров был подвергнут ожесточенным нападкам за свое отношение к афганской войне.

Конкретно А.Д.Сахарова обвиняли в том, что на пресс-конференции в Оттаве 12 февраля

ностное обвинение как злонамеренный выпад против советских Вооруженных Сил... Рассматриваем их дискредитацию как очередную попытку разорвать священное единство армии, народа, партии».

Нардеп СССР В.Н.Очиров (Университетский национально-территориальный избирательный округ, Калмыцкая АССР): «Я читал эту информацию, которую давал товарищ Саха-

академик Сахаров в подтверждение своей лжи не найдет».

Что же на самом деле произошло в Оттаве?

Канадцы ждали к себе в гости Андрея Дмитриевича и его супругу Елену Георгиевну Боннэр. Академика пригласили приехать в Виннипег в госпиталь Святого Бонифация. Инициаторами его поездки стали и научно-исследовательский совет Канады и столичная газета «Ситизен», в частности ее обозреватель Илья Герол, эмигрировавший в конце 70-х годов из СССР. В Оттаве А.Д.Сахаров и Е.Г.Боннэр должны были получить почетные степени докторов наук Оттавского университета, а в Виннипеге — международную премию госпиталя в знак признания деятельности академика в области прав человека.

Виннипегский госпиталь Святого Бонифация несколько раз обращался в течение 1988 г. в посольство СССР в Канаде с просьбой выяснить, приедет А.Д.Сахаров или нет. В свою очередь, посольство переправляло эти запросы в Центр, но ответа не получало. После длительных проволочек руководство госпиталя, очевидно устав от нашего молчания, «отстал» от посольства и переключило свои усилия непосредственно на контакты с А.Д.Сахаровым в Москве. Вскоре в канадской прессе появилось сообщение, что академику все-таки разрешена поездка в Канаду. Более того, стало известно, что его примут для беседы премьер-министр Брайан Малруни и министр иностранных дел Джозеф Кларк. Времена в Москве менялись — ограничения на заграничные поездки А.Д.Сахарова были сняты. И вот 11—18 февраля 1989 г. визит состоялся. Посольство не получило никаких указаний о том, как себя вести и что делать. Приходилось действовать, исходя из здравого смысла. На одном из очередных совещаний у посла мне, бывшему тогда советником-посланником, поручили «продумать» возможные мероприятия, связанные с визитом. Необходимо было, чтобы все прошло цивилизованно и спокойно, без скандалов.

В соответствии с оттавской программой пребывания, разработанной газетой «Ситизен», академик Сахаров выступил в здании газеты на пресс-конференции. Посольству тоже пришлось готовиться к ней. На совещании у посла я предложил попытаться использовать встречу А.Д.Сахарова с Б.Малруни и Дж. Кларком для того, чтобы более активно вовлечь Канаду в решение вопроса об освобождении советских военнопленных, томящихся в плену у моджахедов в Афганистане и Пакистане.

Здесь я позволю себе сделать небольшое отступление. Еще в 1987 г. по инициативе канадской газеты «Кингстон Уиг стандарт» правительство Канады пошло на необычную для того времени акцию: оно согласилось с предложением газеты вывезти в Канаду пятерых советских военнопленных, находившихся в руках моджахедов: Сергея Бусова, Николая Головина, Игоря Ковальчука, Владислава Наумова (Машина) и Вадима Плотникова. Тогда этот шаг

РИА-НОВОСТИ

На I съезде народных депутатов СССР, 1989 г.

1989 г. он сказал, что были случаи, когда советские военнослужащие, которые оказывались окруженными моджахедами, якобы уничтожались с советских вертолетов, чтобы они не могли сдать в плен.

Народный депутат СССР С.В.Червонопиский (от Всесоюзного Ленинского Союза Молодежи): «Мы до глубины души возмущены этой безответственной, провокационной выходкой известного ученого и расцениваем его безлич-

ров, и тоже от имени сослуживцев был возмущен... Заявляю, что это клевета и ложь на наших солдат, на честь нашего народа и нашей Советской Армии».

Нардеп СССР Маршал С.Ф.Ахромеев (Бельцкий территориальный избирательный округ, ССР Молдова), тот самый, который после провала переворота гэкачепистов в августе 1991 г. покончил жизнь самоубийством: «Все это чистая ложь, заведомая неправда, и никаких документов

был и смелым, и человечным, хотя официальные представители канадского правительства не могли не опасаться непредсказуемой, скорее всего негативной реакции с советской стороны. Надо сказать, что с самого начала посольство в своих документах представляло эту канадскую акцию как гуманную: по крайней мере, пятерым советским солдатам, попавшим в плен, повезло, и они сохранили самое ценное — свою жизнь. Такой подход канадцев укладывался в наши представления о целях и методах начавшейся перестройки в Советском Союзе.

Сразу же после прибытия в Канаду бывших военнопленных посольство поставило вопрос перед МИДом Канады о консульской встрече, желая выяснить, не захотят ли они возвратиться домой. Встреча состоялась. Ребята выглядели несколько «обалдевшими» от привалившего им счастья и... категорически отказались вернуться.

Посольство приняло живое участие в их судьбе. Дважды мы передавали через канадский МИД письма их родственникам. Позднее переписка с родными наладилась у них напрямую. Мы посылали им тексты советского законодательства об амнистии. В июне 1989 г. один из бывших солдат — Николай Головин, оказавшийся в г. Китченере, не вынес разлуки с родными: он позвонил в посольство и сказал, что готов возвратиться домой. Ему посоветовали без промедления прибыть в аэропорт Мирабель: в этот день был рейс самолета Аэрофлота. Я срочно выехал в аэропорт, чтобы встретить Головина и помочь ему с авиабилетом. Минут за сорок до отлета самолета Головин подъехал на такси из другого монреальского аэропорта Дорваля. В представительстве Аэрофлота ему выдали билет, и он улетел. Я встречался позднее с приютившей его в своей семье доброй женщиной из Китченера. Она рассказывала, как Николай метался, страдал и разрывался, понимая, что доставляет родным — матери и сестре массу страданий.

...Но вернемся к пресс-конференции А.Д.Сахарова. Я подумал — почему бы не попытаться спасти еще нескольких солдат из плена, предложив это сделать А.Д.Сахарову при встречах с канадскими руководителями. Поговорить напрямую с А.Д.Сахаровым посол запретил, опасаясь нагоняя из Москвы за несанкционированную инициативу. Поэтому я подумал, что советский корреспондент может спросить А.Д.Сахарова на пресс-конференции, не предполагает ли он затронуть эту проблему в беседах с Малруни и Кларком. На совещании у посла договорились, что такой вопрос задаст корреспондент «Правды» Владимир Шелков. Он согласился.

На пресс-конференции Шелков задал свой вопрос.

И здесь произошло нечто неожиданное. (Даю по моим случайно сохранившимся записям этой пресс-конференции.)

Первой ответила на этот вопрос Е.Г.Боннэр:

— Ох, сложный вопрос. Тому, кто начал войну в Афганистане, не было жалко ни жизни

советских солдат, ни жизни афганских детей. Я думаю, что канадское правительство может оказывать помощь в этом вопросе. Наше же правительство должно признать право афганского народа жить без нашего вмешательства, без советников или кого-либо других.

А.Д.Сахаров, перебивая ее, сказал:

— А где была «Правда», когда совершалось бесчестное дело — ввод советских войск в Афганистан? Я хочу сказать, что лучшим способом было бы скорейшее урегулирование в Афганистане, проведение прямых переговоров и обмен военнопленными. Я хочу напомнить о том, что было много случаев, когда советские солдаты попадали в плен. И такие группы обстреливались с советских вертолетов, чтобы они не попадали в плен. Советская сторона не признавала за моджахедами права воюющей стороны, что не могло не осложнять положение оказавшихся в плену советских военнослужащих.

Здесь вновь в разговоре приняла участие Елена Георгиевна:

Вывод советских войск из Афганистана, 1988 г.

— Ребят надо освобождать. Но вину за занятую позицию надо возлагать не на Сахарова или на меня, вякающую здесь (так и сказала!). То, что было сделано по выводу советских войск из Афганистана, надо приветствовать. Я думаю, что не канадское, а наше правительство должно признать право афганского народа и вести переговоры. Тогда получим живыми наших парней.

А.Д.Сахаров добавил:

— Надо выяснить, кто принял решение о вводе войск в Афганистан. У меня нет доступа к архивам. В политбюро остались еще люди, принимавшие решение. Например, Шербицкий, близкий к Брежневу. Я знаю, как принимаются решения политбюро. Я бывал на них.

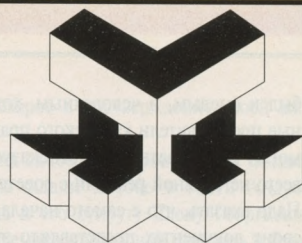
Естественно, канадские газеты, радио и телевидение широко осветили это заявление А.Д.Сахарова, а из Москвы в посольство посыпались

запросы: что же на самом деле сказал академик. В советской прессе вскоре появились резкие заявления, в основном со стороны военных, в которых акцент делался только на той части высказываний А.Д.Сахарова, где говорилось о расстрелах с вертолетов. Все остальное, и особенно слова об ответственности советского руководства за ввод войск, вроде бы никого не интересовало.

Прошло более трех месяцев, в течение которых состоялись выборы народных депутатов СССР, и А.Д.Сахаров тоже стал народным депутатом. Партийная номенклатура решила отомстить академику за это заявление. И на трибуну съезда вышел инвалид афганской войны Червонопиский, а за ним и все остальные. В ответ А.Д.Сахаров сказал, что речь шла о возвращении советских военнослужащих, находящихся в Пакистане, и что единственным способом решения этой проблемы являются прямые переговоры между советской стороной, кабульским правительством и афганскими партизанами... Он упомянул о тех сообще-

ниях, которые ему были известны по передачам иностранного радио, — о фактах расстрелов с целью избежать пленения. Тактичный академик не назвал имени одного из пятерых бывших советских солдат, с которыми встречался накануне пресс-конференции. Солдат сказал ему (мне говорил об этом позднее Герол), что принял решение сдаться моджахедам в плен после того, как сам стал свидетелем расстрела окруженных моджахедами солдат.

Давно нет уже в живых Андрея Дмитриевича. Давно выведены советские войска из Афганистана. Но афганская трагедия продолжается. Ныне русские парни гибнут на афганской границе в другой стране — Таджикистане. Поэтому самое время вновь вспомнить человека, первым поднявшего свой голос против бессмысленной войны в Афганистане в канун пятилетия со дня его кончины. ■

ФОРМА
КГК

ИЗЫСКАННАЯ

МЕБЕЛЬ ДЛЯ
ОФИСА

Крымский вал, д.8, кор.2

973-90-56

Уважаемые подписчики журнала «Столица»!

Только для Вас Центр лазерной терапии проводит высококвалифицированное медицинское обслуживание с применением последних достижений науки и техники с 20-процентной скидкой оплаты за лечение.

ТЕРАПИЯ:

- острый инфаркт миокарда,
- ишемическая болезнь сердца,
- окклюзионные заболевания сосудов ног,
- язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки,
- неспецифические заболевания легких.

АРТРОЛОГИЯ:

- ревматоидный артрит,
- деформирующий остеоартроз и др.

НЕВРОЛОГИЯ:

- невралгия тройничного нерва,
- неврит лицевого нерва,
- дисциркуляторная энцефалопатия и др.

ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИЯ:

- острые и хронические воспалительные заболевания ЛОР-органов.

ДЕРМАТОЛОГИЯ:

- нейродермит,
- экзема,
- красный плоский лишай,
- трофические язвы, псориаз.

УРОЛОГИЯ:

- хронический простатит,
- импотенция и др.

ГИНЕКОЛОГИЯ:

- функциональное трубное бесплодие,
- хронический сальпингоофорит и др.

СТОМАТОЛОГИЯ:

- пародонтоз,
- афтозный стоматит,
- десквамативный глоссит,
- герпетический стоматит и др.

Адрес: Москва, 1-я Сокольническая, 8 (м.«Сокольники»). Тел. 269-43-54.

Предъявите квитанцию о подписке на «Столицу» на 1995 год, и лечение Вам обойдется на 20 процентов дешевле!

Цитатник

Худшее — враг плохого

Егор ГАЙДАР, лидер «Выбора России», депутат Госдумы: «...Мы имеем много претензий к нынешнему Совмину. Мы готовы сформировать другое правительство и решить проблемы, возникшие сегодня. Но надо четко представить, что это правительство — результат выборов 12 декабря 1993 года. По моему глубокому убеждению, при всех недостатках и огромных ошибках нынешнего правительства я очень серьезно опасюсь, что если «Выбор России» станет в позу и вместе с коммунистами и фракцией Жириновского поддержит предложение об отставке, то на следующий день мы будем иметь Совмин, который действительно может привести нас к национальной катастрофе».

(«Вечерняя Москва»,
12 октября 1994)

Виталий ТРЕТЬЯКОВ, главный редактор «Независимой газеты»: «...В интересах Ельцина тянуть с отставкой Черномырдина или правительства в целом до, по крайней мере, весны будущего года. Однако, судя по всему, это не удастся. <...> Члены кабинета, ощущая приближение конца, все больше занимают не несчастной российской экономикой, а делами, связанными со своим будущим, что вызывает зависть у конкурентов».

(«Независимая газета»,
20 октября 1994)

И откуда он все знает? Настоящий главный редактор!..

Виктор ЧЕРНОМЫРДИН, премьер пока: «...Об отставке не думаю, я пока думаю только о работе».

(«Сегодня»,
20 октября 1994)

Одна, но пламенная власть

Иван РЫБКИН: «Человек у власти — очень сложное явление. Особенно в России. Это люди, как правило, со сложным характером. Все без исключения...»

(«Аргументы и факты», № 42)

Юрий АФАНАСЬЕВ, ректор РГГУ, бывший депутат ВС СССР: «...Лучшая часть интеллигенции всегда должна быть в оппозиции к любой власти. Это ее призвание. Мера оппозиционности может меняться, но интеллигент никогда не должен путаться с властью...»

(«Аргументы и факты», № 38)

Как не поверить человеку, в свое время порядком «путавшемуся с властью», но вовремя осознавшему свою интеллигентность!

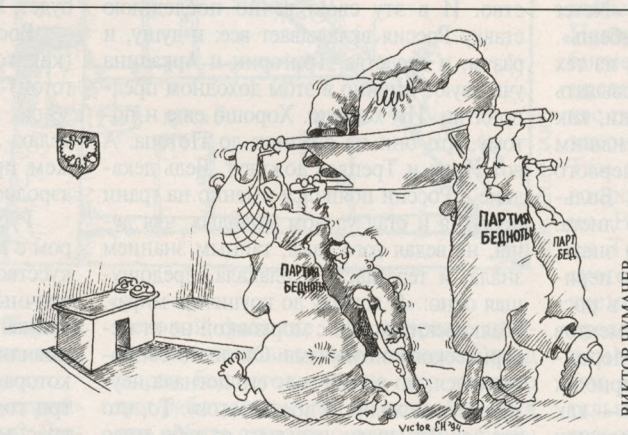
Константин ЛУБЕНЧЕНКО, бывший депутат бывшего ВС СССР: «У многих депутатов застыла в глазах смертельная тоска. Я это тоже пережил. Месть сладка, и очень соблазнительно вернуться к власти, чтобы расквитаться с обидчиками...»

(«Русское слово», № 1, сентябрь 1994)

Александр ТИТКИН, член Совета Федерации, бывший министр: «...Самолюбие у меня ого-го какое, мужицкое».

(«Утро России», № 41)

Спасибо за предупреждение.

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Николай АЙВАЗЯН, председатель Партии бедноты России: «...Не скрою, господа кремлевские заседатели, что за обиду бедноты я, как ее жоак, конституционным путем со многих спрошу, и даже очень круто, но это ни в коем случае не надо понимать, что я какой-нибудь маньяк, ненавидящий всех вас, холеных руководителей. <...> Напротив, со мной можно сесть за стол и спокойно провести целый раунд переговоров... Так что задержка за вашим приглашением, господа».

(«Набат бедноты», № 1, спецвыпуск)

Действительно, доколе же бедноту возглавлять? Пора и за правительственным столом посидеть!

Поздняя осень, и все зеленеет

Александр ЛИВШИЦ, руководитель группы экономических советников президента России: «Обвал национальной валюты действительно прошляпили. Подвели благодущие, плавность хода и снижение темпов инфляции. Случившаяся денежная паника обнаружила растерянность и неумение работать в сложных ситуациях».

(«Голос», № 26)

Сергей ДУБИНИН, бывший и.о.: «...Когда рубль повалился, многие реально существующие фигуры и интересы пришли в состояние активности. Сбой государственной финансовой машины давал политические шансы для тех, кто эти шансы ищет. Правда, одни ищут открыто, другие же по своему статусу искать не должны...»

(«Московские новости», № 48)

Борис ФЕДОРОВ, бывший министр финансов: «Я убежден, что случившееся — результат целенаправленных действий правительства и Центробанка. <...> Дело в политическом непрофессионализме «игроков». Плюс убаюкивающее чувство безнаказанности. Ведь раньше руководителям Центробанка и не то сходило с рук. <...> Может, эта быстрая реакция президента — главный положительный результат «обвала» рубля...»

(«Московские новости», № 48)

Не умеешь играть — не садись! Или наоборот: не умеешь играть — сядешь? Что-то мы совсем запутались.

Юрий ЛУЖКОВ, мэр и человек: «...Никакой пощадки тем, кто хочет сыграть на сложностях в государстве, не будет».

(«Московские новости», № 48)

Правильно! Раздавить гадину!

С ярмарки

Валерия НОВОДВОРСКАЯ

Марк Захаров решил расцечь очередную узел, завязанный кинематографистами, литературоведами и театральными критиками, и поставил «Чайку». Теперь с Чеховым все ясно. Знаменитая чеховская тоска, изломы и истерики его героев, причуды, переходящие в припадки, народный портрет в интерьере, переходящий во вражеский шарж, в отличие от эндогенной сартровской тоски, которая плавно переходит в тошноту («La nausée»), обрели свою вполне экзогенную, то есть предметную основу и неожиданно вышли на уровень пророчества.

Было ли это все ясно Чехову? Наверное, не более чем пифии на треножнике, когда ею овладевал Аполлон. Но в отличие от писателя, его герои, как кошки, собаки и крысы, предчувствуют землетрясение. Русская литература находится в области полтергейста. Она оперирует не зрением, и не осязанием, и уж конечно не слухом. Не на уровне разума — на уровне подсознания — здесь ставятся вечные вопросы типа «Что делать?» и даются не менее вечные ответы на тему: «Never more» и «Плетью обуха не перешибешь». Что же до Марка Захарова, то он из тех пророков, которые умеют истолковывать свои пророчества. Такие художники, как он, принадлежат к немногим выжившим и сохранившим память после первого крушения Атлантиды 1917 года. Большинство живет заново, с чистого листа. *Tabula rasa*. А меньшинству дано знать, что крушения Атлантиды в России периодичны. Культура и цивилизация в российской политической таблице элементов Менделеева (Янова? Бердяева? Мережковского?) нестабильны даже в периодах полураспада. 300, 200, 100, 50 лет — как когда. Иной раз 8 месяцев. Мы прожили целых 3 года, но нас все время трясет. 5, 7, 9 баллов. Что можно построить и заложить в стране с такой сейсмической активностью? Герои «Чайки», персонажи Чехова политикой занимаются редко (разве что в «Рассказе неизвестного человека»). Но их трясет, из-под ног уходит земля, и все валится из рук.

В типовом имени из «Чайки» на сцене «Ленкома» овцы не дают шерсти, пчелы не дают меда, овес не колосится, все дохнет и сохнет. Будущая «ферма животных» Оруэлла совершает неосознанное самоубийство еще в руках у Джонса, предчувствуя скорое пришествие царства свиной?

А время тянется нестерпимо медленно, никакой полезной деятельности нет, от скуки даже в лото играют, учитель из земства жалок и смешон, ну как такому возвысить и просветить народ? Никто, похоже, ничего не делает в захаровско-чеховской России. Да и зачем, если Провидение уже подготовило губку, чтобы в очередной раз стереть с доски? Российская история уходит в никуда. Поэтому никому не работается. Или не «поэтому», а «потому что»? Причины и следствия у нас давно свились в такой клубок, что расставить их по местам не легче, чем решить вопрос о старшинстве и приоритете курицы и яйца.

Единственная деятельность в этой типовой усадьбе — это искусство. Играть, писать, ставить пьесы, работать в иллюзии и на иллюзию. Чеховская типовая интеллигенция не живет, а смотрит сны про жизнь. Наше царство не от мира сего. Это проклятие, а не благодать. Во всех чеховских усадьбах если кто и работает, как старшая из трех сестер, то в порядке епитимьи. Никто не хочет работать на пустоту бездны, в которую канет все. Мы уже знаем, что выживает только искусство. И в эту свою вечно последнюю ставку Россия вкладывает все: и душу, и разум, и средства. Тригорин и Аркадина участвуют именно в этом доходном предприятии. Им хорошо. Хорошо еще и потому, что они не доживут до Потопа. А вот Нина и Треплев доживут. Ведь деканс в России появился именно на грани небытия и стал уделом молодых, чья душа, не ведая того сама, тайным знанием знала, и терзалась, и плакала, предощущая одно: «Я доживу до крушения мира». Маяковский ходил с морковкой не от исторического оптимизма. Он долго сопротивлялся, но в 1930 году его догнала неуловимая мелодия «Гибели богов». То, что это час Рагнаради, скрывать от себя стало невозможно. Есенин и Блок поняли это еще раньше в силу большей воспитанности чувств. Треплев у Чехова — Захарова нежен, изыскан, раним, тонок. Он какой-то частью своего существа знает, что не вынесет, сломается, пройдет через ад и встретит смерть в безумии и унижении. Как Мандельштам, который в силу чисто творческого любопытства не захотел уйти сам, легко, и так за это поплатился.

Чеховские самоубийства вообще иррациональны, если не думать о том, что грядет. Чеховские герои не бесятся с жиру, как принято думать. Они мечутся в предчувствии неизбежного и жестокого конца. Не только жизни — но и света.

Останется летний полуразрушенный театр в саду, под мокрым снегом, под ливнями. Времени больше не будет. Лета больше не будет. Чеховская Россия едет с ярмарки. Чеховские герои знают, что хорошие манеры в лагерном бараке им не пригодятся. Все равно в руках чекистских палачей не сохранит лицо. Зачем же стесняться? Поэтому Иванов называет Сарру жидовкой и сообщает ей, что она скоро умрет. Поэтому Аркадина называет сына приживалом, а он ее — скрягой. Чеховская Россия — зал ожидания перед историческим Холокостом.

*Так смывайте веревки
И шаткий грузите фургон.
До самой последней ночевки
Остался один перегон.*

(Н.Горбаневская)

А Нина другая. У нее есть терпение и смирение ломовой клячи, смирение идти на живодерню, смирение эзков, старавшихся выжить и в сталинских лагерях из «Одного дня Ивана Денисовича» и «В кругу первом». Бесплезная и унижительная стойкость. От мачехи Нина убежала, но главная мачеха — Россия — еще доберется до нее. Что ей голод, что усталость, что остракизм! Это цветочки, ягодки будут после 1917-го. В Елец в третьем классе? В телячьем вагоне будет хуже. Образованные купцы будут говорить комплименты? Вохра комплименты говорить не будет. Будет насиловать.

Россия — чайка, которой суждено (как той, по имени Джонатан Ливингстон) не кормиться, не делать что-то на земле, а только летать в неведомых пределах. Летать-то мы умеем. Мы не можем приземлиться. Нас не принимает аэродром...

Русское искусство мечется над озером с тоскливыми криками. Россия и искусство — одно. На сцене «Ленкома» в урочный премьерный час плачет совокупная российская душа, душа ушедшей цивилизации. Душа нашей цивилизации, которая тоже, похоже, уйдет, которая все три года дышит на ладан, рыдая среди красных знамен и коричневых свастик. Львов у нас никогда не было, рыб мы уморили, орлы и куропатки доживают свой экологический век. Очередь за людьми.

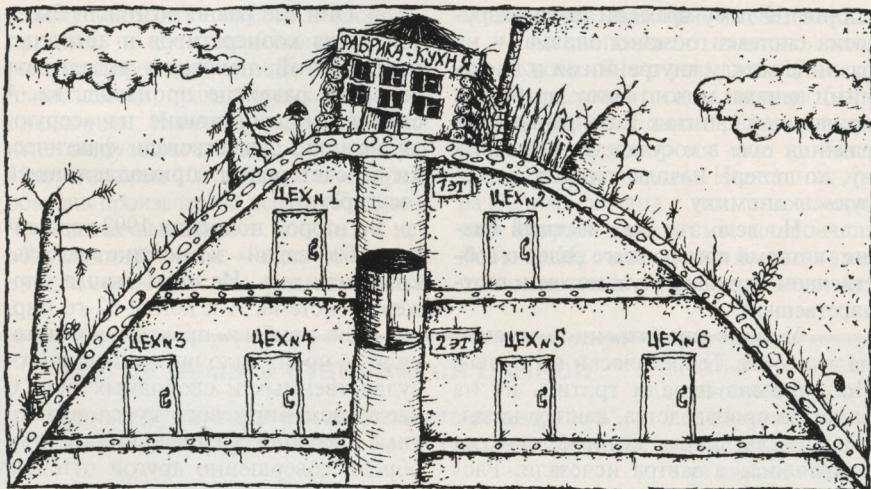
В этом мире каждому что-нибудь да досталось. США, Франция, Германия, Англия... Парламенты, достаток, комфорт, техника, прогресс... И всем — право на жизнь. Что досталось России, кроме полета?

*Лишь чайки, над морем летая,
Заплакали сквозь торжество:
«Зачем ты пришла, золотая?
Здесь нет для тебя ничего».*

(И.Сельвинский)

«Чулок» стоимостью в восемь миллиардов долларов

Теневая экономика — понятие интернациональное. Например, доходы от наркобизнеса или сутенерства в любой стране считаются нелегальными. Границы же «серой» экономики так точно очертить нельзя. Специалисты даже не могут однозначно решить — где грань между экономическим преступлением и несовершенством законодательства. Что представляет собой «серая» экономика России? Каковы ее масштабы? Нужно ли бороться с этим явлением? Об этом с корреспондентом «Столицы» беседует Андрей НЕЩАДИН, заместитель генерального директора Экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей.

— Андрей Афанасьевич! Термин «серая» экономика возник после того, как у нас начались реформы?

— Знаете, что называлось «серой» экономикой в застойные годы? Любая надомная работа: шитье фартуков, халатов (не дай Бог, если портнихи собирались группами), ремонт телевизоров вне стен телеателье, даже починка автомобиля, минуя сервис. Желая хоть чуть-чуть заработать сверх оклада, люди были вынуждены скрывать непонятно почему запрещенную государством работу. То же самое происходило и на крупных предприятиях, когда там открывали подпольные цеха. Причем рабочие даже не подозревали, что обслуживают что-то нелегальное. В свое время Прокуратура Союза расследовала очень громкое дело о подпольном бизнесе на

меховой фабрике, где впервые применили компьютерные лекала. Отход сырья был столь велик, что хватило для работы еще одного цеха. Сегодня эти ребята спокойно организовали бы кооператив или товарищество, а в те времена стали уголовниками, посвянувшими на госсобственность. Масштабы «серой» экономики в СССР были действительно велики, но и законодательство разительно отличалось от нынешнего. На мой взгляд, рассуждения о том, что «теневка» досталась нам в наследство, не выдерживают никакой критики. Это явление благоприобретенное.

— Каковы были масштабы «серой» экономики в конце восьмидесятых?

— Ответить на этот вопрос очень сложно — в разных отраслях по-разному. Но самый большой размах был

все-таки в строительстве. Меньше злоупотреблений встречалось в тяжелой промышленности, оборонка была практически закрыта для «серой» экономики, хотя и на экспорте иногда делали приличные деньги. И еще одна характерная особенность: «серая» экономика не выходила на высокий уровень, ее деятельность ограничивалась, как правило, областными масштабами.

— А на чем делали деньги в верхних эшелонах власти?

— Там прокручивали совсем иные дела, теперь они называются лоббистскими интересами. «Серые» деньги получали от торговых сделок. Например, в обход государства отправляли на Север партию мандаринов и продавали. Если не ошибаюсь, первое распоряжение Шеварднадзе, перешедшего из МВД в горком партии, касалось вывоза цитрусовых с территории Грузии. Свободно торговать можно было только излишками, а обязательную норму следовало продавать государству. В принципе, нормальный вариант продрозверстки.

В конце восьмидесятых — а точнее, в течение 1989—1990 годов — в государстве были созданы все условия для легализации теневых структур. Именно в этом и заключался смысл постановлений Рыжкова и Павлова по восстановлению малого бизнеса, законов о кооперации и госпредприятии. Хотя специалисты сейчас понимают, что именно последний закон подорвал промышленность. Тем не менее «процесс пошел», и вопреки логике — весьма эффективно. Результаты работы бывшей артели Туманова, кооперативов Масарского, Травкина стали эталоном того времени для создания арендных предприятий. А это привело в конечном итоге к появлению концерна Бутэк, Кредо-банка. Узаконенная деятельность МЖК подтолкнула правительство разрешить временные трудовые коллективы. Это был настоящий прорыв: специалисты начали зарабатывать хорошие деньги без согласия на то чиновников или партийных организаций.

— Как вы оцениваете тот период с экономической точки зрения?

— Бесспорно позитивно. Это был настоящий прорыв, и, в принципе, он закладывал основы для нормальных рыночных отношений. Тогда были созданы все условия для работы двух форм — арендных предприятий и кооперативов. Позже, когда вышло постановление об акционерных обществах, все быстро перестроились

АЛЕКСАНДР ЗАЙЦ

на новую форму работы. Еще не было акций, зато механизм работы с памями стал пробой чековой приватизации.

— Андрей Афанасьевич, а как «делали» деньги во времена легализации «серой» экономики?

— Все было до смешного просто. Во-первых, благодаря абалкинскому налогу удалось резко увеличить зарплату. Она составляла в среднем шестьдесят процентов от всех полученных трудовым коллективом денег. Во-вторых, были сняты всевозможные ограничения и специалисты занялись нормальной организацией труда. К примеру, кооператив Туманова «Магистраль» строил дороги в Республике Коми. Узкотехнологичная работа, мало зависящая от поставщиков, была впервые организована так, как считали нужным сами строители, а не КЗОТ Российской Федерации. Тогда впервые был применен вахтовый метод: два месяца отпуска — на время распутицы, остальное — работа с применением эффективных технологий. Хочешь зарабатывать деньги — пожалуйста.

Наконец, кооперативам в отличие от госструктур не надо было отчислять средства на амортизацию техники, на науку, соцкультбыт. Сэкономленные средства хозяева пускали не только в фонд заработной платы, но и в фонд развития. Ну и конечно же действовала жесткая система экономии.

— Как известно, всему хорошему когда-то приходит конец. Подтверждение тому — нынешний кризис в экономике...

— Увы, но это так. В 1991—1992 годах началась новая эпопея заработывания денег, принципиально отличающаяся от предыдущей.

Прежде всего деньги стали «делать» на экспорте. К тому времени была разрушена система госмонополизма, и на разнице между внутренними и внешними ценами можно было заработать приличный капитал. Если раньше эта разница шла в государственную казну, то теперь начала уходить в «серую» экономику.

— Но ведь это был частный бизнес, который прежде всего радел о собственном кармане, а уж потом о государственным.

— У меня двойственное мнение на этот счет. Теоретически вы правы. Но прибыль начали тратить не на развитие производства, как год назад, а на нужды фирм, которые сегодня появлялись, а завтра исчезали. Рассмотрим знаменитую схему Артема Тарасова: скупка металлолома по внутренним ценам — продажа по мировым — покупка компьютеров за счет образовавшейся разницы — сбыт товара в России и вновь получение прибыли за счет несоответствия цен. Если бы в государстве существовала тогда нормальная экспортная пошлина — все было бы иначе. Но в 1991 году уже многим стало ясно, что правительство вряд ли удержится, и все, кто мог, начали заниматься грабеджом. Это было уже не просто лоббирование, а создание криминальных структур в государстве, неспособном регулировать эти процессы.

В это же время появился еще один механизм получения «легких» денег — система бирж. Здесь «играли» на разнице государственных и свободных внутренних цен. И это было второй серьезной экономичес-

кой ошибкой, породившей уже целую систему криминальной экономики. Ведь для того чтобы получать товар для бирж, его нужно было находить на фондируемом рынке, разрывая уже сложившиеся хозяйственные связи, сокращать план поставок... Это было началом обвала в российской экономике.

Третий путь развития «теневки» — игра на валютном курсе. Центральный банк России, менявший валюту организациям и предприятиям, мог варьировать ценами — если не ошибаюсь, от 8 до 15 рублей за доллар. И заработала уже известная схема: конвертация — закупка товара — импорт — продажа на внутреннем рынке — получение рублевой прибыли за счет разницы цен.

— Не кажется ли вам, что госконтроль тогда, три года назад, задушил бы зарождающийся капитал и сейчас в России не было бы такого количества коммерческих структур.

— Они все равно возникли бы — только из кооперативов и арендных предприятий, начавших вкладывать деньги в развитие производства. А структуры, работавшие на «серую» экономику, существовали фактически за счет ренты, принадлежавшей государству.

Во второй половине 1992 года ситуация в «серой» экономике несколько изменилась. Из игры вышла биржевая система. А к концу 92-го биржи свою прибыль практически потеряли — произошло выравнивание государственных и свободных цен. С введением биржевого курса импортные операции остались, но они приобрели совершенно другой оттенок: игра начала строиться на норме прибыли для торговли, на разнице российских и мировых цен. Именно в этот период появились новые возможности получения «легких» денег — через коммерческие банки. К середине 1993 года, после отмены всех налоговых льгот для кооперативов и с введением новой налоговой политики, вся структура конца восьмидесятых была перечеркнута. Вот тут-то и началась банковская «халява»: ставки Центробанка были тогда порядка 120 процентов, банки же раздавали кредиты примерно под 300 процентов годовых и, не напрягаясь, за счет инфляции стригли купоны. В это же время государство само подхлестнуло развитие коррупции, разрешив вступить в «игру» оптовым базам. Это была одна из основных ошибок Гайдара, мыслящего вполне логично: спрос будет рождать предложение.

Однако в жизни все получилось наоборот: оптовые базы мгновенно превратились в монополистов. Попробуйте найти в Москве изделия фабрики «Большевичка» — их нет, потому что торговле столь дешевая продукция невыгодна. По той же причине столичное объединение «Москва» вынуждено продавать мужские сорочки в Америку, а мы — покупать китайские.

Как бы в ответ на создание оптовых баз появилось множество лоточников, челноков, палаточников. По данным Госкомстата, в прошлом году частная торговля составила почти половину от общего объема. Естественно, государство получает от такой предпринимательской деятельности крохи. Совершенно открыто работает «серый» рынок службы быта: ремонт квартир, автомобилей, бытовой техники. За все услуги мы с вами рассчитываемся наличными, с которых никто никаких налогов в государственную казну не платит. «Шутить» начали и госпредприятия, по сути, вернувшись к старым проверенным схемам с подпольными цехами, правда, чуть усовершенствованным. Например, одно предприятие выпустило весьма популярную книгу тиражом 100 тысяч экземпляров, объявив производство нерентабельным. Чуть позже выяснилось, что был и необъявленный тираж — тоже 100 тысяч экземпляров. Но все расходы были

списаны на легальную продукцию, а прибыль получили за счет скрытого тиража и без уплаты налогов.

— **Андрей Афанасьевич, «серая» экономика — это российский феномен или все-таки явление, типичное для стран, переживающих переходный период?**

— Элементы незаконной экономики существуют в любой стране, особенно при переходе к рынку. Но масштабы явления — типично российские. Вспомните первые обещания Гайдара: десять процентов инфляции должны быть на семь процентов компенсированы населению. У нас пока нет открытой безработицы — толпа «при массовом выбросе» может творить невообразимое, и вот тогда действительно будет разгром промышленности.

— **Что, на ваш взгляд, все-таки привело российскую экономику к столь плачевному результату — политические амбиции, отсутствие сильных экономистов, фатальное невезение?..**

— Очень сложно отделить одно от другого. Я считаю, что 1989 год был последним, когда можно было развивать нормальные рыночные отношения. В то время еще не было потеряно управление. Нынешняя неразбериха связана с тем, что, разгромив старые схемы, мы не создали новых. На мой взгляд, основная причина спада производства — это

взаимоотношение торговли и правительства, оптовой торговли и производства. Как ни странно, но в России нет ни одного фирменного магазина, принадлежащего предприятию, — результат приватизации малой торговли по Чубайсу. В свое время предприятиям с госкапиталом свыше двадцати пяти процентов было запрещено участвовать в приватизации малых форм торговли. А в результате пострадали потребители.

— **Вы, практически, ответили на первый традиционно русский вопрос — кто виноват? Остается второй — что делать?**

— Все зависит от поведения правительства. Сделать инвестиции стабильными — это единственный способ изменить ситуацию к лучшему. Следующий, 1995 год, будет решающим. Лично я не верю в западные инвестиции, надежда только на российские, реально существующие. По оценкам специалистов, наличие в России — та, что, образно говоря, лежит в чулке у населения, — оценена в восемь миллиардов долларов. И люди готовы вкладывать деньги, но при двух условиях: нормальной инфляции и надежности банков. Время «глобальных решений» закончилось — либо реальная работа, либо дальнейшая криминализация экономики и общества.

Лариса МАТРУСЕНКО

Когда бумага становится ценной

Ценные бумаги для россиян печатают двадцать отечественных предприятий и несколько зарубежных

У каждого производителя есть, как правило, свои секреты, защищающие акции, векселя, облигации от подделки. Например, в состав бумаги добавляют специальные волокна, которые можно разглядеть лишь в ультрафиолетовом свете.

Краски для печати ценных бумаг тоже отличаются от обычных типографских повышенным качеством. Часто используют магнитные красители или светящиеся в определенных лучах цвета.

Один из полиграфических приемов против подделки — микроскопический текст или специальная ажурная сетка на бумаге. Они создают ощущение объемности. Если же взглянуть, допустим, на такую сетку под микроскопом, то можно увидеть, как plainly сделаны цветковые пере-

ходы, насколько тонок ажурный узор, в какие мельчайшие рамки обрамлены все буквы микротекста. Ни на одном цветном ксероксе невозможно воспроизвести все эти детали. Специалисту достаточно лишь присмотреться, чтобы сразу определить — подделка перед ним или действительно ценная бумага.

В любой стране мира, где развит рынок ценных бумаг, строго оговорены требования к данной печатной продукции. Порой они могут показаться странными. Скажем, чтобы ценная бумага была допущена к торгам на Нью-Йоркской бирже, на ней обязательно должна быть изображена человеческая фигура с лицом анфас.

По мнению Милы Рос, вице-президента международного от-

дела «Юнайтед Стейтс Банкрот Корпорейшн», компании, уже на протяжении двухсот лет занимающейся выпуском ценных бумаг, каждая такая бумага должна даже внешним видом внушать доверие клиенту. В компании есть архив, в котором собрано примерно 500 тысяч гравюр, выполненных вручную. Сочетание орнаментов этих гравюр позволяет создавать разнообразные и неповторимые узоры для новых ценных бумаг и практически исключает подделку. Самый крупный заказчик компании — американское правительство.

Такой подход к производству ценных бумаг означает, что едва ли не каждую акцию или вексель можно считать своего рода произведением искусства. Для российского рынка «Юнайтед Стейтс Банкрот Корпорейшн» напечатала сертификаты «Росзолота». Кстати, название расшифровывается как «Россыпи золота», а не «Российское золото». Эти сертификаты имеют двадцать (!) элементов за-

щиты, включая помимо стандартных еще и тиснение золотой фольгой.

Поскольку с ценными бумагами сегодня приходится иметь дело едва ли не каждому россиянину, перед покупкой необходимо обратить внимание хотя бы на внешний вид того, что приобретаешь. Например, стоит пощупать бумагу и убедиться, есть ли на ней выпуклости. При внимательном рассмотрении виден и мельчайший узор, о котором упоминалось выше. Словом, требования предосторожности те же самые, что и к сомнительного вида дензнакам. Просто сегодня фальшивомонетки предпочитают изготавливать валюту или крупные рублевые купюры. Их легко сбыть. А с ценными бумагами на российском рынке пока не так просто — даже отпечатанные в лучших типографиях мира, они могут быстро потерять свою стоимость.

Антон БУЛАНОВ

Уважаемые дамы и господа!

Акционерное общество «STB Card» поздравляет Вас с приобретением нашей пластиковой карточки!

Мы публикуем адреса и телефоны московских предприятий торговли и сервиса, принимающих к оплате STB Card. Но для начала немного о самой карточке. Получив STB Card, Вы автоматически открываете личный счет в банке, который выдал карточку. С помощью STB Card Вы сможете, не затрачивая серьезных усилий, перевести со своего счета деньги за покупку в магазине, или обед в ресторане, или турпоездку... И снять необходимую сумму наличными в отделениях (филиалах) банков или через круглосуточно работающие банкоматы.

STB Card лучше, чем деньги. Чем?

- Владельцу карточки не обязательно иметь при себе крупные суммы наличных денег;
- Вы сможете хранить деньги на счете в любой валюте;
- открыть несколько счетов на одну карточку или несколько карточек на один счет, как Вам удобнее;
- расплатиться по STB Card можно как в рублевых, так и в валютных точках торговли и сервиса, причем при оплате в валюте Ваши рубли конвертируются по курсу ММВБ на день покупки;
- пропажа карточки не является потерей денег.

МЕБЕЛЬ

ELSA MODA ITALIA

Ленинский пр-т, д. 18
М. «Октябрьская»
Тел. 952-45-21
10.00—20.00

GOOD DEAL

Б.Переяславская ул., д.10
М. «Проспект Мира»

А.Р.ИМПЭКС

ВВЦ, павильон
«Центр-Москва»
М. «ВДНХ»
Тел. 974-62-51
10.00—18.00

АКМА

Ткацкая ул., д.1
М. «Семеновская»
Тел. 962-92-50
9.00—19.00

АНАИР

Кировоградская ул.,
д.42
М. «Южная»
Тел. 387-22-80
10.00—19.00

АНСА-М

Народного ополчения ул.,
д.29
М. «Октябрьское поле»
Тел. 197-50-20
10.00—19.00

Щербаковская ул., д.3

М. «Семеновская»
Тел. 369-40-05
10.00—19.00

АРТ ТРЕЙДИНГ

Новая пл., д.8/10
М. «Лубянка»
Тел. 921-96-86
10.00—20.00

БИ ЭМ СИ

2-я Брестская ул., д.6
М. «Маяковская»

БЭМБИ

Краснобогатырская ул.,
д.31
М. «Преображенская
площадь»
Тел. 964-06-48
9.00—19.00

ВОЯЖЕР

2-й Карачаровский пр-д,
д.2
М. «Таганская»
Тел. 171-97-89
10.00—19.00

ДЕКОР ИСПАНИЯ

Варшавское ш., д.46
М. «Нагатинская»
Тел. 111-52-01
10.00—19.00

ЕВРАЗИЯ

ВВЦ, павильон
«Центральный»
М. «ВДНХ»
181-93-15
10.00—18.30

ЕВРОМЕБЕЛЬ

Малыгина ул., д.9/2
М. «Бабушкинская»
Тел. 474-44-44
10.00—19.00

ИМПУЛЬС

Красикова ул., д.9
М. «Профсоюзная»
Тел. 250-29-10
10.00—19.00

ИНВИРД

Ленинский пр-т, д.89/2
М. «Новые Черемушки»
Тел. 132-15-38
10.00—19.00

ИНТЕРМЕБЕЛЬ

Литвина-Седого ул., д.9/26
М. «Улица 1905 года»
Тел. 259-69-33
10.00—19.00

КАМИЛА

Уральская ул., д.6, корп.1
М. «Щелковская»
Тел. 466-42-38
10.00—18.00

КВИН МОСМЕБЕЛЬ

Гарибальди ул., д.26
М. «Новые Черемушки»
Тел. 128-78-35
10.00—19.00

КИС

Первомайская ул., д.32/23
М. «Измайловская»
Тел. 163-50-22
10.00—19.00

КОМТЕХТРАНС

ВВЦ,
павильон № 14
М. «ВДНХ»
Тел. 974-60-05
10.00—18.00

КУСКОВСКИЙ

Кусковская ул., д.37
М. «Перово»
Тел. 309-35-11
10.00—19.00

ЛИСМАРКЕТ

Новопесчаная ул.,
д.13/3
М. «Сокол»

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ДОМА И ОФИСА

Комсомольская пл., д.4
М. «Комсомольская»
Тел. 262-60-19
9.00—18.00

МЕБЕЛЬНЫЙ САЛОН

М.А.К.
ВВЦ,
павильон «Цветоводство»
М. «ВДНХ»

МОС-М

Саринский пр-д, д.2
М. «Павелецкая»
Тел. 276-76-73
10.00—19.00

МОСПРОМ

Симоновский Вал ул.,
д.15а
М. «Пролетарская»
Тел. 274-52-23
10.00—20.00

НОРТЭКС

Шипиловский пр-д, д.39/2
М. «Орехово»
Тел. 343-30-67
10.00—18.00

ОРЕОЛ

Лобанова ул., д.2/21
М. «Автозаводская»
Тел. 277-30-59
10.00—19.00

ПОЛАРИС

Сиреневый б-р, д.1-5
М. «Черкизовская»
Тел. 164-33-32
10.00—19.00

ПОЛИФОРМ

Зои и Александра
Космодемьянских ул., д.23
М. «Войковская»
Тел. 450-12-94
10.00—19.00

ПОЛО

Кутузовский пр-т, д.30/32
М. «Кутузовская»
Тел. 281-15-75
10.00—19.00

Гиляровского ул., д.47

Тел. 281-15-75
10.00—20.00

ПРИМАВЕРА

Ленинградский пр-т, д.34
М. «Динамо»
Тел. 212-78-63
10.00—20.00

РИМАКС

Маршала Бирюзова ул., д.8
М. «Полежаевская»

РОСИТАЛ

Маршала Федоренко ул., д.3

САЛОН АФК

Маршала Катукова ул., д.8

Можайское ш., д.54

М. «Кунцевская»

Нижняя Масловка ул., д.10

М. «Савеловская»
Тел. 945-42-93
10.00—20.00

Сходненская ул., д.54

Декабристов ул., д.17

М. «Отрадное»
Тел. 292-38-90
10.00—18.00

Первомайская ул., д.93/20

М. «Первомайская»
Тел. 465-36-50
10.00—20.00

Зеленый пр-т, д.81

М. «Новогиреево»
Тел. 301-42-46
10.00—20.00

Генерала Белова ул., д.18

М. «Домодедовская»
10.00—18.00

Сергей НАЙДЕНОВ,
Лариса ПАНКРАТОВА (фото)

По дороге кольцевой

200 миллиардов за езду с ветерком

Намаевшись в городских пробках, невольно задаешь себе вопрос: «Не утратило ли твое авто способность двигаться быстрее чем 20 км в час?» Сегодня именно таким образом организовано движение в столице. Так что быстрее и не поедешь. Но к тем, кто за рулем, рано или поздно приходит желание «пошуршать шинами» в свое удовольствие. Некоторые выбирают для этого кольцевую дорогу или, если хотите официально, МКАД.

Каждый, кто попадает сегодня на кольцевую, не сомневаюсь, удивляется тому, что все меньше и меньше она становится похожей на «дорогу смерти». Это ее народное, неофициальное название: трудно отыскать такого, кто ни разу не влетал на приличной скорости во всякие колдобины или не был тому свидетелем. А кому могло понравиться, когда навстречу, в лоб, вдруг выскакивал какой-нибудь сумасшедший? Разве что такому же психу. А если дело происходило вечером или ночью, то все это усугублялось кромешной тьмой. Не хочу рассказывать о последствиях, поскольку все это напоминало поле битвы, театр военных действий с неизменными участниками: водители с пассажирами или без них, пешеходы, сотрудники ГАИ, скорая помощь, пожарные. А потом в игру вступали родственники погибших, суд, прокуратура... И казалось, конца этому не будет. Только в прошлом году на МКАД погибло более двухсот человек и почти вдвое больше было травмировано.

Сегодня на кольцевой водителя с первых секунд не покидает ощущение безопасности благодаря расположенному слева от него, в какую бы сторону он ни ехал, разделительному барьеру. С наступлением темноты чувство уверенности не пропадает, потому что включаются светильники, закрепленные на опорах, установленных прямо над барьером. Таким образом, в любое время суток можно рассмотреть, что происходит вокруг, а главное, увидеть само дорожное полотно, которое, кстати, тоже приобретает положенный ему вид.

Одним словом, МКАД меняется. И в лучшую сторону. Но это не реконструкция, как многие полагают. Она еще предстоит. А сейчас, как мне объяснил заместитель начальника управления Мосдора Коробин Ю.Л., происходит улучшение условий безопасности движения путем увеличения пропускной способности, но без расширения дорожного полотна, без увеличения полос. Сегодня безопасность обеспечивается за счет барьера, освещения, ремонта полотна, нанесения разметки и установления необходимого количества информационных щитов и дорожных знаков.

Несколько слов о барьере. Когда-то он был, но потом его убрали. Правда, не весь, кое-где его можно было обнаружить. Убирали, чтобы увеличить количество полос, а стало больше аварий. Люди переходили кольцевую где попало и попадали под колеса. При

в условиях инфляции, неплатежей, отсутствия необходимых денежных средств. Тем не менее к 20 ноября все работы должны быть закончены. По крайней мере выполнено должно быть, в этом меня заверил господин Коробин Ю.Л., 99 процентов объема всех работ. На МКАД будет установлено 184 крупных информационных щита, покрытых специальной пленкой, срок службы которой рассчитан на восемь—десять лет. Отремонтировано 1 млн 300 тыс. квадратных метров дорожного покрытия. Нанесена вся необходимая разметка. Появится две с половиной тысячи дорожных знаков. Общая сумма затрат составила 200 млрд рублей. Сооружение стоянок, АЗС и кафе на кольцевой поручено префектурам. Не скажу, много это или мало, но аварий стало меньше, уменьшилось и число пострадавших, а это несоизмеримо ни с чем.

Есть ли у кольцевой будущее? Вопрос не праздный, если учесть, что к старым пробле-

отсутствию освещения, ослепленные встречным транспортом, водители просто не видели перебежавших. Наезды совершались так часто, что стали главной причиной аварий. Вслед за пешеходами и сами водители начали разворачиваться там, где им удобно. В итоге — почетное второе место в печальной статистике. Новый барьер должен все это исключить. Более того, конструкция его такова, что выталкивает попавшую на него машину обратно на трассу. Что касается освещения, то опоры со светильниками должны были появиться по краям МКАД, да кто-то сообразил, что в этом случае они будут препятствовать дальнейшему расширению дороги. В итоге их решили вмонтировать в барьерные блоки, что сделало опоры более безопасными. Надо сказать, что решение по выполнению всех этих работ было принято еще в 1987 году. А выполнять его пришлось нынешнему правительству Москвы

мам добавились новые. Во-первых, барьер сузил и без того узкую в некоторых местах дорогу, а во-вторых, разрывы в барьере находятся на таком расстоянии друг от друга, что в случае необходимости ни скорая помощь, ни пожарные, ни ГАИ не в состоянии быстро попасть в нужное место, а если образуется пробка, то и вовсе никогда. Над этой проблемой ответственные люди ломают сейчас головы.

Что же касается расширения или реконструкции МКАД, то начнется она не скоро. И дело тут не только в отсутствии необходимых денежных средств. Есть и другие проблемы. Например, проблема прилегающих к МКАД территорий. В свое время часть из них была

роздана старыми исполкомами под строительство гаражей, а часть самовольно захвачена предприимчивыми гражданами под огороды. Но даже если найдутся деньги, освободятся территории, будут начаты работы по расширению и, что самое важное, успешно будут закончены — проблем города это не решит. Так считают в правительстве.

Как одну из причин создавшегося нелегкого положения на дорогах Москвы называют растущее число автомобилей. Но Москва не первый город в мире, который столкнулся с такой проблемой. Вместе с тем здесь имеются и свои, особенные проблемы. Например, у дорог нет одного хозяина. По принадлежности все они делятся на федеральные, правительства Москвы и муниципальные. И там, где они пересекаются, возникают большие сложности. В месте, где МКАД пересекает трассу Москва—Рига, федерального, к слову сказать, подчинения, работы ведутся неоправданно долго. И для тех, кто, случается, попадает там в пробку, время исчисляется не минутами, а часами.

Так что, уважаемый читатель, прокатившись, если повезет, с ветерком по кольцевой, поверив в себя и в свою машину, возвращайся к знакомым проблемам. И будь готов ко всему, ибо сегодня нет у тебя выбора. ■

Тур Хейердал: Будущее может стать удручающе ядовитым или цветущим и радужным

Если бы я был Туром Хейердалом, то отвечал бы на вопросы совершенно по-другому. Согласитесь, что когда 80-летнего путешественника спрашивают, чего ему не хватает, то в соответствии со всеми штампами ему следовало бы выразить сожаление, что слишком мало остается времени на осуществление какого-либо грандиозного проекта под стать дух захватывающим походам на «Кон-Тики» или «Тигрисе».

Однако я не на его месте, и у знаменитого норвежца есть возможность отвечать на вопросы сообразно своим собственным желаниям и своему масштабу. А о масштабах этого человека говорит хотя бы тот факт, что в Норвегии открыт музей, посвященный путешествию на плотах через Тихий океан. Размещен он в нескольких шагах еще от двух музеев — викингов и Фриьтофа Нансена. Сегодняшние норвежцы боготворят Тура и ставят его подвиги в один ряд с завоева-

ниями своих предков и походом к Северному полюсу легендарного «Фрама».

«Они любить умеют только мертвых», — утверждал Пушкин. В случае с Хейердалом такой вопиющей несправедливости не произошло — много ли в мировой истории найдется людей, музей которым создавался еще при их жизни (если не вспоминать музеи различных диктаторов, редко переживавших своих собственных учредителей).

Что касается вопроса о том, чего же не хватает Хейердалу, великий путешественник ответил, что не хватает ему ни много ни мало «готовности человечества пожертвовать частичку своих сил на сохранение нашего мира».

— Как вы представляете себе такое коллективное самопожертвование?

— Я понимаю, что отказаться от достижений цивилизации невозможно. Это озна-

чало бы начало конца самой цивилизации, которая не может стоять на месте. И тем не менее нам надо понять, что мы не располагаем тем временем, которое столь щедро тратили наши предшественники, сжигая лес, осушая реки и опустошая недра земли. При сегодняшних темпах уничтожения природы, в первую очередь мирового океана, могу поручиться, что еще на моем веку мы станем свидетелями экологической катастрофы с необратимыми последствиями. И не поймите меня превратно — я совершенно не собираюсь засиживаться на этом свете. Ситуация действительно сложилась чрезвычайная. Еще несколько лет — и природа прекратит свое отчаянное сопротивление человеку, который хладнокровно бросает в бой со своим будущим все новые и новые изобретения.

— С трудом представляю себе, как можно заставить людей отказаться от автомобилей, лака для волос или пластиковых пакетов...

— Лучше не напоминайте мне о пластиковых пакетах и бутылках, вы не можете себе представить то бессилие, которое испытываешь, сходя на пустынный пляж какого-нибудь забытого богом тихоокеанского острова и спотыкаясь о вездесущие пузырьки из-под пепси-колы. Но отказываться от всех прелестей, предлагаемых нам современной жизнью, не стоит. Просто нужно максимально быстро и эффективно использовать те возможности в области экологической защиты, которыми располагает современная наука и которые предоставляет в наше распоряжение мировой опыт. Нам необходимо не лениться заглядывать хотя бы на несколько лет в будущее, которое в зависимости от наших действий может стать удручающе ядовитым или цветущим и радужным.

— Как же этого можно добиться на примере хотя бы больших городов? Поставить по окружности мусороперерабатывающие заводы, заменить грызущие озон аэрозоли на мази и пересадить всех на велосипеды?

— Это было бы прекрасно. Но и мусор весь не переработает, и аэрозоли не запретишь, и велосипедами современный автомобиль не подменишь. Проблемы больших городов надо решать в комплексе. Не зря я упомянул мировой опыт. 90 процентов мировых запасов свободного кислорода производится морским фитопланктоном. А вот остальные 10 процентов — наземными растениями.

В свое время Москва поразила меня именно обилием зелени. И должен похвалить нынешние городские власти — похоже, что свои проблемы они решают преимущественно не за счет вырубки парков и асфальтирования бульваров. Во всяком случае, я не заметил, чтобы в центре города убавилось деревьев.

— На ваш взгляд, город совсем не изменился?

— Этого я не говорил. Город стал абсолютно другим. Я наблюдаю за его трансформацией с 1962 года, когда впервые приехал в Советский Союз по приглашению академика Келдыша. С тех пор я неоднократно посещал Москву. Перемены повсюду. Красивая одежда, современные машины (вернее, их обилие), яркая реклама, роскошные гостиницы, заполненные магазины. Разочаровывают неимоверные пробки. Вот уж что вы зря заимствовали у Запада, так это транспортные проблемы. В общей лавине перемен я нахожу лишь одно исключение, но зато весьма существенное — неизменными остались люди.

— Наверное, все-таки не только желание убедиться в неизменной приветливости русских и значительности перемен московского городского пейзажа заставляют вас вновь и вновь приезжать сюда?

— Открою один секрет. В прошлые годы мы искали любую возможность для того, чтобы побывать в России. Под местоимени-

ем «мы» я подразумеваю тех людей, против которых у советских руководителей не было одним им понятных предубеждений. Тем самым мы на свой манер, может, несколько наивно, пытались влиять на развитие «холодной войны». Нашим желанием было показать, что никто и нигде, в том числе и в Советском Союзе, не хочет конфронтации. Не исключаю, что столь многочисленные приглашения со стороны крупных советских ученых, зачастую в обход официальных властей, приходившие в адрес известных политических и общественных деятелей Запада, были продиктованы теми же самыми ображениями, что и наша готовность под любым предлогом приехать в Россию. Действительно, интересного общения нам хватало на международных конференциях и научных семинарах. В то время политическое значение приобретал сам факт присутствия на русской земле и возвращения в добром здравии из-за «железного занавеса».

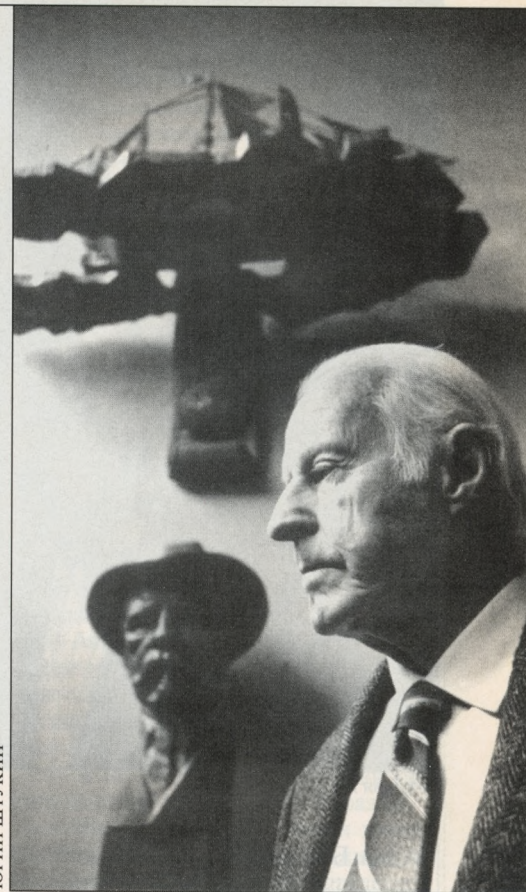
Я познакомился с русскими еще во время войны, когда сражался в рядах норвежского Сопротивления. Это были либо бежавшие из Германии военнопленные, либо спасшиеся моряки с конвоев, следовавших с военными грузами мимо Норвегии из США в Мурманск. Так, как воевали с немцами эти люди, не воевал никто. Их бесстрашие не знало предела. Присутствие в небольшом отряде двух или трех русских, по сути, удваивало или утраивало силы самого отряда.

С тех пор и по сей день я остаюсь поклонником русского характера, который в положительном смысле слова не менялся вне зависимости от того, кто в тот или иной исторический период расположился в Кремле. Это не политическая оценка, а мое личное мнение, основанное на достаточно богатом житейском опыте.

Десять лет назад уже здесь, в России, мне удалось с помощью моих друзей встретиться с тем, с кем я воевал плечом к плечу против нацистов, и, пожалуй, это была самая важная встреча в моей жизни.

— Вернемся к проблеме экологии в больших и малых городах. Ровно год назад у вас начались серьезные разногласия с вашим сыном, возглавившим движение за отмену зимних Олимпийских игр в Лиллехаммере. Удивительно, что вы, защищая с такой убежденностью природу, оказались по разные стороны баррикад и, более того, даже согласились принять участие в торжественном открытии Игр в роли старого сказочника. Кстати, мне довелось освещать эти игры, и я помню, как мерззли журналисты на трибунах. Вам же пришлось по сценарию просидеть на снегу несколько часов. А ведь тогда даже северных оленей и тех уводили в подсобные помещения, чтобы согреть.

— Вы знаете, в моем возрасте уже не отказываются от такого рода предложений. Я получил возможность выступить перед многомиллиардной аудиторией и донести до нее

ЮРИЙ ШТУКИН

мои мысли, а ради этого стоит померзнуть несколько часов.

— Кто же оказался прав в конфликте оценок и детей?

— Никто. Олимпиада состоялась и прошла с огромным успехом — значит, победу одержал я. Игры получили звание первых в мировой истории экологически идеальных соревнований, а это заслуга движения противников Олимпиады, в рядах которых выступал мой сын. Кстати, это очень неплохой пример. Именно жесткая позиция «зеленых», пригрозивших бойкотом, а также готовность организаторов удовлетворить все их требования позволили доказать, что крупные мероприятия (а что может быть крупнее Олимпийских игр?) совсем не обязательно означают грязный снег, отравленную воду, уничтоженные деревья и загазованный воздух.

— К сожалению, до последнего времени никто не задумывался, какую цену платят города за право называться олимпийской столицей. Вряд ли когда-нибудь мы сможем узнать, чем расплатилась Москва за Олимпиаду—80.

— Именно для того, чтобы не только знать это, но и по мере сил избегать подобных жертв в будущем, имело смысл проводить Олимпиаду в Лиллехаммере, ставшем своего рода полигоном, на котором отработывалась тактика и стратегия защиты природы.

Александр ЧЕРНОВ

Ишайя Гиссер

Алла БОССАРТ

Стрепетом и страхом ждали хасиды этого дня — и он, конечно, наступил. Умер их глава — пророк и праведник, великий Любавичский Ребе Менахем Мендл. Благословил и покинул своих евреев, в ясной мудрости, недоступной физическим страданиям, и безграничной любви к своему народу.

Так оно и было. Ребе Менахем Мендл дожил до девяноста четырех лет. Его духовные дети во всех концах земного шара начинали верить, что он никогда не умрет. Ребе владел их обетами, их совестью, он давал им уверенность и силу для преодоления разнообразных препятствий к их еврейскому счастью.

Среди миллионов правоверных был застигнут врасплох Ишайя Гиссер, одесский городской раввин.

Можно было, конечно, написать «главный одесский раввин». Это было бы правильно, но излишне. Поскольку раввин в Одессе один, других нет. Так что в известном смысле — он главный.

Когда-то в Одессе раввины не были редкостью. Это еще задолго до рождения Шай Гиссера, и задолго до моего рождения, и даже до рождения Бориса Литвака, которому сейчас 64 года, хотя этот кое-кого застал. Борис Литвак — директор детской спортивной школы олимпийского резерва, которая отчасти находится в здании бывшей синагоги.

Синагоги в Одессе больше нет. Последняя рухнула (в буквальном, технологическом смысле) два года назад.

Поэтому в свой Новый год — Иом Кипур — евреи молились, например, в кинотеатре Котовского. Правду говорят: умеют евреи устроиваться.

Спортивная школа Литвака существует уже сорок лет, но сам он существует в ней только восемнадцать лет, так что он не имел отношения к переоборудованию одной из одесских синагог (в свое время построенной сахарозаводчиком Бродским, еще до революции, конечно) — в спортивный зал.

В Одессе было немало раввинов и несколько синагог — как до рождения Менахема Мендла Шнеерсона, так и некоторое время после его рождения, поскольку оно состоялось ровно в 1900 году в городе Николаеве. Это довольно крупный областной центр (503 тысячи жителей) на Бугском лимане Черного моря, недалеко от Одессы. Там тоже были синагоги. И раввины, конечно. Одним из них был отец Менахема Мендла, Лейви Ицхок, впоследствии городской раввин Екатеринослава (Днепропетровска) (Екатеринослава) вплоть до 1936 года. Потом его, конечно, арестовали и сослали в Казахстан, где он и умер. Великий праведник и пророк Менахем Мендл, по счастью, проживал и учился за границей. Он получил блестящее и разностороннее образование и к моменту процесса над отцом работал в Париже инженером. Позже (в 1950 году) он стал главой хасидов, Любавич-

ским Ребе с резиденцией в Нью-Йорке. Все это происходило задолго до рождения Ишайи Гиссера, которому сейчас 32 года. Ровно в два раза меньше, чем Борису Литваку.

В своем избранном качестве Ребе Менахем ввел понятие глобального посланничества. Это значит, что его хасид — тот, кто вверил Ребе свою совесть, веру и обеты, принял его святую власть над своим еврейским сердцем и внял учению святого Ребе о великом еврейском Законе, — что этот его праведный ученик вместе с семьей может быть направлен в любую точку земного шара, где живут евреи. Неважно, на каком языке они говорят. И даже неважно, как они относятся к заповедям Торы. Шалиах (посланник) «живет, думает и учится вместе с ними».

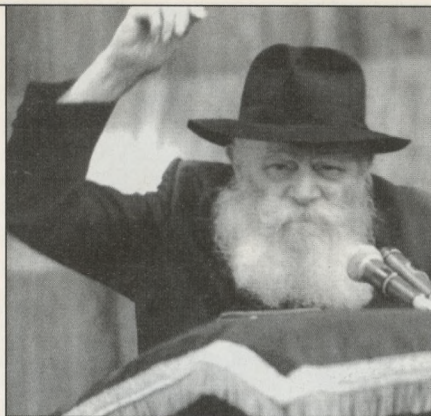
Тем временем Ишайя Гиссер родился — в Одессе, в 1962 году, в относительно неплохом времени (он так не считает). Маленьким мальчиком он осознал свое еврейство как особый вид божьего избранничества. В Одессе еще была синагога, хотя уже и не было ни одного раввина. Ишайя в эту синагогу бегал, хотя его никто не звал и даже гнали оттуда. Его гнали отовсюду. Он раздражал всех — русских и евреев, учителей и одноклассников, родителей и КГБ. В Одессе было много евреев, по переписи 1979 года — 97 тысяч. В классе Ишайи их училось шестнадцать — из тридцати. Но лишь один Ишайя Гиссер ходил в кипе. Он не просто был евреем.

Он хотел им оставаться, он гордился своим еврейством и хотел жить по еврейским законам. Это было большой редкостью на нашей родине в тот период времени, когда Ишайя Гиссер учился в средней школе. К слову сказать, и тогда, и особенно сейчас — в глаза и за глаза земляки зовут его Шая, что на идише означает «чокнутый». Так что для краткости и в целях органичности текста мы тоже будем называть его так: Шая. Чокнутый раввин.

Несколько раньше, чем Менахем Шнеерсон ввел в религиозный обиход акт глобального посланничества, другой великий пророк и праведник, русский академик Николай Вавилов, заложил основы отечественной генетики — науки о наследственности. И хотя в разработках Вавилова фигурировали не евреи, а сорта пшеницы, его тоже арестовали как шпиона и к 1943 году сгноили в тюрьме. А генетику — науку о наследственности, к которой мы теперь часто прибегаем как к аргументу, — объявили продажной девкой империализма. Странная метафорическая система бытовала на значительной части территории нашей родины в течение довольно обширного периода времени.

Национальное и религиозное самосознание, которое в иудаизме неразделимо, озарило мозг и душу мальчика с Молдаванки, пролетария по происхождению, сына коммуниста с судоремонтного завода — без какого-либо внешнего вмешательства. Одиннадцатилетним пухлым и черноглазым отроком в ермолке он приходил в синагогу и объявлял взрослым и даже пожилым людям, что при том, как они живут, они не имеют права на уважение окружающих. Шая обличал своих земляков и соплеменников, которые видели в синагоге только клуб, не соблюдали Закона, не читали Тору, работали в субботу, ели свинину и так далее: кто не имеет своего лица и всю жизнь занимается мимикрией (именно так, как ему сейчас кажется, он тогда и говорил), — тот не может рассчитывать на уважение.

Объяснение подобным мыслям, посещающим одиннадцатилетнюю голову учащегося советской школы, сына коммуниста, следует искать если не в генах, то в Божьем откровении. А если не в Божьем откровении — то тогда уж точно в генах, в наследственности. Шаю Гиссера можно считать селекционированным с помощью наиболее благородных сортов культурных злаков. Поколения рода Гиссеров насчитывали множество раввинов. Последним был прадед — его, конечно, расстреляли. Обычное дело на нашей обширной родине в 1936-м и в другие годы. Дед Шаи Гиссера не был

раввином, он был просто религиозным евреем. Его убили на войне. С учетом всех этих исторических погрешностей и недочетов Гиссер-папа стал коммунистом и драл свое дитя как сидорову козу за его хасидские глупости. Когда Шая подрос, его били уже в КГБ — как учителя Торы и иврита. Было учителю шестнадцать лет. У него две судимости — не за религиозные увлечения, конечно: наша родина всегда славилась свободой совести и так далее, — а за хулиганство. Так часто делали в тот или иной период времени на нашей родине: избивали на улице и обвиняли в нападении. Считается, что сейчас в смысле свобод стало лучше. Я тоже так считала — до того момента, пока моему коллеге не подложили бомбу. В каком-то смысле его тоже можно было обвинить в нападении.

Таким образом, у Шаи Гиссера было как бы два КГБ — внешнее и внутреннее. Оба так много его били, что со временем он перестал считать СССР своей родиной и юношей уехал в Израиль.

Очень многие евреи на земле считают Израиль родиной. Интересно, что будет, когда все эти несметные полчища ломанутся туда на постоянное место жительства. Впрочем, в отношении такого исхода я уже выдвигала не лишнюю остроумия гипотезу.

Борис Литвак, директор детской спортивной школы олимпийского резерва № 2 не усматривает в Израиле своего отечества. Он обнаружил закономерность: чем хуже, тем лучше. Нужда мобилизует нас на свершения. «Мы рождены для собачьей жизни, — поделился Борис Литвак, — и в ней добиваемся больших успехов». Не знаю, как жил бы он за границей, как бы организовал там свою жизнь, но здесь он прет как танк и действительно добивается больших успехов. Главным образом они направлены на то, чтобы общая жизнь стала возможно менее собачьей. Мысли об Израиле тяготят его. Личные обстоятельства общей собачьей жизни сложились у Бориса Литвака так, что Израиль оказался связан для него с самой большой поте-

рей. С утратой еще большей, чем утрата Ребе для Шаи Гиссера.

Наш трехчасовой мировоззренческий спор с одесским раввином включал, между прочим, и фрагмент, касающийся злосчастной проблемы так называемой репатриации:

— За четыре года одесской службы сильно увеличилась ваша паства?

— Нет, конечно. Они же уезжают.

— Но ведь и в этом вы играете, наверное, не последнюю роль?

— Никакой. Это скажите спасибо украинскому правительству.

— И вы не делаете ничего, чтобы напомнить вашим евреям о земле предков?

— Вы не слышали, что я сказал? Моя задача — еврейзация еврейского населения.

— А сионистское направление разве не входит в эту задачу?

— Абсолютно. С моей точки зрения, евреем можно быть и в Антарктиде. Я — не Сохнут, я не занимаюсь перевозкой людей и пропагандой в пользу Государства Израиль.

— И не считаете, что еврей должен жить на своей земле — Эрец Исраэль?

— Мне до лампочки, где он живет. Мне важно — как и с кем он живет. Я не считаю, что география определяет состояние духа. Я не считаю, что механически перемещаясь, можно стать больше или меньше евреем. Еврей с Молдаванки и еврей из Хайфы не отличаются друг от друга ничем, кроме адреса. Можно жить на Молдаванке, как еврей, и в Хайфе — как гой.

Все мои еврейские друзья в Москве и Одессе живут, как гои. Борис Литвак живет, как гой. Плохо ли это при том, что все они — замечательные, хотя и «русифицированные», ребята с кучей добрых и полезных дел на своем личном счету? Не мне, гойской женщине, судить об этом.

Ишайя Гиссер закончил в Иерусалиме иешиву и стал раввином.

Кредо ребе Ишайи:

— Для меня непереносима мысль, что я не являюсь самим собой. Я знал, что я еврей, и не мог жить по лжи. Мне говорили «жидовская морда», но я понимал, что у еврея не только морда жидовская, но и все остальное тоже. В том числе — позвоночник, который мне сломали в драке — именно за «жидовскую морду». Я — еврей. В плоти своей, в душе своей. И я хочу быть евреем. А быть евреем — не значит быть «лицом еврейской национальности». Я живу, как еврей, по еврейскому календарю, думаю, как еврей.

Думать, как еврей, — задача очень ответственная, а для гоя, нееврея, а также для еврея, иудейство которого никак не проявлено — для Бориса Литвака, например, — почти непосильная. Потому что обычный человек отвечает за близких, за работу, за учеников, допустим, или там за больных, или за жителей какого-нибудь, предположим, района, и за прочие незначительные ареалы земной юдоли. Еврею же, как говорят в Одессе, всегда болит сердце за народ и за Бога. Поэтому Борис Литвак строит сейчас реабилитационный центр для детей-инвалидов и кладет на это жизнь. А Ишайя Гиссер строит в тот же период времени в той же Одессе синагогу и кладет жизнь на это. Литвака понимают, и помогают ему многие. Ишайю Гиссера не понимает никто.

Изобретательная жизнь таким образом подсовывает нам сюжеты, в которых пылкий ум может обнаружить проблемы даже и не без философской подкладки. О присутствии духовного начала в земных делах, о богоугодности, о миссии, призванности, о содержании идеи храма и так далее.

Ребе Ишайя мальчиком учил этим и другим премудростям кружок любознательных и отчаянных аутсайдеров у себя дома, в Одессе. Узок был круг этих неопитов, страшно далеки они были от своего народа. Самой страстной их общей мечтой было приблизиться к нему, слиться с ним, жить среди него и служить ему. У Шайи эта мечта исполнилась. С радостью он, уже ученый ребе (хотя и не такой ученый, как Ребе Менахем), внушал евреям Моисеевы заповеди и толковал Тору в школах Иеру-

лима. Потом был направлен раввином в Италию. И там, вновь с радостью и любовью уча евреев, с той же любовью и радостью, как все, что делал он в новой жизни, Ишайя откликнулся на призыв глобального посланничества, уже широко практикуемого Любавичским Ребе среди хасидов. Старый Менахем Мендл в пророческой и безошибочной своей мудрости послал Ишайю Гиссера — назад, в Одессу.

И вот тогда, на втором витке своей Одессе, Шайя понял, что значит «жить, думать и учиться вместе с ними». И понял, какое испытание уготовил ему Ребе. *Учиться* — в этом был главный смысл искуса посланничеством.

Учить оказалось куда легче. В сущности, со времен инспекции синагогальных тусовок в отрочестве учительство Шайи не претерпело принципиальных изменений, хотя он и постиг сложное, противоречивое и заковыристое еврейское законодательство. Учиться же пришлось теперь на каждом шагу: как ступить, как кивнуть, как улыбнуться, что сказать этим бедным безбожникам, для которых он перестал быть маленьким ментором, а стал — одним из них.

Учиться и учиться. Слово в слово то же самое рекомендовал молодежи Владимир Ленин вскоре после того, как при его активном участии на обширной территории нашей родины отменили Бога. Парадоксально, но в одно и то же пожелание два вождя вкладывали совершенно разный смысл. Привыкнув к библиотечному толкованию, многие из нас нередко испытывают настоящее потрясение, когда приходит пора учиться на самом деле. Учиться в тех жерновах, на той дыбе, на тех галерах и каменоломнях, которые имеют в виду праведники под служением народу и Богу — или праведным исполнением иного

какого праведного долга. Не так уж и много на свете его разновидностей.

Ильич с соратниками небось думали, что исполняют именно праведный долг. Вот какая каша бывает в безбожных головах. У Владимира Ильича в роду, кстати, тоже были евреи, причем по линии матери, что дает основания видеть в Ульянове-Ленине настоящего иудея. Не очень-то выразилась в нем эта наследственность. Как, впрочем, и русская, и калмыцкая. Уникальный случай самовоспитания, полностью преодолевшего влияние продажной девки империализма.

В Калмыкии, к слову сказать, творятся удивительные вещи. Друзья степей совершили гигантский скачок по части одухотворения своей жизни. В настоящее время в республике строится четыре храма: буддийский, православный, католический и синагога. На вопрос, зачем нужен костел на территории, населенной одним (буквально) католиком, президент Калмыкии ответил в том смысле, что — пригодится. Для привлечения, к примеру, валюты из католических стран. Вот яркий пример того, когда на первый взгляд богоугодное дело отнюдь не является праведным исполнением праведного долга. Особенно на фоне того, что в роддомах Элисты дети мрут как мухи от СПИДа и прочей *суеты*.

Личные обстоятельства общей собачьей жизни сложились у Бориса Литвака так, что в его мозгу (русифицированном и тоже, в общем-то, безбожном) без всякого волевого участия с его стороны просто непомерно развилась одна идея: о практической помощи больным детям. Просто, повторяю, непомерно. Он прямо помешался на своей больнице, на своем реабилитационном центре. Никогда раньше этот здоровый, как ему казалось — даже здоровенный, мужик не помышлял о своем самочувствии. А тут вдруг сердце так забухало, что запаниковал Борис Давыдыч, примчался в Москву, к кардиологическим светилам: «отъявленное же скотство, ежели я подохну и не закончу, что обещал Ирочке». Как заклинание твердит Литвак: я должен это построить. На строительстве Центра рядом со спортшколой каменщики пашут сейчас в две смены, и сам Боря ночует на работе — в общежитии школы он отвел себе номерок, чтобы день и ночь держать «руку на пульсе». Додержался, пока у самого пульс не начал пропадать.

На наших родинах (теперь их целая куча) строить очень тяжело. Раньше было тяжело, потому что вся земля принадлежала государству, строительство планировалось в масшта-

бе общегосударственного бюджета, и добиться от государства разумного (со всех точек зрения) использования этой земли и этих средств было равносильно тому, чтобы какой-нибудь коннице, рати какой-нибудь, допустим королевской, — добиться реконструкции разбитого яйца.

А сейчас и покруче. Земля и строительство стоят таких немереных денег, а вся королевская рать так мало преуспела на государственной службе в сколачивании капитала, что ей легче собрать Шалтая-Болтая, чем выложить на бочку необходимые миллионы (часто — долларов).

И хотя возник институт спонсоров, а в отдельных бюджетных случаях по-прежнему работает институт дотаций — королевской рати, затеявшей строительство, не повредит запастись хорошими кардиологами.

Но свобода, которую идеалисты, несмотря ни на что, склонны считать реальной, толкает их на действия, которые реалисты склонны считать дикими и даже безумными. Их называют: Шая; им говорят: а вы не пробовали лечиться? Но мужчинами овладевает мания строительства — и это как наследственная болезнь, с которой глупо спорить. Затверженный общественным мнением тезис о женском созидательном и мужском разрушительном начале — есть, конечно, пошлость и легенда.

Мужчины воюют, способствуя самовыражению отдельных патологических экземпляров.

Ишайя Гиссер каждый год на месяц езжает в Израиль для прохождения действительной службы в армии. Он хо-

рошо стреляет, и гордится этим. Тора не запрещает убивать врагов, и не мне, гойской женщине и атеисту, обсуждать это. Но потом он возвращается в Одессу и оставшиеся одиннадцать месяцев строит синагогу. Он говорит, что дал обет не возвращаться окончательно на родину (в Эрец Исраэль), пока не построит храм. Он говорит: «А какой у меня выбор? Встать в гордую позу и сказать, ах, вам этого не надо, так этого не будет? Но я-то знаю, что им это надо! Они не хотят пить лекарство, но я-то знаю, что они больны. Ну какой у меня выбор?» Это он так говорит. И это, конечно, правда — и обет, и возврат к Богу евреев, потерявших Его. Но я, гойская женщина и атеист, я говорю, что в основе — это мужское самовыражение. Не чужое, а собственное, переходящее, как знамя, как священная мезуза, как фата, как свиток Торы и фамильные кольца для салфеток, — из поколения в поколение. Наследственное здоровье, алчность мужского гена, утоляемая рытьем котлована, заливкой опалубки, кирпичной кладкой и плотничскими работами. Потребность, стабильно присутствующая биологическому виду — на всем протяжении истории цивилизации — от разрушения Храма до парада израильских военно-воздушных сил и украинской артиллерии, открываемого русской ракетой «земля — воздух» в составе черноморского десанта имени Третьего Апокалипсиса, ура.

В шестнадцать лет Шая Гиссер пошел работать на стройку плиточником-облицовщиком. Из школы его погнали, и повод замечательный, просто загляденье: он соблюдал субботу. Исключили за прогулы — а вовсе не за идиотские вопросы на уроках истории. С вузом священная праздность шабата тоже сочеталась плохо.

Стремительное развитие Израиля на фоне постоянных праздников и военных действий не имеет, конечно, рационального объяснения. С Божьей помощью — вот ответ.

Изо дня в день с Божьей помощью ребе Ишайя спасает евреев Одессы, пытается разбудить в них еврейство. С Божьей помощью он содержит детский сад на 50 детей, издает газету совместно с еврейским обществом культуры, обеспечивает летние лагеря, строит микву; покупает в Киеве кошерное мясо по два доллара за килограмм, привозит за свой счет в Одессу и за полцены продает прихожанам; ведет ежедневные уроки в иешиве; пишет статьи и книжки. При этом он повсеместно замечен «в свете», где выслушивает насмешки нуворишей и ловит косые взгляды интеллигентов, судачащих о его суетности... Рассказывает анекдоты, хохмит, пьет джин с тоником и только ручки дамам не целует, потому что Закон не велит касаться греховной женской плоти. Выпивая с ним на приеме у мэра, оценивая лихость ребе, его молодую красавицу жену (вторую: первая не выдержала глобального посланничества и с Божьей помощью сбежала в Израиль), оценивая лукавство его глаз, подвешенность языка и общую жовиальность, мы не без одобрения перешептывались: о, тот еще, видать, жук! В общей роскоши муниципального застолья никому как-то в голову не приходило, что ребе занимается тем же, что и мы все в эпоху свободного предпринимательства журналистов, писателей, главных редакторов, режиссеров и раввинов: поиском денег. Потому что: детский садик, и газета, и миква, и кошер, и лагерь, и синагога...

Я-то понимаю, как мучительно дается молодому ребе каждый его день. Потому что у нас с ним один идеал жизни: сидеть (а лучше — лежать) с книжкой, гладить кошку, слушать музыку или смотреть телевизор. Вот что мы оба по настоящему ценим в общей собачьей жизни — понаслышке. Ибо реализация требует свободы, а та, в свою очередь, упирается в осознанную необходимость, перед которой мы оба пасуем. Хотя он — раввин, а я — гойская женщина, и атеизма (как и диамата) мне не занимать.

С Божьей помощью у раввина язва, болит сердце, шалят почки. С Божьей помощью у него нет ни дня, ни ночи. И только с ее, эксклюзивной Божьей помощью эта восьмая чашка кофе за сегодняшний день прибавит ему здоровья.

Вы не забыли? — Шае Гиссеру 32 года. Самое время учиться.

Окончание в следующем номере

Рак с часовым механизмом

Двадцать лет назад масс-медиа всего мира начали «крестовый поход» против рака молочной железы. Болезнь расписывали в самых мрачных тонах, страшнее, казалось, нет ничего. Результат — сейчас в США, например, к сумме, потраченной на лечение каждого больного этой формой рака, государственный бюджет приплюсовывает 4 тысячи долларов, направляемые на научные исследования и поиск новых средств борьбы с болезнью. А вот раковая опухоль предстательной железы — гораздо более распространенная и более опасная — почему-то такого внимания до сих пор не заслужила: в США на ее исследование выделяется всего тысяча долларов в расчете на одного больного. Может быть, женщины в четыре раза ценнее мужчин?

Для мужчины предстательная железа — или простата, — без преувеличения, средоточие «мужских достоинств». С одной стороны, именно она — приводной ремень мужского оргазма и оплодотворяющей способности, с другой стороны, расстройство ее функции может запросто dokonать любого супермена, ведь нередкое последствие — недержание мочи или, наоборот, непроходимость мочеиспускательного канала. Так что под мочевым пузырем каждого мужчины, можно сказать, заложена маленькая бомба с часовым механизмом. И хотя многие считают, что проблемы с этой железой угрожают только пожилым, от «взрыва» не гарантированы даже подростки до 20 лет.

Между тем в самых серьезных медицинских журналах простата то и дело описывается самыми легкомысленными терминами. Медики частенько выражаются примерно так: «у детей эта железа размером с горошину, у юношей после полового созревания достигает размера грецкого ореха, а при воспалении она может быстро увеличиться до размеров крупного грейпфрута», «по структуре она похожа на лимон». В общем — какая-то несерьезная ботаника. И все-таки все эти аналогии довольно точны. Стоит только добавить, что предстательная железа — это еще и «узел трубопроводов», который в нужное время пропускает в уретру поток мочи или поток мужского семени. В мужском организме этот орган становится уникальным прежде всего потому, что является сразу и железой, выделяющей особые компоненты в семенную жидкость, и мышцей, сокращение которой обеспечивает мужчине наслаждение оргазма. Снаружи упругая мышца, внутри вязкая мякоть железы — отсюда и сравнение с лимоном. Многие ее функции остаются тайной до сих пор — никто, например, не знает, какие точно ингредиенты впрыскивает она в семенную жидкость. Ясно только одно: находясь в столь функционально насыщенном и деликатном месте мужской анатомии, простата способна в любой момент устроить вам «веселенькую жизнь».

Даже здоровые молодые мужчины могут ощутить признаки простатита — воспаления предстательной железы — всего лишь при резкой смене своих сексуальных привычек, то есть при резких переходах от активной половой жизни к умеренной и наоборот. В этих случаях застойные явления или чрезмерное раздражение железы могут обеспечить и непроходящую тупую боль, и чувство дискомфорта, и странные выделения из пениса. Иногда простатит развивается из-за бактериальных инфекций. Причем вызывать его способны самые обычные стафилококки и стрептококки, которые в нормальных условиях легко вымываются из простаты. Почему у одних мужчин они вызывают серьезные проблемы, а для других — совершенно безвредны, до сих пор неизвестно. Но недавно ученые выяснили, что нередко бактерии вовсе ни при чем — резкие боли в области простаты возникают и из-за стресса, ведь мышечная оболочка железы очень чувствительна к любым напряжениям в организме. Доктор медицины из Техасского университета Джон Макконнелл объясняет это так: «Простата густо покрыта симпатическими нервными окончаниями, поэтому стресс увеличивает силу сокращения ее гладкой мышцы, так что железа может вообще перекрыть моче- и семявыводящие каналы». Воздействие стресса может распознать и снять — с помощью расслабляющих мышц лекарств (альфа-блокаторов) и массажа железы — только очень опытный специалист.

Мужчинам после шестидесяти редко удается избежать доброкачественной гиперплазии простаты — только 20 процентов мужчин могут надеяться на это. При гиперплазии железа увеличивается и пережимает внутренние каналы. Если мочевого пузыря не перекрывается и инфекцию. Поскольку кастрированные мужчины этим заболеванием не страдают, ученые склоняются к мнению, что связано оно с нарушениями гормонального статуса. Однако для больных существует только одно утешение: доброкачественная гиперплазия — все-таки не рак. А для облегчения их состояния недавно был создан новый лекарственный препарат финастерид (торговая марка «Проскар»). Хотя чаще приходится прибегать к введению в уретру гибкого эндоскопа, с помощью которого в железу делают снижающие внутреннее давление точечные разрезы. Недавно создан и новый хирургический метод — трансуретральная лазерная простатэктомия под ультразвуковым контролем. Однако метод еще не вышел за рамки экспериментального, а все другие сопряжены с риском импотенции. При применяемой чаще всего трансуретральной резекции от пяти до двадцати процентов пациентов становятся импотентами.

К несчастью, симптомы доброкачественной гиперплазии и рака простаты очень похожи. А иногда рак развивается вообще без симптомов. И когда здорового на вид мужчину ни с того ни с сего вдруг пронзает сильнейшая боль, часто бывает слишком поздно — раковая опухоль к этому моменту уже затронула не только другие органы, но и кости. По медицинской статистике примерно 10 процентов мужчин планеты к 70 годам имеют рак простаты. Лечить его совсем не просто, и особую роль при этом играет ранняя диагностика. Поэтому всем мужчинам после сорока рекомендуются регулярные ректальные обследования. Может быть, не самая приятная процедура — двухминутный массаж железы через задний проход до выделения из пениса необходимой для анализа капли жидкости, содержащей секрет железы, — зато при отрицательном результате вы можете чувствовать себя полноценным мужчиной, а при положительном — имеете все шансы на излечение. Для локализации рака простаты пожилым пациентам назначают лучевую или гормональную терапию, которая гарантирует хотя бы то, что умрут они в отпущенный природой срок и не от рака простаты. У молодых рак можно лечить пока только хирургическими методами с удалением части или всей железы.

Самый современный на сегодня метод лечения рака простаты с минимальными побочными эффектами — это криохирургия, при которой внутрь опухоли вводят специальное устройство, заполненное жидким азотом. Под его воздействием опухолевые клетки замораживаются и погибают.

До сих пор лечение рака простаты — это медицина очень высокого и дорогостоящего уровня. Так что большинству мужчин планеты приходится рассчитывать только на себя. При этом они могут руководствоваться результатами последних медицинских исследований. Во-первых, следует избегать воздействий стресса. Кстати, длительные теплые ванны могут избавить от многих неприятных симптомов простатита — благодаря, вероятно, расслабляющему воздействию на гладкую мышцу железы. Во-вторых, следует помнить, что острая пища и алкогольные излишества способны оказывать сильное раздражающее влияние на предстательную железу. Кроме того, современные медики советуют мужчинам эякулировать регулярно: эякуляция через каждые два или три дня предохраняет предстательную железу от застойных явлений, связанных с накоплением ее собственного секрета. Повышенному риску раковой опухоли предстательной железы подвергают себя мужчины, употребляющие в пищу мясо чаще пяти раз в неделю или имеющие лишний вес. А регулярный прием антиоксиданта — витамина Е — снижает риск приобретения этой формы рака на 34 процента. И, конечно, главное в терапии любых раковых опухолей — ранняя их диагностика, а значит, регулярные медицинские обследования.

Сергей СЕРГЕЕВ
По материалам зарубежной печати

Полный приворот кругом

Барин позолотил ручку и... прогадал

Дмитрий БЫКОВ

В последнее лето рынок оккультных услуг пополнился новым сервисом — «Верну возлюбленных».

Тут есть нечто трогательное и вместе таинственное. Более поэтической услуги доселе не предлагала ни одна колонка объявлений, но кто интересовался прикладным оккультизмом — знает, что возвращение возлюбленных принадлежит к числу редчайших колдовских операций. Но, судя по обилию объявлений и разбросу адресов, сейчас почин подхвачен широко и завоевал популярность у несчастных.

Во всем, что касается оккультной практики, доверять чужому опыту опасно. Возможен только эксперимент на себе. Я позвонил по нескольким телефонам, указанным в «Московском комсомольце», и выбрал тот, который привлекал относительно близостью нехорошей квартиры к метро. Расценки везде были одинаковы: разовая консультация — двадцать тысяч, возвращение — сто. Оплата всегда вперед: по факту возвращения возлюбленной брать деньги слишком рискованно. Впрочем, без денег никакое колдовство не действует — это знали еще в раннем средневековье. На предварительную консультацию, помимо денег, необходимо принести фотографию объекта. Для здоровья возвращаемого операция совершенно безвредна, даже если объект усиленно сопротивляется колдовству на подсознательном уровне. Речь может идти не только о внезапном охлаждении, ссоре, измене: возвращают и тех, с кем вы расстались несколько лет назад по причинам, не зависящим от обоих. Сразу после звонка, сулящего такие перспективы, я разложил перед собой фотографии возлюбленных и стал выбирать, стремясь поставить перед колдующей организацией задачу максимальной сложности.

Возлюбленная А. Первая настоящая любовь. Сейчас замужем, работает в фирме. Окончательный разбег случился шесть лет назад. Если вдруг и вернут — говорить будет не о чем. Кроме того, живет через два квартала: несерьезно.

Возлюбленная Б. Год вместе. Оказался свиной, встретил другую. Только-только вышла замуж, грех вторично ломать судьбу.

Перебирая фотографии, как Штирлиц, и доведя лиризм ситуации до опасных пределов, я остановился на варианте, на котором сломал бы зубы Мерлин. Это была девушка всеобщей мечты, ни с кем не остающаяся надолго. Такие теперь редко остаются в России. Сейчас она два года как в Калифорнии, где, по слухам, бросила очередного мужа.

...Около получаса я блуждал в перекопанных улицах близ Нагорной. Гнездо оккультных сил располагалось в типовой многоэтажке с двумя неработающими лифтами. Девушка в зеленом, открывшая дверь и предложившая тапки, поинтересовалась, при

Элла Шипи

мне ли деньги. Я был при деньгах. Жестом, лишенным всякой таинственности, хозяйка указала на темные задернутые занавески. Темную комнату едва озаряло дрожащее пламя тонкой церковной свечи. Было бедно. По стенам висели простые иконы — такие можно купить в каждой церковной лавке. За столом, на котором подчеркнута выбивалась из стилистики кружевная салфеточка, сидела едва различимая в полутьме миловидная, несколько провинциальная женщина лет двадцати пяти. Перед ней — как раз на салфетке — высилась хрустальная ваза с чистой водой, по виду святой. Рядом лежали крест, кольцо на ниточке и стояли еще три иконки, отрезвившие меня окончательно и бесповоротно. Где колдуют при иконах — там не читали не то что Папоса, но даже «Князя Серебряного». К наговорам, приворотам и прочему ведовству официальная церковь искони непримиримей, чем к сектантству. Хочешь привораживать — всех святых выноси. Меня ждали: при моем появлении женщина за столом загля в другую свечу и пригласила сесть. Я уселся в кресло напротив, мучительно жалея ведьму: молодая, хорошенькая, на пальце кольцо обручальное — зарабатывает, бедная, на семью.

— Как вас зовут?

— Дима. А вас?

— Марина, — простенько так. — Вы на консультацию? — чисто регистратор районной поликлиники!..

— Да, знаете, мне бы вернуть...

— Вы принесли фотографию?

— Вот, сейчас... Только верните, пожалуйста: она последняя.

— Я отдам сразу: фотография — просто матрица, с которой считывается информация. (Тут я мысленно провозгласил полное пропало, поскольку где в одной каше варятся православные, оккультные и физико-технические термины, не то что возлюбленную, а и денег не вернут. Как стыдно обирать и

без того брошенных!) Никакого вреда вашей девушке не будет. («Препарат не имеет противопоказаний, применять по назначению врача».) Я окончила специальные курсы, могу показать диплом...

— Покажите, пожалуйста. Я верю, просто интересно.

Грамота, на таких раньше писали под Лениным — «Победителю районного конкурса тцецов». «Диплом. Выдан Марине Н. в том, что она окончила курсы гипноза, гадания, целительства и магии в лицее магистраты белой магии такого-то. Имеет право заниматься целительной и магической практикой. Печать». К этому бы диплому — вкладыш с оценками по основным оккультным дисциплинам: порча и снятие порчи, приворот и отворот, общение с духами стихий. Отпечатано типографским способом. Красиво.

— Вы давно не виделись с этой девушкой?

— Около двух лет.

— Сами прекратили общение?

— Нет, она ушла. Полюбила другого.

— Вы вместе работали, я вижу?

— Да. (И как ты только догадалась, милая! Наверняка считала энергетическую информацию. На этой фотографии мы сидели за явно служебным столом, вблизи пишмашинки.) И тот, другой... тоже там работал.

Здесь я должен покаяться: начиная с этого момента лгал направо и налево в надежде быть уличенным. Меня занимал гипотетический ход мысли.

Окунула пальцы в воду, поднесла руку к свече, подержала у огня, взяла колечко на ниточке и стала покачивать то надо мной, то над ней.

— Да, вижу, другой работал с вами... По-моему, он был вашим начальником. Выше вас по положению и богаче — верно?

Лажануть, не лажануть? Все обнажается. Конечно, раз полюбила коллегу, то уж, разу-

меется, вышестоящего. Карьера, деньги... Я милосердно кивал.

— Мне кажется, она очень домашняя... хотя легко может обходиться без дома. Очень ранимая, но владеет собой. Умная, но не книжным умом, а таким... внутренним. И с небольшими ясновидческими способностями. Добрая, но, когда надо, умеет быть злой. Да?

Тэффи, где ты, Тэффи? В твоей прозе ясновидящий сказал, что в детстве ты однажды болела... Да у кого же не прямой нос, не русые волосы?.. Все с тобой ясно, ведьмочка.

— А что вы собираетесь делать?

— Я навешу ей биоэнергетическую подвеску, которая будет ей о вас постоянно напоминать. Что вы улыбаетесь?

— Нет. Так. Представил ее с биоэнергетической подвеской — почему-то в носу.

— Нельзя смеяться, иначе ничего не действует. Вам я тоже навешу подвеску, чтобы вы не думали о ней плохо. Понимаете, нас ведь окружает биоэнергетика. Я расчищу каналы, по которым идет психическая энергия, и уберу из них вашу злобу. Тогда она поймет, как вы ее любите, и вернется. По фотографии я вижу, что она сейчас не очень далеко от вас — верно?

— Верно. (Пол-экватора — пустышки как-ие.)

— Если вы действительно хотите вернуть эту девушку, вам надо будет прийти послезавтра с деньгами, — заученно заговорила она, снова окуная руку в воду и поднося к свече. — Вы должны будете принести иголку, на которую я наговорю. Эту иголку положите на фотографию, направив к сердцу вашей девушки. Около кровати поставите зеркало — это христианский символ души. Каждый вечер будете в зеркало говорить этой девушке несколько ласковых слов. Сделайте в квартире влажную уборку, чтобы расчистить ее от отрицательной информации. И обязательно сходите в церковь. Вам это... можно? То есть ограничений для вас — нет?

— Можно. (На самом деле ни один человек, причастный к колдовству, добровольно в церковь не пойдет. Это единственное, чего я не сделал. Так пойти — пожалуйста, даже люблю. Но не во время такого эксперимента.)

— Возлюбленная должна вернуться в течение двадцати одного дня. Обычно всегда возвращается.

— Скажите, Марина, а к вам часто приходят по объявлению? (Я мог и не спрашивать — телефон чирикал в кухне каждые пять минут, ассистентка брала трубку и записывала желающих.)

— Очень часто. Сейчас почему-то многих бросают возлюбленные.

— А кого больше — мужчин или женщин?

— Женщин, конечно.

— Вы только возвращаете или?..

— Нет, я еще привораживаю, гадаю и исцеляю. На целительство меня еженедельно благословляет Московская Патриархия. (Вранье. Московская Патриархия отвергает возможность бесоизгнания людьми, не имеющими сана.) А гадание, с точки зрения церкви, — грех, поэтому я гадаю только дважды в месяц. По двенадцатым и двадцать пятым числам. В дни, когда это является меньшим грехом. (На самом деле, разумеется, никакой закономерности тут нет. Видимо, это просто дни перед зарплатой, когда люди надеются узнать хотя бы у гадалки, выплатят ли деньги.)

— А мне вы можете погадать? Бесплатно?

— Ну, прошлое свое вы знаете, настоящее — тоже... Могу руку посмотреть. У вас тоже развиты ясновидческие способности. И скоро в вашей жизни что-то изменится. К лучшему. Но это зависит от того, насколько вы готовы изменить свою жизнь.

— Хорошо, Марина. Я приду послезавтра.

Я пошел — исключительно для очистки совести. Дело в том, что никаких сомнений относительно шарлатанства Марины у меня не было давно. И всем, кто еще в чем-то сомневается, я хочу преподать краткий курс идентификации колдунов.

Во-первых, нет смысла напоминать о том, что всякое колдовство есть так или иначе сделка с дьяволом и никакого отношения к православию не имеет. Во-вторых, разговоры о расчистке биополя или засорении каналов, как будто это своего рода биоэнергетическая канализация, работают на одном из самых прочных, боюсь, бессмертных заблуждений частного человека. Психологи утверждают, что возможность физического, конкретного вмешательства в нематериальные области сильно греет душу лич-

ностям, склонным к депрессии. Человека вообще тянет к уюту, он ощущает его почти подсознательно. Многим легче представлять себя в шаре (в кубе), под энергетическим «зонтиком» и прочая: именно так советуют себя вести, когда вы идете по темной улице, а навстречу вам — теплая компания. В представлении нормального человека из всех материальных стихий к энергии ближе всего вода: ее можно направлять потоком, можно от нее заслоняться энергетической «шляпой», можно плавать в ней, как в ванне, и прочая. Всегда, когда вам сулят расчистить канал или вырубить из вашего биополя чужую отрицательную информацию, можете быть твердо уверены, что имеете дело с надувательством, даром что наблюдатель хорошо понимает «психологию уюта». Вот вам расчищают что-то, вот что-то выметают, вот убирают дурной глаз, глядящий на вас с биоэнергетической подвески, — и вам легче, ей-богу, легче. Нам проще представлять биополе как нечто манипулируемое, как осязаемую реальность, вроде хламиды, окутывающей все тело с головой. В ней прорехи порч, заплаты самозащит, рваные дыры сглазов, и вся она в биоподвесках — дурных и хороших. Понимаю, как это успокоительно — ибо любая конкретика успокаивает. Но что такое биополе — никто понятия не имеет, ибо привычка прятаться за слова, спасаться заклинаниями так же неискоренима в человеческой природе, как стремление списывать все на чужой злой умысел. Любой знает, как легко индуцировать, навести на себя все беды и напасти, если на секунду допустить, что они кому-то выгодны. У меня была знакомая сумасшедшая — ездила в троллейбусах и всем, кто не уступал место, говорила внятно: «У тебя будет плохой день». Убежден, что он в большинстве случаев и бывал плохим.

...И все-таки тайная надежда, подогреваемая любопытством, не девается никуда. Не то чтобы я совсем уж ни на что не надеялся: краем сознания всегда молишь о чудесном вмешательстве в жизнь; но надежды мои сильно поколебались под действием квазифизической терминологии. Когда я слышу слова «сгусток энергии», мне ни в какие чудеса не верится. Одна взялся за гуж — полезай в кузов.

Она долго шептала над иголкой. Что-то в этом было — но опять-таки жалкое, бедное, а не страшное, древнее, вроде наговоров времен Грозного: «Шикалу, ликалу! Слетались вороны на богатый пир!» Или: «Не точись, руда, обернись, вода». Нет, то, что она шептала, было даже не в рифму. Иголка, иголка, верни любовь — что-то вроде.

Сто штук перекочевали в фонд самообразования местных оккультистов. Может, книжечку купит, терминологию подчитает.

В церковь я, как и было сказано, пойти по такому поводу не решился, но, стиснув

зубы, сделал в квартире влажную уборку, пропылесосив все ковры и покрывала, не говоря уж о натирании паркета. Это, как мне кажется, было самым ценным результатом происшедшего. И все равно смутное беспокойство томило меня — так что все три недели я добросовестно клал иголку на фотографию, а у кровати установил зеркало. В зеркале я видел себя, но вообразить пытался любимую. Я говорил ей ласковые слова.

Никто, конечно, не появился. И не позвонил.

Как там было у поэта — «все ушли, и никто не вернулся»?

Но бросить все это на таком предсказуемом результате было бы слишком пресно. Я позвонил ей в Штаты — у ее родителей был телефон.

Она обрадовалась.

— Ой! А я всю последнюю неделю о тебе думаю!

— С чего бы? — глупо скрывать, я походил.

— Так. Ни с чего. Я вообще часто о тебе думаю.

— Я о тебе тоже. Вернулась бы, что ли.

— Никогда в жизни. Зачем? Не возвращайтесь к бывшим возлюбленным.

— Слушай! А тебе не казалось, что в последний месяц... какие-нибудь там аномальные явления, напоминания?

— Нет. А что? Мне про тебя многое напоминает.

— Мне про тебя тоже. Получишь, бывало, по морде...

— Ладно тебе. Все же хорошо было.

— Что, ты обо мне действительно помнишь?

— Конечно. Это же гораздо лучше, чем возвращаться.

— А чего не звонишь?

— А зачем? Ты же тоже про меня думаешь.

— Ну, в общем, да, думаю... Ты замужем?

— Вроде того. А ты?

— Я не замужем. Но тоже вроде.

Она засмеялась.

— Ну, звони.

— Позвоню.

...И тут я понял, что возвращать бывлых возлюбленных нельзя, потому что это не нужно. В жизни вообще ничего не следует менять — тут привороты только портят. Пусть все идет, как идет. И на том спасибо.

— Слушай, Катя! А если бы мне стало очень плохо — ты бы приехала?

— Обязательно.

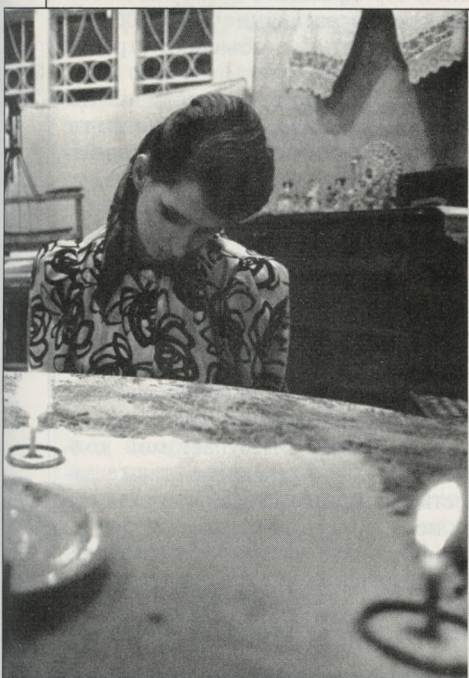
— Ну, я тогда дам знать, в случае не дай Бог чего...

— А не надо. Я почувствую.

— Просто так и почувствуешь?

— Просто так.

...Удачи вам, Марина!

Эдди Оппи

Большой теннис — большая политика

У каждого вида спорта есть свой человек-легенда. В футболе, скажем, это Всеволод Бобров, в хоккее — Валерий Харламов... Что касается тенниса, то здесь таким человеком-легендой, безусловно, назовут Александра МЕТРЕВЕЛИ. Помню, как мы, тбилисские школьники 70-х годов, сбегали с уроков на теннисный стадион «Динамо», на набережную Куры, где потрясающие спектакли демонстрировал Метревели... После ухода из большого тенниса он на удивление сохранил в себе прежний шарм, интеллигентность и деликатность — неотъемлемые качества классного теннисиста-джентльмена.

— Александр, мы не виделись с вами лет семь-восемь. Вы по-прежнему безвыездно живете в Тбилиси?

— С некоторых пор весенние и летние месяцы, как правило, я провожу в Германии, где продолжаю играть...

— ???

— Дело в том, что в Германии очень популярны розыгрыши первенств по всем возрастным группам: каждый клуб может выставить 8—9 команд — женских, мужских, юношеских, ветеранов. Вот меня и позвали... За это время мы успели стать чемпионами Германии и Европы среди игроков в возрасте 45 лет и старше.

— Догадываюсь, что такой контракт позволяет вам обеспечить своей семье прожиточный минимум. Сегодня в Грузии это сделать непросто.

— Кроме выступлений в Германии, я связан и с другими турнирами. В частности, с Уимблдонским в Англии. Не скажу, что разбогател таким образом, но, во всяком случае, на жизнь хватает.

— Когда последний раз вы брали у вас интервью, вы, если не ошибаюсь, работали заместителем председателя республиканского спорткомитета. Затем, говорили, случилось какое-то ЧП и вам пришлось уйти с этой должности. Чем же вы работали?

— Стал спортивным обозревателем Грузинского информационного

агентства. Ведь как-никак я — выпускник факультета журналистики Тбилисского университета.

— И все-таки: что это за ЧП тогда случилось? По слухам, причины были политические.

— Да. Я всегда полагал, что политика, в принципе, — грязное дело. Особенно большая политика.

— Значит, лучший теннисист Советского Союза оказался втянутым в политические игры?

— Помните, как летом 85-го Эдуарда Шеварднадзе перевели из Тбилиси в Москву, в МИД СССР? На вакантное место первого секретаря ЦК Компартии Грузии претендовали двое — Джумбер Патиашвили и Солико Хабеишвили. Москва выбрала Патиашвили.

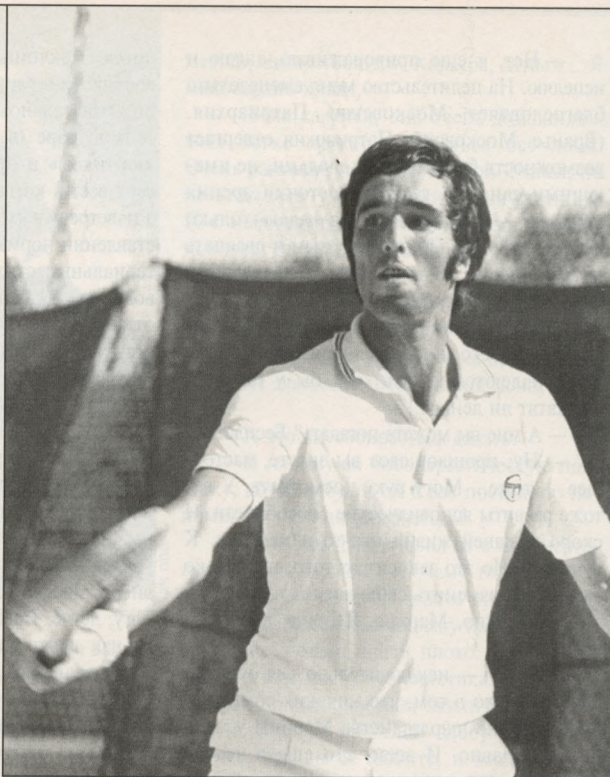
Хабеишвили, насколько мне известно с его слов, сам предложил Патиашвили: «Если не хочешь, чтобы я работал, могу уйти в другое место». Однако тот попросил его остаться. А вскоре Хабеишвили был арестован. Мне позвонил начальник следственного управления МВД Грузии, с которым мы были в приятельских отношениях: «У меня к тебе срочное дело. Тебе хотят задать всего несколько вопросов. Мы арестовали директора Кутаисского винодельческого завода. Он утверждает, что ты через Хабеишвили помогал ему, чтобы его не трогали». Но это была ложь, я ни за кого и никогда не про-

сил помощи у своих высокопоставленных друзей.

Вскоре мне сообщают: «Находящийся в Москве Патиашвили уже несколько раз звонил, интересовался ходом следствия. Вы же понимаете, чем все может обернуться для вас, если вы не дадите тот ответ, который нужен». Тем не менее я был непреклонен: «Я скажу только то, что было на самом деле». Возня вокруг персоны Хабеишвили продолжалась еще долго. Придравшись к чему-то, меня вызвали на заседание Тбилисского горкома партии и объявили строгий выговор.

Заведующим отделом пропаганды ЦК КПГ был тогда Нугзар Попхадзе (теперь он работает, если не ошибаюсь, то ли в Союзе журналистов, то ли на одном из московских телеканалов). Ему я рассказал о своем желании уйти из спорткомитета. Меня попросили доработать до окончания очередной Спартакиады народов СССР. Вдруг на совещание актива спортработников неожиданно приезжает Патиашвили с Попхадзе. Напомню, то были годы так называемой гласности. Выступает мой коллега Шота Квелиашвили, также заместитель председателя спорткомитета, но с 12-летним стажем работы, и оглашает свое заявление об отставке.

Следующим на трибуну вышел я и также попросил, чтобы меня освободили от занимаемой должности. Па-

РИА-НОВОСТИ

тиашвили чуть было не взорвался. Заседание прервали. Меня вызвали в заднюю комнату президиума. Джумбера Ильича понесло: «Я тебе покажу. Товарищ Попхадзе, поднимите все его «дела». Я ответил им: «Подключите многих — у вас сил предостаточно. Пусть посмотрят все, что на меня есть. Никого и ничего не боюсь». И они начали искать то, чего у меня никогда не было — ни дачи, ни автомашины... Рылись, но ничего подозрительного не смогли найти. Решили вынести мой персональный вопрос на Бюро ЦК КПГ. В приемной, помню, собралось много народу. Стоят, курят, смотрят на меня как на зачумленного. Однако я не растерялся и тут же пошел в атаку: «Что вы от меня хотите? Я сам написал заявление об уходе. Но предупреждаю, если в какой-либо местной газете появится хотя бы одна грязная статья, все свои вежливые слова беру обратно и отвечу тем же». Хотите — верьте, хотите — нет, моего вопроса на Бюро уже не было, заявление подписали тихо. Поэтому что боялись...

— Из вашего монолога я понял, что те годы оказались для вас потерянными. А со Звиадом Гамсахурдиа вы были знакомы?

— Честно говоря, никогда не искал и не хотел контакта с ним. Что касается Эдуарда Амвросиевича, которого я всегда уважал, убежден: именно этот человек очень много полезного сделал для родной Грузии, а самое главное — только он способен вывести республику из того кризис-

ного состояния, в котором она находится уже несколько лет.

— Поэтому вы согласились работать ныне руководителем местной федерации тенниса?

— Конечно. Суть в том, что если раньше каждая спортивная федерация становилась своеобразным филиалом какого-то министерства или отдела ЦК, то теперь совершенно иная картина: мы — абсолютно автономны во всех вопросах, начиная с кадровых и кончая финансовыми.

— Неужели в стране, где, по сути, военное положение, разруха и голод, можно с кем-то беседовать о большом теннисе?

— А почему бы и нет? Между прочим, в блокадном Ленинграде не только слушали музыку Шостаковича, но и футбол с хоккеем не забывали. Общеизвестная «звезда» мирового тенниса Лейла Месхи до сих пор успешно выступает в турнирах «Большого шлема», появилась талантливейшая девочка по фамилии Луарсабишвили, которая в общемировой классификации в своей возрастной категории стоит на первой строчке. То есть у нас уже есть женская команда, которой под силу хорошо выступить в Кубке национальных федераций.

— А как поживают другие известные спортсмены Грузии?

— Нона Гаприндашвили, пятикратная чемпионка по шахматам, — президент Национального олимпийского комитета, Виктор Санеев, легендарный прыгун в легкой атлетике, — тренирует австралийских юношей, од-

нако его контракт не очень удачен для атлета такого ранга, Теймураз Какулия, игравший со мной, по имеющимся у меня данным, собирается уезжать в Грецию...

— А ваша теннисная династия имеет продолжение?

— Оба моих сына связаны с этим миром. В частности, Иракий, которому 27 лет, играет за один из клубов Германии, там же немного преподает. Алик Метревели-младший, ему 17 лет, после болезни вроде бы собирается вернуться к любимой игре.

— И все-таки, что дал вам большой теннис, а что и отнял?

— Больше, конечно, дал. Если бы я повторил свою жизнь сызнова, то ничего бы не изменил. Однако пострадал бы не допускать тех ошибок, которые числятся за мной. По крайней мере, не вращался бы в мире большой политики. А из сегодняшних достижений прежде всего отметил бы свободу. Вспомните, в какое время мы играли, выезжали за рубеж. Во всем у нас были одни лишь ограничения. А сегодня я больше оптимист, чем пессимист. Особенно в том, что касается перспектив тенниса и вообще спорта в родной Грузии. Но для начала, дай-то Бог, необходима стабилизация политико-экономической ситуации в республике. В этом случае, поверьте, мы бы с вами поговорили в ином тоне и о более радостных событиях...

Гарик КАРАПЕТЯН

Тбилиси—Москва

Теннис как инвестиция в будущее

В газете «Бостон глоб» опубликована недавно статья Дэвида Филипова, выдержки из которой мы публикуем.

— Бизнесмены занимаются теннисом, заключая сделки, генералы — чтобы сохранить форму, в ближайшем окружении президента Ельцина этим видом спорта занимаются все, а не то... Все играют в большой теннис, королевский вид спорта, на который еще не так давно неодобрительно смотрели в пролетарской России.

Теперь все изменилось. Настало время популярности тенниса в Москве. «Все сейчас играют в тен-

нис, — заявил возглавляющий московскую Академию тенниса Юрий Айвазян, автор бестселлера «Теннис после 30». — Безусловно, он очень популярен в определенных слоях общества...»

Развитию тенниса в России способствовало то, что сам президент Ельцин, бывший заядлый волейболист, полюбил несколько лет назад этот вид спорта и убедил всех сотрудников своей администрации в необходимости научиться в него играть.

Прошли те времена, когда кремленологи судили о том, кто в фаворе, а кто нет, по тому, в каком

порядке должностные лица появлялись на трибуне во время парадных выступлений. Когда в августе Ельцин организовал чемпионат по теннису в Москве, эксперты составляли список ведущих политических деятелей страны, исходя из того, кто присутствовал на стадионе, а кого там не было.

Состоятельные москвичи начинают относиться к теннису как к инвестициям в будущее.

«Вы ничего не добьетесь в жизни, если не играете в теннис», — утверждает мать одного из детей, занимающихся в академии, возглавляемой Айвазяном. Поэтому она готова тратить 100 долла-

ров, то есть больше половины ее среднемесячной зарплаты, на то, чтобы сын имел возможность бить по мячу вместе с другими семилетними мальчиками четыре часа в неделю.

Когда корты академии покидают дети, на них выходит новое поколение финансовых воротил, которые относятся к теннису как к игре, позволяющей подняться еще на одну ступеньку по лестнице успеха.

«Теннис хорошо сочетается с бизнесом, — сказал Айвазян. — Предприниматели обнаружили, что сделки легче заключать во время игры».

(ИТАР-ТАСС)

Трудиться честно — не грешно

Грешно за это мало получать

Сергей ПАНОВ

Предпринимателями могут быть не все, а в рыночной экономике приходится жить каждому. И если руководители «социалистических» предприятий еще четыре года назад получили возможность вести себя «по-капиталистически» — благодаря известному закону времен Н.И.Рыжкова — и с тех пор постепенно и довольно успешно превращаются в лучшую часть нации, пополняя ряды «новых русских», то не самая лучшая часть нации — наемные работники, к сожалению, никак не попадают в ногу со временем и до сей поры довольствуются старым КЗОТом, старыми или новыми, но одинаково беззубыми профсоюзами, вводимым правительством нормативом минимальной заработной платы, которой, видимо, скоро не хватит даже на оплату общественного транспорта.

Но приспособляться надо к любой ситуации, поэтому стоит обратить внимание на рекомендации западных ученых, успевших, в отличие от наших, разобраться в закономерностях взаимоотношений между людьми на предприятиях, свободных от государственного и партийного контроля.

Итак, предположим, Мария Петровна — начальница небольшого подразделения одного из нынешних АО — вернулась из отпуска и обнаружила, что всех ее сотрудников перевели в другой отдел, а всю их работу она теперь должна выполнять самостоятельно. Чувствуя несправедливость отношения к себе, она, конечно, жалуется директору, но тот никак не реагирует. Зная, что «скрипящее колесо когда-нибудь да смажут», Мария Петровна начинает через каждые три дня напоминать ему о том, что потеряло предприятие, лишив себя столь полезного подразделения. Но, к сожалению, реальность такова, что в наше время скрипящее колесо скорее выкинут, чем смажут. Так что Марию Петровну, в конце концов, сокращают, выбрасывая на волю грозных волн нарождающегося рынка труда.

Тем же, кто еще не потерял работу, полезно знать, что, согласно данным западных социологов, начальники-мужчины вообще не любят давать отрицательных ответов. То есть, если ваше предложение начальник проигнорировал и от-

молчался, знайте — это верный отрицательный ответ. Беда многих работников, особенно женщин, в том, что они часто не понимают: молчание начальства и есть самое определенное его указание. «Женщины вообще склонны к повторению своих просьб и вопросов, потому что уверены: начальник обязательно поддержит, если только подобрать нужные слова и убедить его, что данное предложение действительно рационально, — говорит известный социолингвист Дебора Таннен, автор американского бестселлера «Вы просто не поняли». — Но стоит женщине подкрепить свое предложение рассказом начальству о рутинных производственных проблемах или высказать неудовлетворенные ситуацией в отделе, как она тут же получит ярлык «жалобщицы», с которым лучше и не думать о дальнейшем продвижении на службе».

Ярлык «жалобщика» легко зарабатывают себе и работники с *чересчур* честным отношением к труду. Даже если в вашем подчинении оказался нерадивый курьер, вечно опаздывающий на работу и то и дело теряющий важные бумаги, — все равно не стоит рассказывать начальству, как трудно вам с ним приходится. Любой начальник посчитает ниже своего достоинства вникать в выяснение отношений с каким-то там курьером, а после двух-трех ваших заявлений на эту тему он начнет избегать и разговоров с вами.

Так что, собираясь на прием к начальству, вспомните совет Сусанны Шройер, нью-йоркского специалиста по психологии трудовых взаимоотношений: «Одно из самых строгих неписаных правил в большинстве трудовых коллективов — не приносите в кабинет начальника проблем. Приносите туда решения. Не надо идти к начальству «для обсуждения ситуации» — лучше прямо с порога заявите: «Вот так, я думаю, надо решить этот вопрос, а вот так — тот». Если же босс вдруг оставил вашу инициативу без ответа, переспросить его стоит только один раз, и то — постарайтесь сформулировать свой вопрос хитрее, например, так: «Вы считаете, что на это не надо обращать внимания?»

Обсуждая трудности взаимоотношений в коллективе, помните, что начальник главной трудностью может считать и лично вас. Так что не опускайтесь до

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

рассказов о том, что такой-то — непорядочный человек и нерадивый работник. Лучше приведите конкретный пример и уточните, сколько ваше предприятие потеряло из-за неквалифицированных действий данного субъекта, а затем предложите столь же конкретные меры, которые начальству следовало бы предпринять.

Помните, что сегодня не приходится ждать руководящих партийных указаний, вроде «молодым везде у нас дорога» или «женщины — на трактор». Поэтому, устраиваясь в строительную фирму на должность — за неимением лучшего — референта, не надейтесь, что главное — попасть в систему и что когда-нибудь ваш босс наконец-то вас оценит, вспомнит, что пришли вы к нему с вузовским дипломом, и переведет в проекторно-конструкторский отдел на престижную должность архитектора, соответствующую вашему образованию. Скорее, наоборот: если ваш начальник поймет, что референта лучше вас ему не найти, он позаботится о том, чтобы по службе вы не продвигались. А значит, с годами добросовестного труда ваша мечта о работе по специальности будет только отодвигаться. Американский социолог Катрин Бертхейд назвала подобные ситуации термином «липкий пол» — работник как бы приклеивается к своей должности и никак не может оторваться. Этим термином можно обозначить практически все рабочие места, так или иначе связанные с обслуживанием профессионалов. Кстати, именно этим должностям в штатных расписаниях обычно соответствуют и явно заниженные уровни зарплаты — они считаются «женскими» и несерьезными, хотя обслуживать любое начальство — которое часто бывает капризней самого капризного ребенка — на самом деле адский труд. Чтобы избежать подобной судьбы, при поступлении на любую должность следует поинтересоваться карьерой ваших предшественников, сразу же выяснить, какого рода навыки необходимы для продвижения по службе и попытаться устроиться на соответствующие курсы по профессиональной подготовке. Ну а если избежать «липкого пола» вам не удалось, лучше всего немедленно приступить к активным поискам места на другом предприятии.

Начальство никогда не должно витать в облаках, пребывая в безмятежной уверенности, что вы довольны занимаемым положением в тарифной сетке. Тем более что экономика постепенно выходит из кризиса и при подводе финансовых балансов в конце года становится ясно, что немало коммерческих фирм, производственных предприятий и прочих организаций могут похвалиться своей рентабельностью. Так что если в последние пару лет за довольно напря-

женную работу вам явно недоплачивали, то теперь самое время постучаться в кабинет руководства и попросить о повышении зарплаты. Совсем не стоит беспокоиться о том, что эта просьба будет воспринята как плохо закамouflированное решение подыскать себе более теплое местечко. Особенно если главным мотивом своей беседы с начальником вы сделаете рациональный подход: «Моя работа заслуживает более высокой оплаты». Специалисты, занимающиеся проблемами управления, знают, что существует много способов «давления на психику», чтобы заставить человека взять на себя больше должностных обязанностей или отдавать своей работе больше времени. Однако обычно и для сотрудника, и для администрации такое давление в конце концов отзывается очень неприятными последствиями. Гораздо разумней согласиться, что все дополнительные усилия, направленные на благо предприятия, должны компенсироваться повышением зарплаты.

Однако, перед тем как заговорить о повышении зарплаты, следует провести свое маленькое исследование, ключевым моментом которого должно стать выяснение вопроса: «Чего же вы стоите на самом деле? Какова ваша рыночная цена?». Необходимо узнать, сколько зарабатывают люди, выполняющие примерно такую же работу в других организациях. Этот вопрос очень важен и совсем не прост. Работники служб занятости всегда удивляются, как много обращающихся к ним людей даже не представляют, на какую зарплату они реально могли бы претендовать. Однако здесь необходима осторожность: совершенно недостаточно от первой попавшейся знакомой узнать, что в такой-то фирме такая же, как вы, секретарша получает в три раза больше, — вполне возможно, что ее обязанности совсем не похожи на ваши. Сейчас в каждой организации к сотрудникам предъявляются настолько различные требования, что сходно звучащие названия должностей в действительности могут обозначать совершенно несравнимые вещи. Учтите, что при разговоре с собственным начальством стоит позаботиться о том, чтобы не создалось впечатления, будто вы просто завидуете более высокооплачиваемым коллегам. Тем более, в разговоре о повышении зарплаты никогда не выдвигайте аргументов типа того, что у вас огромные долги или вы слишком поистратились во время последнего отпуска на Канарах.

Ведущая популярной английской телепрограммы «Прийти к соглашению» Мелани Дэвис утверждает: «Все успешные переговоры о повышении зарплаты на самом деле представляют собой комплексные сделки, выгодные обеим сторонам. После их завершения каждый должен счи-

тать, что остался в выигрыше. Дайте своему работодателю почувствовать, что, повысив зарплату вам, он выгадает для себя или для всего предприятия что-то очень важное». Требуя повышения зарплаты, лучше решить для себя заранее, о какой сумме вы собираетесь вести разговор. Это не должна быть та сумма, которую, по вашему мнению, шеф может «отстегнуть» без промедления, как говорится, и глазом не моргнув. Специалисты советуют: «Поступайте разумно, в разговоре с начальством не обходите этот вопрос стороной. Поставьте его прямо и просите максимум». Однако они же предупреждают: «Ситуация в экономике все еще достаточно сложная. Поэтому постарайтесь учесть все возможные факторы и будьте реалистичны в своих планах». Не стоит рассчитывать на немедленный ответ на свои требования, но надо обязательно спросить, когда вы сможете его получить. Если же вы все-таки получили отказ, не следует терять самообладания. Лучше спросите, что бы вы могли сделать для положительного решения вопроса в следующий раз. А может быть, вам пора подумать и о том, чтобы подыскать себе другую работу, где вас будут ценить, как вы того заслуживаете. Во всяком случае, нет смысла держаться за место, где начальство не способно воспринять самые разумные доводы.

Некоторые наиболее «сознательные» граждане России, начитавшись, наслушавшись и насмотревшись официальной пропаганды, почему-то уверены, что требования повысить им зарплату могут стать причиной усиления инфляции, и посему это не слишком «патриотично». На самом деле деньги все равно будут выплачены, если и не вам, то более «голубоглазым» и менее закомплексованным коллегам. А с точки зрения популярной ныне макроэкономики наша всегданняя готовность работать за мизерную плату — одна из причин сохранения неэффективных производств. Западные страны отчасти потому и процветают, что для их жителей считается позорной работа, оплачиваемая ниже определенного для каждой страны минимума. Для них гораздо престижнее получать пособие по безработице или, на худой конец, выехать из своей страны туда, где больше платят.

Начальству наших приватизированных и хозрасчетных фирм и предприятий, конечно, можно и посочувствовать: попробуйте-ка решить все проблемы суматошного «переходного периода» к рыночной экономике и удовлетвори претензии десятков, а то и сотен собственных сотрудников. Однако при отказе от «работы с кадрами» руководству придется смириться с тем, что самые нужные сотрудники неизбежно окажутся в фирме конкурента. ■

Когда «с головой было в порядке»

Косвенная ода нынешнему ТВ

Алексей БЕЛЯКОВ

...Сначала я инстинктивно потянулся за карандашом, дабы отметить те передачи, которые хотелось бы посмотреть на неделе. Однако быстро опомнился.

Дело в том, что я изучал программу телепередач 1975 года.

Эту встречу я предвкушал долго. Самыми мучительными оказались, естественно, последние полчаса, которые я провел в нетерпеливом хождении по залу библиотеки Исторической библи-

отеки, ожидая своего заказа.

Без всяких особых оснований мой выбор пал на газеты 1975, 1977 и 1981 годов.

Итак, если вам по каким бы то ни было причинам угодно совершить вместе с автором сентиментальное путешествие по программам телевидения «периода развитого социализма», то — извольте. Впрочем, полагаю, что многие до сих пор не в силах их забыть, поскольку сетка вещания не менялась долгими годами и все знали назубок, когда именно не следует усаживаться перед «голубым эк-

раном». Мое же исследование доказало, что с позиции современных зрителей, баловней эфира, усаживаться перед «ящиком» следовало в очень редкие «мгновения весны».

Ну вот вам для затравки вечерняя программа в четверг 1981 года:

17.15 — Концертный зал телестудии «Орленок»

18.00 — «Ленинский университет миллионов»

18.30 — «В каждом рисунке — солнце»

18.45 — «Сегодня в мире»

19.00 — «Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь!»

19.25 — Творчество народов мира

19.55 — Худ. фильм «Там, за горизонтом», 1-я серия

21.00 — «Время»

21.35 — Г.Марков. Страницы творчества

22.45 — «Сегодня в мире»

Что вы здесь выбираете? Ну да, видимо, кинокартину. Что еще? Несомненно, программу «Время». Ее тогда ведь действительно смотрели миллионы (в отличие от «Ленинского университета»).

«Время!» «Только хорошие новости!»

Когда сейчас я вижу постные лики тех же дикторов в рекламе «Гермеса», то не нарадуюсь изощренной изобретательности клипмейкера-вредителя. Только тайно ненавидя заказчика, можно расстаться на такое произведение. Ну да Неверов ему судия.

Так вот «Время» смотрели. Минут десять — про встречу кого надо в Кремле. Еще минут десять — про достижения шахтеров Кемеровского угольного бассейна и бригады строителя Н.Травкина, а также успехи хлопкоробов Узбекистана. Минут пять — про обвал

курса доллара на Лондонской бирже и очередные антисоветские бредни Ричарда Никсона. Минуты две — про юбилей Сергея Михалкова и вручение ему высшей награды Родины. А там уж и спорт («Крылышки» выиграли у «Пахтакора») и приятная мелодия Гидрометцентра.

Не впадая в банальности и не пытаясь дать «Времени» никаких политических и идеологических оценок, тем не менее не удержусь от эмоционального возгласа: «Редкостное занудство!» Но все-таки — новости. Главные новости страны. Потому и смотрели, доедая картошку и услаждая жену рассказом о скором продуктовом заказе.

Интересно, почему до сих пор никому не пришло в голову продемонстрировать по телевизору избранные «Времена»? Записи их, по-моему, хранятся до сих пор. Это было бы не столько развлекательное, сколько поучительное зрелище. Поучительное для многих из нас, иной раз раздраженно ностальгирующих по тихой «благодности» брежневских лет.

Но вернемся к нашим программам.

Приходится искренне сожалеть, что тогда не проводилось опросов и не составлялись (пусть тайные) рейтинги передач, чем сейчас тешится вся околотелевизионная пресса. Мне до дрожи хочется узнать, какую аудиторию собирали такие эпические произведения, как «Передовая школа животноводов Подмосковья» или «Пятилетка и коллектив»? А пресловутый «Ленинский университет миллионов»? Если бы надзиратели Лефортовской тюрьмы вдру-

Один из интимно-идеологических моментов передачи «От всей души». Советская «Вероника Кастро» — Валентина Леонтьева беседует со знатным тюменским нефтяником. Впрочем, Леонтьевой надо отдать должное: ее специфический актерский дар в известном смысле куда мощнее латиноамериканского. Вот кто действительно облагодородил бы нашу рекламу.

...Задолго до «музобозов» и «Программы «А»: ведущая «Музыкального киоска», вечно молодая Элеонора Беляева знакомит зрителей с новинками фирмы «Мелодия». Пожалуй, теперь тот «киоск» переоборудовали под коммерческий ларек.

возжаждали сломить боевой дух Виктора Анпилова, им требовалось бы лишь расположить в его камере на безопасном расстоянии телевизор и прокручивать нон-стоп записи этого «Университета».

Но довольно жестокостей. Посмотрим, чем развлекали нас в выходные дни.

Наступает субботний вечер 1975 года.

16.25 — «Ты помнишь, товарищ...» Муз. телефильм

17.05 — Программа мультфильмов

17.35 — Чемпионат мира по хоккею (матч СССР — Финляндия, 3-й период)

18.15 — Новости

18.30 — «В мире животных»

19.30 — Чемпионат мира по хоккею. Матч СССР — Швеция. В перерыве — Новости

21.45 — «Время»

22.15 — «Любителям оперетты». По окончании — Новости.

Вы обратили внимание на то, что из-за трансляции хоккея программу «Время» — не

мультфильмы какие-нибудь — задержали на целых сорок пять минут? Спустя десять с лишним лет мы узнаем причину такой неслыханной наглости. Просто очень любил «шайбу-шайбу!» наш Генеральный секретарь.

Вообще, должен отметить, что честно тосковать по телевидению «застоя» следует исключительно ополоумевшему хоккейному и футбольному болельщику. Вот для него, фаната, то был истинно «золотой век». Меня поразило обилие всевозможных матчей в программе. Ну, предположим, чемпионат мира — дело святое, но я обнаружил, что передавали, судя по всему, любую спортивную игру, происходившую на территории Союза. Хотя бы последний тайм, но показывали.

Отдельное слово — о научно-популярных и вообще так называемых познавательных программах. Некоторые из них, кстати, благополучно дожили до наших дней.

«В мире животных» или «Клуб кинопутешествий» тог-

да, несомненно, были лидерами зрительского интереса, и при всем общесаркастическом пафосе этой статьи тут автор вынужден от него отказаться. Посетить колонию моржей или пляжи какой-нибудь неведомой турецкой Анталии — что могло доставить большее наслаждение неумеренно любознательному советскому человеку? Сам факт, что моржи с турками способны беззаботно существовать без призывов ЦК к майским праздникам, заставлял пристальнее вглядываться в экран.

Вполне возможно, что нынче все эти старые «клубы» и «миры» показались бы несколько монотонными и скучноватыми в своей полушкольной дидактичности, но они по-прежнему вызывают у меня теплые воспоминания. Хотя теперь я их и не смотрю вовсе.

Правда, при этом наши зрители с почти не меньшим удовольствием смотрели (или слушали?) по субботам традиционную «беседу политичес-

кого обозревателя». Беседовал Летунов, беседовал Бекетов; Юрий Жуков, этаким гёбзшнм балагур, отвечал на письма телезрителей. (А ведь писали. И до черта писали!) Рубрика «беседа», как представляется из нашего далека, была, несомненно, удачной выдумкой какого-то неглупого цэкашника. Любая пропагандистская «балда» находила сердечные отклики у бесхитростного зрителя, если подавалась в жанре неспешного задумчивого монолога. Барды от идеологии — политобозреватели — были любимы за свою живость, телесность, как бы человечность. Вот он задумался, вот сделал мягкий жест, вот улыбнулся... (Мы-то и не подзревали долгие годы, что диктор Игорь Кириллов физически способен улыбаться.)

Отсюда же проистекала поистине колоссальная общенародная любовь к Валентине Леонтьевой и ее «От всей души».

Что уж говорить о таких «шлягерах», как «Кабачок 13

Комментарии излишни: на экране «кабаре-дуэт» — пани Мони́ка и пан Профессор

Под звуки симфонического оркестра Гостелерадио самый галантный диктор Советского телевидения Игорь Кириллов выводит на площадку Анну Шилову и — разумеется! — Валентину Леонтьеву. В эфире «Голубой огонек». Сейчас все трое по очереди поздравят страну то ли с Новым, 1976 годом, то ли с Международным женским днем.

стульев» или «Вокруг смеха!» Этими передачами грезил месяцами. Как сейчас помню простодушное письмо какого-то читателя в «Литературную газету», которая много внимания уделяла телевидению. (Это при том-то убогом «ассортименте!») Респондент страстно высказывался в том духе, что в ожидании какого-нибудь «кабачка» хочется побыстрее сделать все домашние дела, заранее настроиться, даже получше одеться...

Недавно НТВ предоставило нам счастливую возможность вновь «получше одеть-

ся»: прокрутило много выпусков «вокруг кабачков». Не знаю, как остальным, но мне после третьей примерно шуточки пана Директора и второй реплики Александра Иванова захотелось пойти и «побыстрее сделать все домашние дела». А некогда я честно хотел над однообразными глупостями пана Спортсмена и «вегетарианскими» сатирами Арканова.

Утро воскресенья для всей детворы Страны Советов начиналось, конечно же, с «Будильника». Для неудачливых актеров вторых ролей, как те-

перь я догадываюсь, то было хоть каким-то финансовым подспорьем, и хотя бы за это скажем «Будильнику» спасибо. Но в целом с детскими программами творилась настоящая беда. Кто, кроме хладнокровных артековских активистов, наслаждался передачей «Отзовитесь, горнисты!»? Кто, кроме редких затравленных юннатов, включал телевизор, когда демонстрировали назидательный «Солнцеворот»? А еще эти «Веселые нотки» с их вышколенно-бодрыми мальчиками и девочками в белых рубашечках, тянущими распева Д.Кабалевского. А еще «Выставка Буратино» с ее тягостной задачей эстетического воспитания школьников. Но, пожалуй, торжеством социалистического надругательства над детской психикой надо признать разнообразные встречи юнкор телестудии «Орленок». Например, мне попалась на глаза их встреча «с Героем Социалистического Труда сталеваром В.В.Клюевым».

Но справедливости ради необходимо упомянуть яркую «АБВГДейку». Талантливый создатель учебной (!) программы Эдуард Успенский умудрился отыскать под свой проект хороших актеров-клоунов. Александр Филиппенко и Семен Фарада должны, полагаю, до сих пор с нежностью вспоминать об «АБВГДейке».

Спору нет, показывали тогда и интересные фильмы. Например, по воскресеньям, в течение месяца — по серии из «12 стульев» Марка Захарова. Показывали хорошие спектакли, не только про Ленину и сталеваров. Даже рекламу — представьте! — показывали. Так и написано в программе четвертого канала:

«В перерыве спектакля — Реклама». С большой, между прочим, буквы. Надеюсь, вы не забыли ту удивительную рекламу — сберегательных касс и прочих химчисток. Короче, «Больше хороших товаров».

Заканчивалось вещание около 23 часов. (Если, конечно, из Америки не транслировали хоккейный матч СССР — Канада.) Потом полуночники ловили «Маяк», а то и что похуже. Но потише.

Зато особой роскошью дарила нас порой новогодняя ночь. После «Голубого огонька» в программе значились «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Хмельным красным оком заворуженно наблюдала страна за механическим вскидыванием ног долговязых танцовщиц из «Фридрих Штадт Палас» (ГДР), за подергиваниями певца и антиимпериалиста Дина Рида, за сладостной артикуляцией Карела Готта и — mein Gott! — за беззаботными ужимками квартета «АББА». «Хеппи Нью Ер! Хеппи Нью Ер!»

...Один мой знакомый недавно признался, что в разгар известных событий августа и октября его мучил обывательский страх. Не за Ельцина и реформы. И не за себя лично — кому он там нужен? А за то, что если эти путчисты возьмут верх, то ему придется коротать вечера за просмотром «Беседы политического обозревателя А.Проханова» и программой Невзорова «Наш адрес — Советский Союз».

Я не желаю ему этого «от всей души». И вам тоже.

«Спокойной ночи, р-ребята!» — позволю себе прощальную фамильярность в духе Фили.

Список фирм, опубликовавших свою рекламу в этом номере:

КВАНТА+

САНАТОРИЙ «ДРУЖБА»

ИНТЕКС

ЦЕНТР ЛАЗЕРНОЙ ТЕРАПИИ

КГК

СЛАВЯНСКИЙ
ТОРГОВЫЙ ДОМ

STB CARD

YELLOW PAGES

PHILIPS

ЭЛЕМАШ

FINNAIR

Маргарита Эскина. Не очень маленькая хозяйка большого дома

Все знают: в Москве есть Центральный Дом актера. До пожара несколько лет назад он располагался на улице Горького; а нынче — на Арбате, в здании, которое раньше полностью занимало Министерство культуры СССР.

В прежнем доме директором был легендарный Александр Моисеевич Эскин, до пожара не доживший шесть лет. Это испытание выпало на долю другого директора — Эскиной Маргариты Александровны, которая возглавляет Дом и сейчас.

— Маргарита Александровна, ясно, что «должность — Эскин» досталась вам по наследству. Скажите, вы с детства себя готовили к занятию этого поста?

— Да ничего подобного: мне это и во сне не могло присниться. Папа «наследования» не хотел. Михаилу Ивановичу Жарову первому пришла в голову мысль, что я могу заменить папу, но тот долго был против. А потом, когда уже сильно болел, вроде бы заколебался, но тогда против выступило руководство ВТО. И директором я стала только через два с лишним года после папиной смерти.

— А почему Александр Моисеевич был против?

— Ну, честно говоря, мы все-таки очень разные люди. Я сама всю жизнь была на руководящей работе и считала, что я, вообще-то, гораздо лучший начальник, чем папа. К тому же до Дома я очень мало работала в сфере театра. Театроведческий окончила только потому, что меня не приняли в педагогический: я спала и видела себя педагогом, всегда была вожакой и мечтала работать с детьми. Но шел 1952 год, и ректор пединститута спросил, что это у меня за фамилия — не эстонская ли?.. Короче, забрала я документы, пошла в ГИТИС. В ВТО я работать не хотела: когда с пятого этажа поднималась на шестой, где находился аппарат Театрального общества, мне казалось, что там «молью пахнет». И вот случайно, заменяя одного знакомого на телевидении, я попала туда, где осталась на 24 года. Вскоре стала заместителем главного редактора молодежной редакции, всегда была председателем местного комитета, секретарем комсомольской организации; все новые начинания молодежной расцветали на моих глазах и с моей помощью, и я чувствовала, что занимаюсь действительно своим делом. Я даже говорила: будете меня хоронить — а умру я, конечно, на телевидении, — напишите только: пришла на ТВ в таком-то году, ушла в таком-то. Но умереть мне там не пришлось: председателем Гостелерадио стал Лапин, и меня, как и многих других, «убрали». И начались странствия. Год в журнале «Клуб и художественная самостоятельность», год в комитете по открытию и закрытию московской Олимпиады... Работала в ДК МАИ (где, кстати, познакомилась с Мишей Задорновым и еще многими), и в цирке, и на Таганке — завлитом у Эфроса, и в Московском управлении театров... И, хотя везде было по-своему интересно, не хватало мне того размаха, ощущением которого я после ТВ была «отравлена». Поэтому, когда в 1986 году мне предложили создать Бюро пропаганды советского театра, я взялась за это с наслаждением. И только придумала название — «Союzte-

атр», утвердила структуру, штатное расписание, только подписали приказ о моем назначении генеральным директором — тут Ульянов и говорит: «Все это работа, а Дом актера — жизнь. Надо вам идти туда».

Понимаете, с одной стороны, было неловко из-за «Союзтеатра». С другой — боязно, папу не переплунешь — это раз, и потом считалось, что времена, когда все были готовы работать для Дома бескорыстно, прошли. Но я поддалась ульяновскому напору и обаянию. Согласилась.

Было это в августе 1987 года, а в октябре предстояло открывать сезон. При папе, надо сказать, эти открытия носили, скорее, политический характер: приглашались политические «звезды», и на эти вечера стремились меньше, чем на рядовые, творческие. К тому же в середине 80-х в Дом вообще переставали ходить: всем надоели вечера типа «Встреча мастеров сцены с коллективом завода «Красный пролетарий». А я, естественно, хотела первое свое открытие сделать празднично. И, знаете, получилось. Дом не просто был переполнен — рушился. И многие подходили к директорскому кабинету, чтобы просто посмотреть и убедиться: тут сидит Эскина.

— Так все «на вас» пришли?

— Ну да — при том, что меня как таковую никто особо не знал в мире театра. Но папа действительно оставил мне наследство — фамилию. И до сих пор оно приносит «доход», причем не только в театральных кругах. Вот, например, нужно мне было для Дома что-то такое невероятное и очень быстро на кондитерской фабрике «Красный Октябрь». Звоню в производственный отдел. «Эскина? А вы имеете отношение?..» — «Да, я дочь». — «Мы все сделаем».

Потом уже я как-то смогла «подтвердить» фамилию. И доказать, что во мне живет такая же безумная преданность актерам, как в отце. Я их действительно боготворю — хотя и знаю все сложности, с ними связанные.

— А у вас никогда не возникало стремления стать «творческой единицей»?

— Нет-нет. Хотя на сцену я выходила — в семь лет. Это было во время войны, в эвакуации. У меня даже есть где-то программка спектакля «Нора» театра им. Ленинского комсомола, где мое имя стоит третьим после И.Н.Берсенева — Хельмера и С.В.Гиацинтовой — Норы: я играла их дочку, как вы понимаете. Но больше — никогда. Для меня творчество — это руководство.

— Вы предпочли быть «импресарио», как в шутку (советские же времена!) называли вашего отца В.И.Качалов, или «продюсером», как говорят теперь?

«Хозяйство» М.Эскиной: Центральный Дом актера

— Э, нет, тут немного другое. Папа ведь как начинал? На рубеже 20-х он был студентом-медиком, и поскольку был очень красив, его отряжали просить, допустим, Ермолову выступить на студенческом вечере. И так он действительно стал «импресарио»: организовывал, например, лекционные поездки Луначарского. И потом, работая в Доме, имея на руках свою маму и нас с сестрой, а зарплату получая очень небольшую, он не упустил случая подработать: возил гастрольные группы. А я такими вещами не занималась — может, и смогла бы, если б очень надо было, но это все-таки не мое. Тут есть даже некоторое... ну... чистоплюйство. Я очень боюсь людей, которые умеют «делать деньги». Сама ворочаю большими, чтобы содержать Дом, — но не «делаю» их и не имею человека, который бы этим занимался, а надо бы, вероятно. Впрочем, я долго раздумывала, куда все же вкладывать деньги, чтобы их приумножить, чтоб каждый квартал не болела голова при взгляде на очередной ноль в балансе. Со многими советовалась и поняла: любой «бизнес» будет портить атмосферу. Не надо мне этим заниматься. Так что остаюсь Хозяйкой Дома. Который живет как живет.

— Как же?

— Нелегко, но то самое бескорыстие никуда не ушло. Наоборот: чем более меркантильная атмосфера вокруг, тем с большей готовностью люди отдадут нам время и силы. Ни я, ни мои референты отказов почти не знаем. Вот, скажем, Евгений Евстигнеев. Он появлялся в Доме часто. И всегда, когда нужно, был рядом. Ближе я его не знала, испытывала перед ним чувство некоторого священного трепета и, честно говоря, думала,

что его безотказность — это... как бы сказать... простое нежелание отказывать, что ли. И только когда он умер и его жена, позвонив, просила передать эту весть мне, «потому что они были очень дружны», — только тогда я поняла, что он работал для Дома сознательно и, как говорится, от всей души. Мария Владимировна Миронова — председатель нашего Общественного совета, Ольга Васильевна Лепешинская, Владимир Михайлович Зельдин, Элина Авраамовна Быстрицкая, Олег Павлович Табаков, Шура Ширвиндт, Гриша Горин — все это люди, всегда готовые помочь. И таких — нашего «актива» — 300—400 человек. Еще в старом Доме позвонила мне дама и представилась: «Изабелла Даниловна Юрьева». Я... лишилась дара речи. Конечно, я знала все про Юрьеву, но была уверена, что она давно... ну, вы понимаете. Теперь для нее, 95-летней, машина неизменно наготове.

Вообще, неудивительно, что люди тянутся к Дому: вокруг неуютно, и как не пойти туда, где тебе рады, где есть для тебя место и чай с пирожком. И, конечно, только благодаря единению людей мы перенесли всю эпопею после пожара.

— А почему же все-таки вы не восстановили старый Дом? Помню, как живо откликнулись многие на эту беду, как шел сбор средств. Вы находили время послать каждому благодарственное письмо — у самого есть такое.

— Тяжелая история. Не хочу растревлять рану и скажу коротко. Узнать такую глубину предательства, которую довелось узнать тогда мне, можно только в несчастье. Я была уверена, что смогу отстроить Дом, и считала это своим долгом. У меня было много добровольных

консультантов-специалистов, я бы обязательно нашла и строительную фирму. Но за моей спиной вынашивались совсем другие проекты. И доказать, что если мы сами не будем восстанавливать здание, а отдадим это дело на откуп, то навсегда потеряем дом и не дождемся никаких доходов, — мне не удалось. Я лишь испортила отношения с аппаратом СТД.

— Но нынешнее здание вас наградило стoriцей. Красивое завершение борьбы за него — наверное, один из самых впечатляющих успехов демократической интеллигенции.

— Да, перипетий хватило. И опять же, поражала сплоченность людей. Десять «звезд» в 8 утра на приеме у Лужкова — вначале, когда передача Дома зависела от московского правительства; пятеро во главе с Мироновой — у президента, когда добивались его Указа и унесли копию из-под пера; общее негодование после второго Указа, в ноябре 1992 года, отменявшего первоначальное решение: тогда министру культуры безо всякой подготовки высказали в глаза все, что думают, и наш соперник — Минкульт России — заколебался... Вообще, конечно, Министерство имело на это здание полное право. Но и я была права, когда отказывалась подчиниться второму Указу. Я говорила: один Указ был, и он был правильный. У нас хорошие цели, мы можем содержать здание, а Министерству есть где существовать — в Китайском проезде... Все жили из нас вытянула эта история, зато теперь я каждое утро благодарю Бога, что все так вышло. Здесь же очень много возможностей. Наши сотрудники люди терпеливые: зарплаты у них маленькие, но они не бунтуют и не требуют повышения. Мы экономим — и пожалуйста: расширяем сцену, ставим новый свет. У нас пять машин. В старом Доме было три рояля, и четвертый не купили бы никогда — а здесь одиннадцать. Осуществили совсем уж несбыточную мечту — можем десять-пятнадцать человек «активистов» отправить отдохнуть за границу. Международный фестиваль моноспектаклей в прошлом сезоне у нас базировался: здесь и игрались некоторые спектакли, и шли пресс-конференции, актеры могли и поест, и отдохнуть. То есть здесь — настоящий культурный комплекс.

— Тогда — «культурологический» вопрос. В 30-е годы Дом приглашал папанинцев, в 60-е — Гагарина и Титова, ученых — кибернетиков, микробиологов. Иными словами, Дом всегда старался ориентироваться на «героев нашего времени». А теперь?

— Знаете, под конец работы в том Доме и в начале работы в этом подобная практика еще существовала. На встречах с Филаретом, Ельциным или Гавриилом Поповым Дом на улице Горького буквально обваливался. Здесь мы тоже сперва приглашали Гайдара, Явлинского, Эллу Панфилову, Федорова...

— Вы говорите о политиках. Но Гагарин не политик, а герой.

— Да, понимаю... Но какое-то время политики и были героями. А теперь... Ну, вот с экономистами были встречи, с предпринимателями. Много было попыток совместить нашу деятельность с деятельностью новых образований — банковских клубов, например. Приходили молодые люди, очень милые и симпатичные, мы начинали и... расходились. И нашим неинтересно, и им тоже, наверное. Какое-то... несовпадение «поля». Кроме того, есть еще «девичья гордость». Очень неприятно, когда актеры или писатели постоянно должны кого-то благодарить. Мы никому не хотим быть обязанными. Никаких спонсоров у нас нет, а все, что есть, мы имеем благодаря субаренде, которую платят 44 организации, сидящие в этом огромном здании. Короче, я поняла, что раз не получается у нас работать с «современными героями» — не надо. А как гостей мы готовы принять всех.

Сейчас, надо сказать, наступил период, когда людей нашей среды интересуют прежде всего профессиональные вещи. И я чувствую, что в этом сезоне нам необходимы большие перемены. Мария Владимировна Миронова очень боится этих моих идей и всегда напоминает, что наш Дом среди прочих творческих клубов отличается именно патриархальностью, традициями и т.п. Это так, и это не случайно ценят такие люди, как тот же Шура Ширвиндт или Эльдар Александрович Рязанов, которые нарасхват на всех презентациях-аккредитациях-ассоциациях. Здесь ведь все, как всегда, — что бы ни менялось вокруг. Все старые секции существуют. Даже бывшая политмассовая, которая теперь называется «Актер и время». Покойный Василий Селюнин, например, был членом этой секции, Аркадий Ваксберг им является. Или секция зрителей. Это совершенно одержимые люди, семья безумно влюбленных в театр людей — и огромная, человек сто! Я еще могу иногда не уговорить какого-нибудь главного режиссера прийти — но чтоб они не уговорили? Ха! Всех достают на свои вечера, кого хотят. И всегда собирают полные залы. Актерам много помогают. Они, «зрители», ведь разбиты на группы — по театрам. И знают, что там делается, превосходно. Скажем, видят, что та-

кой-то актер немножко... ну, позабыт: так бывает. Делают вечер. Представляете? Водопады любви, пироги... новая жизнь!

Но нужно как-то совместить весь этот старый опыт с новым подходом к профессиональным, творческим проблемам. Нам, конечно, не тягаться, например, с Домом кино по части церемоний вроде «Ники». Тягаться и не нужно. Но мы задумали сейчас свой конкурс и надеемся, что это будет нечто значимое. Затем, есть мечта более активно привлекать в Дом тех режиссеров и актеров, которые сейчас практически решают судьбу театра — таких, как Додин, Фоменко, Виктюк, Феклистов, Маковецкий. Причем здесь недостаточно традиционной формы «творческих вечеров» — они-то идут своим чередом, — тут нужно иное качество осмысления и другие формы: «симпозиумов» или «семинаров»... Пока не знаю, как назвать, но потребность в новых формах и силах ощущаю остро.

— Ну а такие старые формы, как «капустники» или знаменитые «посиделки», живут?

— «Посиделки» идут не хуже, чем раньше, — вот последние Горин делал. Что касается «капустников», то они, казалось, умерли. Прежде актерская молодежь собиралась здесь в ночь с 13 на 14 января, тусовалась и делала «капустники» — но келейно, для своих, настроенных на эту вот единую тусовочную волну. 30-летние и младше — уже не так воспитаны: общественной активности в них нет. Но все-таки с трудом и с кровью я заставила их в этом году 1 апреля выйти на большую сцену. Знаете, было что-то невероятное. В зале — обвал, стояли в дверях, лежали перед первым рядом на коленях у Табакова... ну, всюду, всюду! А вечер шел без конца и на уровне самых блистательных вечеров прошлого. И на мой юбилей в прошлом году они сделали прекрасные номера. Выходит, и эти ребята — а среди них Миша Ефремов, Гриша Гурвич, Игорь Верник — тоже, как бы ни отличалась их жизнь от старой, имеют вкус к подобным вещам.

А вообще, грех на что-нибудь жаловаться. Народу замечательного вокруг много, идей тоже. Уметь только пользоваться, иметь время... Папе проще было — он мужчина, домашних обязанностей не нес и, вернувшись домой ночью или под утро, продолжал обзванивать тех, с кем недавно расстался, обхаживать их... А я, просидев здесь с 9 утра до 11 вечера, возвращаюсь все-таки к хозяйству, вникаю. Я ведь и у себя дома хозяйка.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Повесть о повести

Галина З-ина,
«Повесть»,
«Новый мир», № 8,
1994

Спокойный облик журнального оглавления нарушен странностью этой строчки: в фамилии автора зияет лакуна, название то ли отсутствует, то ли заменено определением жанра. Предисловие разъясняет странность — и одновременно создает особое поле для восприятия: история повести вступает во взаимодействие с текстом. И сама собою выстраивается другая литературная форма — рассказ в рассказе, причем композиционная и смысловая «рамка» углубляет заключенное в нее художественное пространство и сообщает без того грустному сюжету острый привкус горечи.

«Было это, видимо, в конце 70-х», — сообщает Олег Чухонцев. Молодой автор прислал в редакцию повесть, по тем временам явно «непроходимую». И не то чтобы в ней содержалось что-то антисоветское — просто трезвый взгляд на мир, просто мрачная действительность, с угловато-алкогольными драмами, с несчастной любовью и крахом юношеских надежд... Талантливую двадцатилетнюю провинциалку пригласили в Москву, познакомили с известными литераторами, советовали продолжать писать. Потом она уехала — и... А теперь «Новый мир» опубликовал ее повесть — «без ведома автора, без его правки... и поэтому с усеченной фамилией». Во вступлении Чухонцев говорит о несовершенствах «этой юношеской прозы». Не знаю, может быть, он своей беглой критикой настроил меня на худшее, и оттого вещь показалась лучше, чем на самом деле. Но, право же, есть в ней и чувство языка, и точность, и даже, как ни странно, уверенное владение приемами — а вместе с тем и боль, и душевная открытость... В общем, многие известные и признанные в свои двадцать писали явно хуже, чем эта девочка из провинции. Но что с того? Какой смысл говорить «она могла бы», если — не

смогла. А талант, не обладающий запасом прочности, неспособный развиваться и в неблагоприятных обстоятельствах, многого ли стоит? Вопрос, конечно, риторический, но интересующий никак не меньше, чем судьба конкретной Галины З-иной. Где она теперь, что с нею случилось? Но, как бы там ни было, при взаимодействии текста с «рамкой» возникает новая художественная конструкция. Новая, сама собою написавшаяся грустная повесть.

А.З.

Праздники отменяются

«Свадьба. Юбилей»
Студия «Театр», сцена
Театрального центра
им. М.Н.Ермоловой

На рубеже 90-х годов, в короткий период расцвета паратрадиционного театра, зрение перефокусировалось. Привычные сценические формы сделались качественно неразличимы, слились в однородный «театр общего пользования», а на его фоне ярко выделились новые и принципиально разные модели игры, предложенные режиссерами «поствасильевского» поколения. Большинство моделей моделями так и остались или изменились до неузнаваемости, пройдя ОТК театрального производства. Конструированием искусственных театральных языков, вообще практическими исследованиями в области театра продолжают заниматься

буквально несколько человек. Среди них Алексей Левинский. У его студии есть особый способ работы, прежде всего — работы с текстом. То, что делают его актеры, внешне напоминает манеру «докладывания роли» — однозначно дурную с точки зрения господствующей театральной традиции. Левинский обнаружил в таком «докладывании» новую возможность сосредоточенно, осмысленно и экспрессивно играть отчужденную классику, не навязывая ей (по какому бы праву?) узкое личное прочтение. Игра Левинского по-своему также узка, но это узость другого рода, добровольная узда. Отрешаясь от собственной индивидуальности, актеры Левинского входят во вкус игры с типажам, наполняют экзальтированной искренностью самый упрощенный и шаблонный рисунок роли, самый зачитанный текст. В нужную минуту, когда внимание зрителей готово рассеяться, в игру вмешивается режиссер с каким-нибудь ударным трюком. В новой постановке трюков немного, но введены они расчетливо и ритм держат как надо (а держать приходится крепко, особенно в многофигурной «Свадьбе»). Главный недостаток игры: из нее очень трудно выйти — в обоих финалах приходится делать некрасивое усилие, чтобы поставить, наконец, точку. Главное достоинство: внятность и весомость текста. Разыгрывая чеховские истории о саморазрушившихся праздниках, театр Левинского не погружается в их глубину, но недвусмысленно указывает на

ее наличие. Придя домой, непременно хочется перечитать Чехова и получить удовольствие, ради которого не жаль полутора часов предварительной подготовки.

Александр
СОКОЛЯНСКИЙ

Оба хуже

«Осенний марафон
Олега Басилашвили»,
ТВ «Останкино»

Название передачи настраивает на соответствующий сюжет: поневоле ожидаешь увидеть, как предельно загруженный артист спешит с репетиции на съемку, оттуда на озвучание, потом обратно в театр, по дороге едва успевая ответить на вопросы запыхавшихся журналистов. Экран, однако, показывает нечто совершенно противоположное. Олег Басилашвили, неторопливо-задумчивый, почти неподвижно сидит перед камерой и размышляет о разных разностях. О том, что такое счастье («осознанная свобода»); о Ван Гоге и его растоптанных грязных ботинках, которые нищий художник писал, не думая, что их изображение станет бесценным; о «новых русских» с жевательными резинками и собаками-убийцами; о плохих американских фильмах, превращающих зрителей в роботов; о ненужности режиссерских концепций... В общем, артист не только никому не торопится, а, напротив, всем своим видом утверждает ненужность любой спешки. Но камера с ним не согласна — раз марафон, значит, надо бежать. И бегут картинки, мелькают петербургские виды, куда-то мчится поезд, своим грохочущим бегом как бы соединяя разрозненные кусочки из спектаклей и фильмов, проносящихся мимо, будто полустанки, — не успеешь понять, что за эпизод, как паровоз уже рванул дальше. Цель у этого движенья, мельканья и говокуренья одна — оправдать название. Но в результате поспешающий видеоряд оторвался и от названия: получился не марафон, а спринт. Его

Сцена из спектакля «Свадьба. Юбилей»

АЛЕКСАНДР ИВАНИШИН («СЕГОДНЯ»)

Марина Неелова и Олег Басилашвили в фильме «Осенний марафон»

апофеозом становится финал — мелко нарезанные и перемешанные кадры из «Марафона» и «Вокзала», где артист, подстегиваемый музыкой, мчится (а вернее, мечется) вперед, назад и во всех направлениях разом. Это уже бег на месте.

P.S. Спустя два вечера по каналу «Россия» показали повтор передачи «Олег Басилашвили. Какой он?», снятой несколько лет назад. Забавно, что оба «творческих портрета» не столько показывают нам героя, сколько демонстрируют господствующую стилистику своих дней. «Марафон» строится по образу и подобию клипа, а программа российского ТВ по-старомодному нетороплива: ее участники, застыв перед камерой, долго и не всегда убедительно рассказывают, какой Басилашвили хороший, ведущая лирически придыхает, и все вместе исполнено особой обволакивающей пошлости. Отвечая на вопрос, что предпочтительней, можно процитировать товарища Сталина: «Оба хуже!»

Алена ЗЛОБИНА

Фемини-фильм

«Я никуда тебя не отпускаю»
К/ст. ВГИК,
реж. Е.Тонунц

Всем хорошо известно, что такое женское кино. В этом

«жанре» наравне с фемини-режиссерами успешно упражняются и режиссеры-мужчины. Но в случае с фильмом «Я никуда тебя не отпускаю» можно быть уверенным: перед нами женское кино, которое никто, кроме дамы-режиссера, снять не мог. Так презирать мужское племя умеют только дамы, честь им и хвала. Мне неизвестны сюжетные перипетии того журнального очерка, из которого автор фильма извлекла свою героиню. Но ее горькая доля даст фору судьбам всех катерин, сонечек и катюш, вместе взятых. Познакомившись с юной и кроткой девушкой в самом начале фильма (мать умерла, отец в психушке либо в лечебно-трудовом профилактории) и вынужденно испытав к ней требуемое режиссером сострадание, мы далее последовательно участвуем в ее похождениях-заклечениях-бедах. Сюжеты меняются, как в калейдоскопе: путана районного значения; супруга начинающего бизнесмена; горемычная мать-одиночка; напарница таксиста, который с ее помощью «опускает» незадачливых околостиничных кавалеров; фабричная девчонка; безработная — и так далее и тому подобное. Наворот несчастий таков, что теряешься и чувствуешь себя виноватым. Виноватым за гнусный мужской род, из-за которого все и происходит. Отец спился. Районный мент приходит под видом вызова на жалобы

жильцов и тут же цинично трахнуть норовит. Муж не слушает совета оставить опасный бизнес и оказывается в местах не столь отдаленных, а она оказывается одна с ребенком на руках. Фабричный начальник, слегка облагодетельствовав, требует того же, чего требовал мент (см. выше). Деляга-таксист цинично отбирает совместный заработок. Короче, мерзавец на мерзавце сидит и мерзавцем погоняет. И все это на истерично отснятом фоне грязной, криминальной перестроенной Москвы, где героине нет ни покоя, ни жизни. Среда и мужики заели. Правда, есть среди последних один весьма абстрактный, к которому героиня то и дело (мысленно) обращается, а в финале падает в ноги со словами: «Я сделала что-то ужасное...» Что именно она сделала, остается неясным. То ли ребенка собственного в отчаянии убила, то ли еще чего похуже. Неясно также, существует ли этот герой на самом деле, а если существует — где она была раньше? Но все вопросы снимаются финальной панорамой новостроек предратонной Москвы. Интересно было бы подсчитать на досуге, сколько отечественных фильмов ставили точку таким изысканным способом?

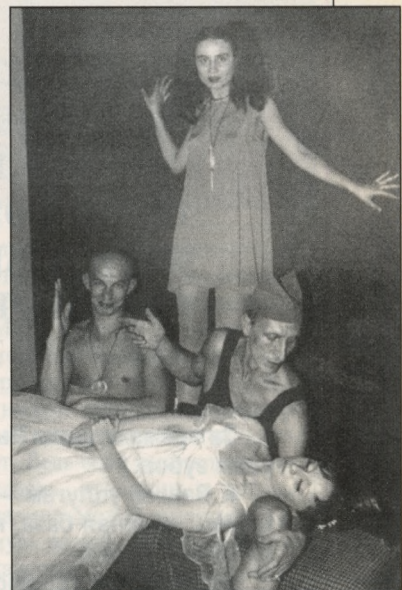
Дмитрий ЛИВАНОВ

Комедия дель арте в ночном клубе

«Пеппи Длинныйчулок в аду»
Перформанс Оли Дарфи в клубе «Манхэттен-экспресс»

Черно-красный ад американского дизайнера «Манхэттена» был увенчан терновыми венцами из колючей проволоки, обклеен надписями, призывающими к сочувствию безработным и осторожности. А на танцсцене клуба в двенадцать ночи четыре персонажа разыграли мини-спектакль о любви и агрессии. Под зеленым лучом лазера, в полумраке цветных огней ночного клуба, они появлялись на сцене под

непрерывное неистовство накатывающихся звуков: от техно до балетной классики. «Пеппи Длинныйчулок» (сама художница) — девочка-недотепа, которая умеет пускать мыльные пузыри и подчиняться. «Фашист» — монструозный пионервожатый, всегда в плохом настроении, любит проявлять власть и силу. «Балетная» — дурочка в пачке, с одухотворенным донельзя лицом, совершенно чуждая грубой реальности. «Шестерка» — горбун-дебил, боящийся всех, способный на неконтролируемые поступки. Этот спектакль напоминает классическую комедию дель арте: две пары влюбленных, гротескные маски, любовный конфликт, импровизация по заданной схеме, акцент на жестах-знаках персонажей, ритмике и хореографической организации пространства. Но «влюбленные» здесь ненавидят друг друга, а самыми страшными «масками» оказываются лица и мимика

актеров. Однако заканчивается галлюциногенная рэв-party извечной победой жизни: терновый венец на стойке бара отражается в матовой стене клуба «Манхэттен». Танцы продолжаются.

Дмитрий СИЛИН

Дневник И.

Отдых и здоровье в Салтыковке

Приехав однажды — Вы будете приезжать всегда

Многопрофильный подмосковный санаторий «Дружба» АО «Дружба-Медсервис», расположенный в 18 км от Москвы, в живописной лесопарковой зоне, предоставляет возможность по доступным ценам, за короткий срок восстановить свое здоровье.

Лечение традиционными и нетрадиционными методами проводит опытный медицинский персонал.

За дополнительную плату в санатории возможны консультации и лечение у ведущих специалистов и профессоров Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова.

Санаторий располагает современным арсеналом физиотерапевтического лечения:

ВОДОЛЕЧЕНИЕ

ГРЯЗЕЛЕЧЕНИЕ

ЭЛЕКТРОСВЕТОЛЕЧЕНИЕ

ИНГАЛЯТОРИЙ

ФИТОТЕРАПИЯ

КВЧ-ТЕРАПИЯ

ЛАЗЕРНАЯ ТЕРАПИЯ

КВАНТОВАЯ АУТОГЕМОТЕРАПИЯ

ИГЛОРЕФЛЕКСОТЕРАПИЯ

ЛЕЧЕБНЫЙ МАССАЖ

МАНУАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ

ДИАГНОСТИКА, ТЕСТИРОВАНИЕ

И ЛЕЧЕНИЕ ПО ФОЛЛЮ И ДР.

За время отдыха Вы также сможете решить все проблемы, связанные с лечением и протезированием зубов.

К Вашим услугам — зимний сад, киноконцертный зал, библиотека, сауны, бассейн с каскадным душем, лыжная база, кафе-бар, зал эмоциональной разгрузки, светомузыка, телевизионные залы, аптечный киоск.

Бесплатный телефон-автомат с Москвой — круглосуточно.

Путевки для лечения на 12 и 24 дня с проживанием в одно-двухместных номерах с туалетом и ванной приобретаются в санатории «Дружба».

По всем вопросам обращаться по адресу:

143970, Московская область, пос. Салтыковка-1, Вишняковское шоссе, дом № 135, санаторий «Дружба».

Проезд: с Курского вокзала до станции Никольское Горьковского направления, далее автобусом № 22 до остановки «Санаторий «Дружба».

Телефоны для справок: 521-76-88, 521-01-94

РЕКЛАМА

Между небом и землей современного искусства

Ольга КАБАНОВА

Видимое простодушие участников «100x100» обманчиво. Несмотря на то, что сюжет выставки прост: три художника решили выставить работы одного размера, объявленного в названии, — а это вряд ли может считаться продуманной концепцией.

Такое «тупое» название есть, возможно, бессознательный жест в сторону интеллектуализма концептуального искусства, предпочитающего названия программные, значимые и потому часто безвкусные, например: «Кто я? Искусство выбора». Так могла бы называться и «100x100», если бы ее участники не обладали юмором или предпочитали симулировать серьезность. Со стороны искусства тра-

диционного, искусства без куратора этот жест, может, наоборот, трактоваться как заискивающий по отношению к радикальным направлениям. Тем более каждому ясно, что заявленное в пресс-релизе пояснение, что 100x100 есть всего лишь размер подрамника, на котором существует живопись Николая Полисского (экспрессивные сине-розовые цветы, словно фрагменты огромного живописного панно), графика Ирины Тархановой (на квадрат одного цвета аккуратно наклеены квадраты другого, с нечеткими отпечатками геометрических фигур) и гобелены Кати Нестеровой (гладкое ткачество, абстрактные композиции, две серии с использованием текстов лермонтовских стихов про одинокий парус и тучку зо-

лотую и новые работы с вкраплением разверток сигаретных пачек), слишком простое. Потому что с чего бы вдруг загонять в рамки квадратного метра экспрессивную живопись, стильную холодную графику и трагический гобелен. К тому же метр на метр — неудобный размер, слишком большой для графики, нехарактерный для гобелена (мини-гобелен — значительно меньше, просто гобелен — обычно больше) и абсолютно безразличный для живописи.

Известно, что размер является важнейшим параметром произведений современного искусства — нечто беспредельно увеличенное может стать экспонатом музея. Памятный пример — гигантские гвозди Юккера. Многократно увеличенный фотоснимок напрочь меня-

ет ощущение реальности, об этом мы помним по классическому фильму Антониони. Метр на метр — тупой размер, и смысл приступа группового смирения участников перед стандартом выставка так и не проясняется. Ведь если они хотели показать, что один и тот же размер может вместить самую разную по количеству, качеству и смыслу художественную информацию, — так это не тайна. Хотя выставка продемонстрировала этот известный факт с потрясающе убедительной наглядностью. Размер, похоже, сковывал художников и не связал экспозицию.

Она смотрелась красиво, но не цельно. Выставившись вместе, эти трое поступили вполне разумно. Если можно считать проявлением безумия стремление

Ирина Тарханова. Желтое на черном

усложнять и без того неп-
ростые обстоятельства, то
все трое их усложнили. И не
только размером. Само по
себе участие художников
трех видов искусства в од-
ной экспозиции вполне
нормально, но все же извест-
но, что показывать рядом
графику, живопись и гобелен
невыйгрышно и небезо-
пасно для экспозиции. Счи-
тается, что гобелен хорошо
смотрится, например, со
скульптурой, живопись — с
ней же, а графика вообще
не терпит соседства. Эти не-
писанные законы построения
экспозиции выставка не
поставила под сомнение.

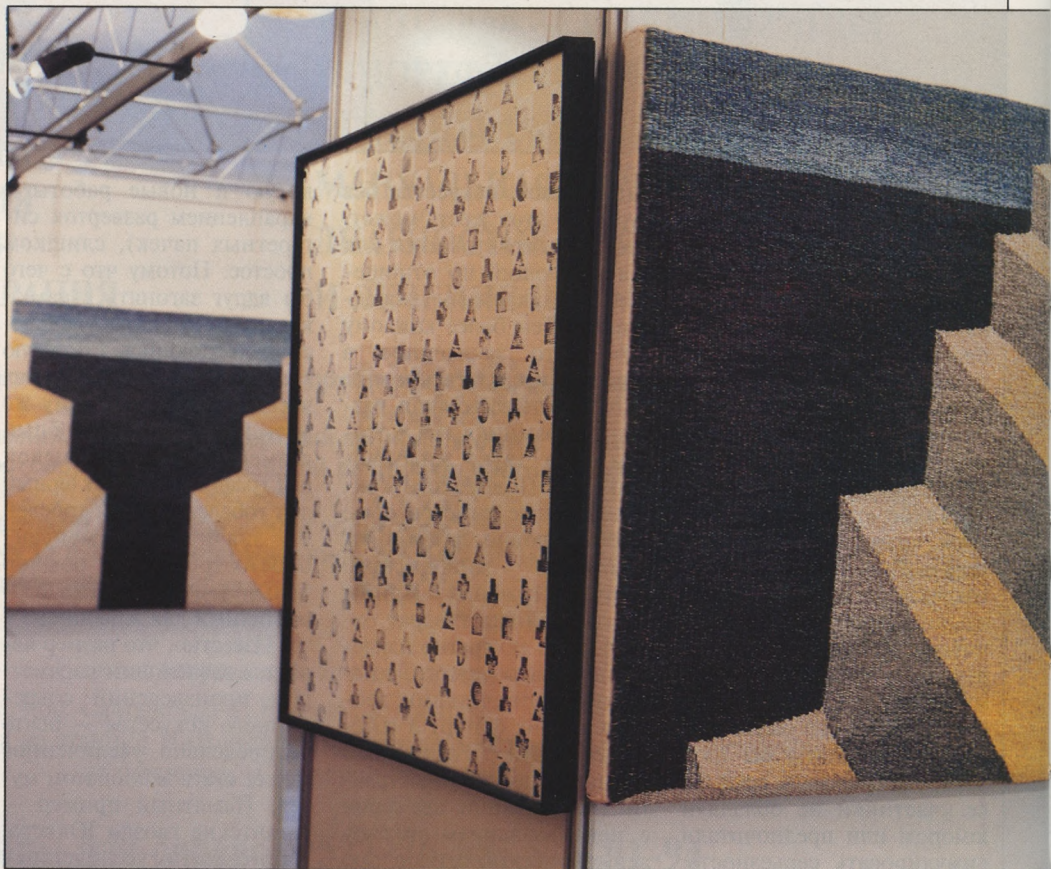
Каждый из «100x100» от-
лично выглядит среди сво-
их. Николай Полисский
обязан был стать участни-
ком очередной митьковской
акции, что он исправно де-
лал раньше. Ира Тарханова,
как всегда, достойно смот-
релась бы на экспозиции
прикладной графики, где ее
абстрактный геометризм
вполне органичен на фоне
других упражнений с цветом

и формой. Катя Нестерова
могла принять участие в
текстильном смотре — что,
собственно, и случилось: ее
гобелен висел на открыв-
шейся в том же музее од-
новременно с «100x100»
выставке «Золотая осень».

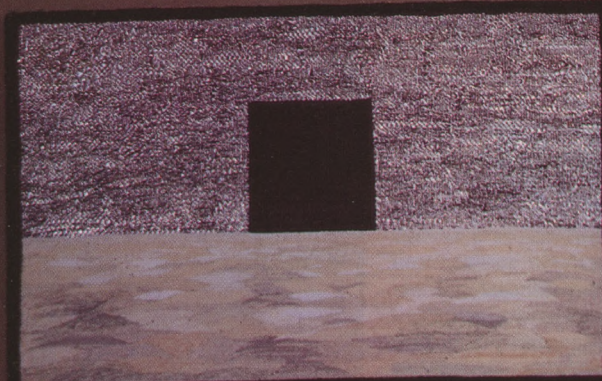
Еще лучше каждый
смотрелся бы сам по себе на
персональной выставке. По-
вешенные попарно цвето-
вые серии Тархановой «Бе-
лое на сером» — «Серое на
белом», «Черное на желтом»
— «Желтое на черном» и
т.д. свободно блестели бы,
пестрели и вибрировали, за-
вораживая зрителя, склон-
ного к эстетизму и созерца-
тельности. Дикие цветы По-
лисского радовали бы взор
любителя спонтанного цвета
и живописного декоративиз-
ма. А гобелены Кати Несте-
ровой привлекли бы склон-
ного к рефлексии интелли-
гента, который, возможно,
обнаружил бы, что черный
квадрат — знак бездны,
одиноким парус белеет как

неизбежность (смерть?), а
красочные картонки сига-
ретных пачек, вправленные
в текстиль, не просто дань
поп-арту, а ироническая
реплика по поводу обстоя-
тельств нынешней жизни.

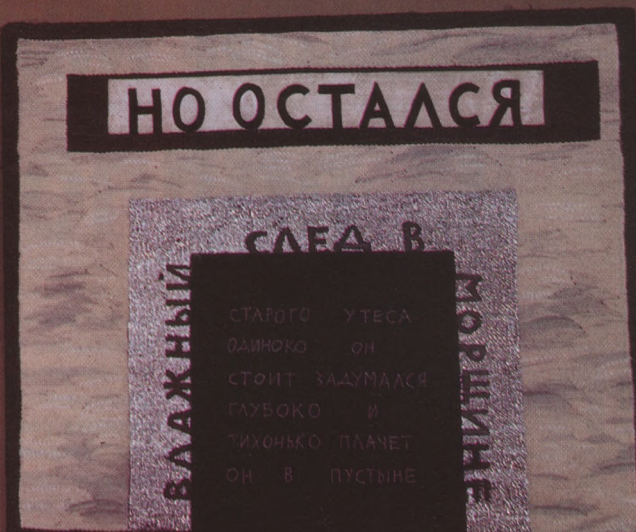
Экспозиция трех худож-
ников говорит не о том, что
каждый мог сказать сам по
себе или на групповой вы-
ставке товарищей по цеху. И
объединяет участников
«100x100» не размер, не зал,
а дружеское расположение,
что только на поверхнос-
тный взгляд кажется обстоя-
тельством не важным. Су-
ществует устойчивое мнени-
е, что творческие задачи
важнее жизненных обстоя-
тельств и что для решения
этих задач дружеские связи
несущественны. Это не
всегда так. О чем и говорит
красивая и умная выставка
«100x100». Ее участники
между собой равны, все они
достойные профессионалы,
причем выставочные акции
— не главное их занятие.

На выставке «100x100»

НОЧЕВАЛА ТУЧКА ЗОЛОТАЯ
НА ГРУДИ УТЕСА ВЕЛИКАНА
УТРОМ В ПУТЬ ОНА УМЧАЛАСЬ РАНО
ПО ЛАЗУРИ ВЕСЕЛО ИГРАЯ

Екатерина Нестерова. Диптих «Тучка»

Ирина Тарханова много делает в прикладной графике, и ее полиграфические работы отличаются артистизмом и примерным качеством. Полисский бесконечно занят своим домом в деревне, и в этом он остается самым последовательным и искренним митьком. Катя Нестерова тклет гобелены для интерьера, и они вполне уживаются в пространстве как домашнем, так и официальном. Все трое среднего, слегка за тридцать, возраста, все твердо освоили профессиональные навыки, неустанно, но постепенно движутся вперед, не столько обращая внимание на других, сколько старательно усваивая пройденное.

Их выставка очевидно нетрадиционна и безусловно неактуальна — ее авторы работают в художественном пространстве, уже освоенном другими. Они не лидеры и не маргиналы, они не делают гигантских шагов вперед, но и не плетутся в

хвосте, они думают о том, что делают, но не придумывают, что им делать. Выставкой в музее на Делегатской они причислили себя к мастерам декоративного искусства (что нынче не слишком почетно) и продемонстрировали его новые, достойные и спокойные формы, не разрушая привычных зрительских представлений, а лишь корректируя их. Выставы они нечисто более интеллектуальное, в ущерб декоративизму, то их экспозиция могла бы состояться и в Центре современного искусства, но они не спешат расставаться с зрелищностью и чувственностью. В «100x100» было представлено среднее искусство и искусство для среднего зрителя. Выставка, о которой почти ничего не написали присутствующие на вернисаже модные критики, словно затерялась в неосвоенном пространстве между искусством современным, радикальным и

традиционным, привычным, между модным вчера и модным сегодня.

Гигантское незаполненное расстояние разделяет прежних героев изобразительного искусства и нынешних баловней художественной критики. Критики, отличавшиеся раньше дружной любовью к одним и тем же художественным событиям Советского Союза и формировавшие интеллигентский вкус, к которому теперь дружно имеют претензии, похоже, разделились на два лагеря. Нормативный интеллигентский вкус опроверчен одной партией, ставшей в пример более правильный вкус масс. Другие же, напрочь игнорируя былые предпочтения, жестко ориентируются на элитарный, западный вкус. До спора с самими интеллигентами по поводу несовершенного их восприятия критики, как правило, не нисходят. Образованный зритель, любящий искусство и стремящийся

следить за его новинками, делает это не обязательно из ложно понятого чувства исключительности или снобизма, вполне, впрочем, простительного, а по естественной склонности, из-за многократно осмеянной непосредственной любви к искусству, которая еще встречается нынче. Такого пытливого зрителя в Центр современного искусства или модную галерею не пустят, да и ему трудно будет разобраться в туманных концепциях куратора. ЦДХ, словно равнодушная машина, поглощающая выставку за выставкой, качества представленных работ не гарантирует, а отыскать в огромной стекляшке на Крымском хорошую экспозицию затруднительно. Искусство же новое, но адаптированное, достойное и профессиональное, просто не попадает на глаза. Например, выставка «100x100» прошла быстро и почти незаметно.

Вышли мы все из подполья

Алексей ДИДУРОВ

Прочитал десятки книжек российских подпольных молодежных журналов... Прочитал — и в голове гул: как канонаду перенес, как войну прошел. Она и была войной — эпоха рок-самиздата. Только не случилось победителей — потерпели поражение все. Проиграло поколение, исказив свое лицо маской нетерпимости и злобы. И зная, как сложились судьбы капитанов журнальных «команд» с того далекого начала 80-х, когда нас всех свело вместе Провидение, хочу сегодня спросить их: «Чуваки! Зачем было крушить друг друга? Что получили в итоге яростной междуусобицы?»

Если бы спросил — знаю, что ответили бы: «Получили место в истории русской культуры». И это святая правда.

В 1986 году мое рок-кабаре и основную его рок-группу «Искусственные дети» выперли по цензурным соображениям из официальных стен ДК типографии «Красный пролетарий».

Некоторое время мы кантовались в детском саду «Солнышко» в Сокольниках, пока на лето дети были вывезены в загородный филиал, а один наш вокалист подрабатывал в этом детсаду суточным сторожем... И повадился к нам туда (думали — из любви к искусству) главред и издатель подпольного рок-журнала «Урлайт» Илья Смирнов. Журнал набирал авторитет, а мы — новый репертуар. Илья провел наш концерт, сказав, что это, мол, в целях ознакомления с нами авторов и редакционного актива для публикации их мнений о нас в журнале. Но уже и лето кончалось — статьи о нас все не было. А там мы и ждать забыли — занялись поисками места, ведь детсад вернулся в себя. Попали в подвал — в подземную мастерскую моего приятеля, оружейника, кузнеца, богатыря и добросердечного красавца Сереги Микульского. Там, среди доспехов, шлемов, щитов, мечей и женской сбруи, позолоченной и усыпанной драгоценными камнями, гужевались «Искусственные дети», шумело смехом и аплодисментами рок-кабаре, снимали вгиковцы первый фильм о нас (он потом премию получил за границу) и весело жил с нами меж приступами

своего адского труда пиратоподобный гигант Сережа Микульский...

Но однажды в дверь постучали. Открываем — Илья Смирнов. Не успели дверь на все запоры запереть — снова стук. Открываем — дама. И как они друг на друга сразу бросятся! Из долгих выяснений, в которых топили это двое друг друга: кто, кого, кому, когда закладывал; кто, где, кого подставлял и кто на кого ментов наводил, — мы с трудом поняли, что всяк из них пришел звать нас на фестиваль, проводящийся разными конторами, и, значит, фестиваля — два, контор — две, и обе люто враждуют, и одна подпольная (смирновско-урлайтовская), а другая официальная, новая, «перестроечная» — называется «рок-лаборатория».

За два дня до рок-лабораторского фестиваля состоялось прослушивание команд, претендовавших на участие. После нашей программы народ выскочил в фойе: «Откуда вы взяли? Кто пишет вам тексты? Кто аранжирует? Где репетируете? Где вас можно послушать?» Вышел к нам и знакомый член жюри: «Ваше дело в шляпе, ребята!»

К подведению итогов прослушивания подъехали рок-лабораторские консулы, Липницкий с Мамоновым, совещались с жюри, и наш знакомый, пряча глаза, пробурчал: «Вы не прохилияли...»

Но в «Урлайте» — прохилияли. Кто-то из наших привез мне ксерокс статьи о

нас, и я глазам не поверил: было черным по белому написано, что Алексеев, наш композитор, вокалист и гитарист, квартирными концертами деньгу зашибает (чего не было ни разу), я — педофил (это, видно, потому, что по Москве еще ходила рукопись моего романа в стихах о голой восьмикласснице), а «Искусственные дети» перед выступлениями, мол, вдохновляются коньячком — это при сухом-то законе в кабаре! И сразу после той статьи в подвал к Микульскому пришел рыжий какой-то тип, представился «культсектором» из местного жэка и стал нас донимать занятыми, словно с «Урлайтом» сверенными, вопросами: а много у нас платных концертов по квартирам? а много пьем? а какого возраста дамы сюда приходят? Позвонили в жэк — рыжие там не работают, и культсектора нет уже сколько лет...

В Упркульте Мосгорисполкома сразу стало трудней с «литовками» — в наших песнях и стихах чиновники-цензоры все чаще требовали замены слов, строк и выражений, иначе не ставили заветную печать с подписью цензора и числом, а без этого песню и стихи исполнять нигде в те времена не дали бы... И «площадки» одна за другой отказывали нам как по команде... Поневоле пришлось задуматься о нешуточной власти, которая впоследствии получит порядковый номер «четвертая».

А как хорошо начиналась моя дружба с юной подпольной прессой Москвы! Неопишуемой весной 1981 года на одном из моих «квартирничков» после того, как я отпел и отчитал, подошел ко мне худенький очкарик и с застенчивой улыбкой предложил дать мои «текста» в намечающийся нелегальный журнал с молодежной, как он выразился, направленностью. Или — чтоб я им статью написал. Про что хочу. И пригласил меня на заседание редколлегии в свое жилище на Алексея Толстого: «Два шага от особняка Буревес-

тника». Я понял: рядом с шехтелевским шедевром, в котором жил родитель соц-реализма.

В ретродоме — с виду очень даже ничего себе — среди сумрачного лабиринта стен старинной московской квартиры ее юный хозяин Женя Матусов, тогда студент МАДИ, познакомил меня со своими друзьями, составлявшими ядро клуба «синтеза искусств» имени Рокузлла Кента при МИФИ, — Ильей Кричевским, внуком самого Ильфа, и однокурсником Кричевского по исфаку МГПИ Ильей Смирновым, Сергеем Гурьевым, внимательным, словно первокурсник (каковым и был на искусствоведческом, в МГУ), и Артемом Троицким, в своем компетентном, обогащенном за границей остроумии ослепительным, как восходящая тогда звезда его славы.

Несмотря на то, что из собравшихся никто, кроме Троицкого, не был журналистом, моральное право начать журнал они все имели. Идею подсказал опрос, проведенный по совету Троицкого этими парнями по городским дискотекам в 1980 году, — опрос, выявивший, что в музыкальной иерархии лидирует у молодежи группа «Машина времени». На втором месте — Челентано, на третьем — «Пинк Флойд», «Битлз» — на седьмом! Пришлось осознать знаменательный феномен — русским нужен именно русский рок! Значит, его надо показывать, обсуждать, изучать. Про Челентано рассказывали «Ровесник» и «КП». Про своих — никто. Стали издавать «Зеркало». Сразу поняли: русский рок — ставка на тексты.

Оплодотворил «Зеркало» идеей русского рок-литературоцентризма тот же Артем Троицкий, имевший уже тогда кличку и псевдоним Дядюшка Ко. По его же предложению каждый номер «Зеркала» строился «на героя» — в каждом был «человек номера»: в № 1 — Макаревич, в № 2 — Гребенщиков и так далее.

Новые задачи развития потребовали перемен в кругу развивающихся. Это стало необходимым тем более, что по их общему делу был нанесен торпедирующий удар со стороны Лубянки — отсюда на стол ректору МИФИ лег пакет, приказывающий «Зеркало» закрыть, запретить, пеплом развезать. Что и было сделано.

На повестку дня жизнь и амбиции рок-орлят «Зеркала» поставили создание московской рок-общины, столичной рок-школы и ее идеологии, для чего срочно необходимы стали концертная деятельность, рок-ликбез и налаживание связей между местными тусовками рокменов и их фанов. Говоря языком вождя мирового пролетариата, «зеркальцы» должны были превратиться в коллективного пропагандиста, агитатора и в конечном счете — и срочно! — в коллективного организатора столичных рок-масс. А значит, по всем законам человеческой истории понадобилась московская рок-революция.

«Это была та самая опасная и заветная свобода, к которой редакция шла, наверное, с тех пор, как мы познакомились с творчеством Гребенщикова», — декларировал Кричевский, член редколлегии почившего в бозе «Зеркала», вошедший в команду нового, уже полностью отвязанного от госструктур журнала, созданного капитанами затонувшего «Зеркала» во имя продолжения плавания к terra инкогнита отечественного рок-счастья. «Зеркальская» редколлегия (минус Гурьев, разочарованный в целях) пересела на новую «посудину». Она обрела все более обтекаемые и боевые формы и признаки. Начиная с маскировочного камуфляжа — обложка стандартного студенческого реферата под заголовком «Основной экономический закон — закон движения коммунистического способа производства» — и кончая тотальной системой авторских псевдонимов и фантамами — мифическими героями и персонажами статей, выдуманными рок-группами, за которыми должны гоняться гэбисты, отвлекая силы и время от корабля-матки с названием на прикрытом борту — «Ухо». Это последнее средство сработало — долго еще в будущие запретительные списки ГБ вносил те фальш-группы... Название придумал журналу опять же Артем Троицкий. И он же первый восстал против глухой закрытости «Уха», объяснявшейся Смирновым-Черным Френчем (в те времена Илья начал носить униформу полпотовца) военной необходимостью в условиях охоты КГБ на редколлегию.

Кстати, охота была резонна — «Ухо» с первого же номера продалось американскому рок-империализму: были переведены и в № 1 опубликованы главы из библии всех рокменов мира — книги Ника Кона «Рок с самого начала». Кроме того, без разрешения партийно-комсомольско-

гэбэшных властей Илья Смирнов провел под флагом «Уха» несколько громких неофициальных рок-конcertов скандальных команд на «слева» полученных площадках. Курс журнала становился все более жестким, если не сказать — жестоким. Приметливый Кричевский записал: «Ухо» № 2 уже «гораздо более крутой, резкий... гораздо менее литературный...».

На дворе стояла осень 1982-го... Редколлегия начала облетать. Первым ушел Матусов, трепетный, дружелюбный. Любить ему больше было нечего — с дружбой в команде уже было покончено: по ней шаракнули не только анонимные статьи в «Ухе» против «Кино» и других бывших любимцев, но и против собственного мэтра и энциклопедиста Троицкого-Дядюшки Ко. Дядюшка Ко с гордо поднятой головой оскорбленного гениального штурмана-лоцмана покинул борт судна. За Троицким ушли на берег и растворились в мареве миазмов социального ландшафта середины 80-х остальные бывшие «зеркальцы».

А Смирнов дал команду на полное погружение.

В целях политико-психологического прессинга против идеологизированного противника был придуман румынский панк-рок и опубликованы в «Ухе» фальшивые тезисы проталински настроенного отношения коммунистов мира к запросам современной молодежи и ее субкультуре. Одновременно устами трио Смирнов—Сигалов—Жариков лихорадочно начал прославляться «истинно русский рок» провинции («ДДТ», «Облачный край», «Трек», «Урфин Джюс», другие команды приуральско-зауральской формации). Параллельно с этим начался обстрел Питера (и его любимца и ставленника в Москве Троицкого) в таком тоне: «Песни «Аквариума» — это звуки из могилы похороненной эпохи». О «Кино»: «Послушал 5 минут группу «Кино» и жалую, что не послушал 4».

Будучи все же бессилен противостоять человеческой природе (живым нужны живые), Черный Френч все-таки выводил экипаж своей все более желтой подлодки в люди, за глухие переборки отсеков, за толстый-толстый слой конспиративной оболочки «Уха». Они балдели, помню, как дети на елке, в коммуналке, где на день всего Смирнов оборудовал примитивную студию и поставил трепаный аппарат и ударную установку, барабаны которой придушил подушками, а тарелки забинтовал, этим погасив их до кастрюльного звука, — на таком вот аппарате питерский хрипчатый классик панк-рока Свинья и его «Автоматические удовлетворители» записали свой первый «диск» шедевров. Соседке, местной «Аннушке», заглянувшей в ком-

КОНТР КУЛЬТ УР'а

В НОМЕРЕ:

Что осталось
от Маркузе!Мистическая охота
на Татьяну Друбинч
АВТОРИЗОВАННАЯ АЛЬБОМОГРАФИЯ GROB-RECORDS

ИНТЕРВЬЮ:

Егор Летов
Александр Башлачев
Jello Biafra

РОК-САМИЗДАТ:

первый опыт
итальянской советологии
170 журналов —
от Каннигберга до КалачаниElement of Crime
Try to be Menid!Морфин выше дорог
Guitar Craftи персональный
«эпизодический»
в РоссииКомитет Охраны Тела
любимый райер
из Восточной ПруссииЧетверо из его народа
перестраховка
Сеза ГуцаловаКоллектор:
магнитодетект 90/91

Our Last Spring

нату будто бы заварки занять, желтокриво-зубый и лилововоздутоносый Свинья в лицо прокаркал: «Я хочу быть сапогом! С острым кованым носком! На дорогу выходить! И людей по жопе би-и-и-ить!»

После записи Смирнов срочно меняет, заметая следы, название журнала на «Фотограф», но — поздно. В начале 1984 года он получает прокурорский запрет на выпуск «Уха». Эта торпеда топит журнал.

Но короли без тронов не жильцы. Благо грянул и минул 1985-й, Смирнов с вернувшимся к нему Гурьевым набирает новую команду для проекта «Урлайт» (составленные два корня — первый латинский, второй английский — прочитываются как «Свет из помойки»). А Дядюшка Ко-Троицкий и компания его дружков, иронически называемых им самим «сыто-мажоры», в союзе с партийными и городскими властями и их креатурами организывают напольную московскую рок-лабораторию.

Война взрывается, как Везувий, надывишись власть и накопив огня.

Сегодня, раскапывая слежавшийся пепел, изумляешься причудливым, для живых неестественным позам, в каких отпечатались в той эпохе действующие лица... Вот дерганые, торопливые подписи Троицкого, перебежчика Жарикова, Мамонова, Липницкого, командиров «Ночного проспекта», «Черного обелиска», «Ва-Банка», «Центра», «Тяжелого дня», «Клона» — под доносом в МК КПСС на «Урлайт», под обвинениями Смирнова и компании в антисоветизме и покушении на святые ценности, под намеками на благо партконтроля в молодежной жизни и искусстве... А вот ответ в «Урлайте»: опубликованы составленные рок-лабораторскими деятелями списки (официальные, на правах инструкции Минкульта СССР) запрещенных для страны зарубежных и отечественных рок-групп... И тогда же проведена коварная диверсия против рок-лаборато-

рии: обер-«урлайтовцы», Смирнов и Гурьев, изготавливают и тиражируют по городу и стране фальшивый «Рок-бюллетень московской рок-лаборатории № 1», преисполненный инфантильной, эзоповой антисоветчины за подписью грандов рок-лаборатории, а в резонанс «номеру первому» выпустили и второй такой же. Страха было в стане врага полны джинсы.

Очередным стратегическим маневром «Урлайта» явился устный приказ по журналу на всплытие. Капитанское перо Смирнова окончательно «опартивело»: «Если КПСС в глазах народа будут олицетворять такие люди, как Ульянов, Кабаидзе, Бакланов, Ельцин, Федоров, Патиашвили... осмелившиеся выступить против высших иерархов, — можно сказать, что у Горбачева есть шанс повторить опыт Дэн Сяопина и сохранить партию в политических катаклизмах перестройки как реальную и правящую силу...»

Награда за нововичие не заставила себя ждать: публикации авторов «Урлайта» начала перепечатывать официальная, все еще, вспомним, партийная (1985—1991 годы!) печать, и даже на работу они были взяты в журнал «Юность» соловья из ЦК ВЛКСМ Андрея Дементьева.

Кончил «Урлайт» соответственно. Согласно черному юмору истории, напечатанный где-то в Казахстане под эгидой тамошнего комсомола громадный тридцатилетний тираж в момент катастрофы партийно-эссээсэровской системы был арестован как подрывное, реакционное издание ВЛКСМ!..

Неисповедимы дела твои, Господи...

В том последнем номере Илья Кормильцев, поэт «Наутилуса Помпилиуса», говорит Смирнову, ставя точку на эпохе: «Рок-музыканты, как и все общество, кинулись навстречу либеральным обещаниям, потому что всем хотелось жить лучше... Лучшим гимном этому времени послужило кинчевское «Мы вместе». Только если его сейчас спеть, вместо радости возникает глубокое горе, что мы оказались вместе».

«Урлайт» — «Свет из помойки» — погас.

...Сергей Гурьев начал работать еще в «Зеркале». Пройдя огонь, воду и медные трубы в подпольных и надпольных массах, он испытал большое потрясение при виде того, куда и к чему, в какое смертельное болото зашли рок-слово и рок-дело. Его шок расшифровывается в форме и сути гурьевского нового журнала «Контр Культ Ур'а», уже самим названием своим упрекающего «Урлайт» и самого Сергея в бытность «урлайтовцем» (развернутое название читается «Контр Культ «Урлайта»).

«Контр Культ Ур'а» прошумела по российской тусовке фестивалями «Индюки», ею проведенными для нового поколе-

ния рокменов, а прежде всего — черепо-вещки памяти Саши Башлачева. Но фирменным гурьевским блюдом в журнале стали некрологи и посмертные интервью. Майк, Цой, Башлачев, Янка, Гильдебрандт и другие российские рок-смертники эпохи Айзеншписа и «Лис'са» стали главными героями полос «Контр Культ Ур'ы». Каждого ее номера привыкшие к тематике читатели ждали уже со знобящим трепетом — кто еще?.. Сергея встречали на улице с мрачной улыбкой и саднящим его душу вопросом: «Какого покойничка приготовил для следующего номера?»

Дух непрочен, если жив и пока жив. Гурьев не выдержал. Он оборвал выпуск «Контр Культ Ур'ы», чтобы хотя бы для себя прервать рок-реквием, носившийся в русском воздухе и слышный всем, кто еще не оглушил себя халявной водкой «Распутин» на бесконечных презентациях плагиативных теле-радио-шоу-программ и пиратских студий звукозаписи.

Сегодня Сережа Гурьев, некогда рыцарь острого рок-пера и талантливый рок-поэт и шоумен дуэта «Чистая любовь», выпустил в свет пилотный номер своего журнала «Pinoller». Сам Гурьев предельно ясно, чисто и холодно — холоднее и чище посмертной слезы — сформулировал кредо журнала «Pinoller»: «Мы живем в эпоху тотального разрушения смысла, когда научные открытия, идеологии и формы национального самосознания неизбежно приводят к человеческим жертвам. Форма — это красота, содержание — это кровь. Любой процесс в чистом виде выше любой цели... Pinoller, таким образом, — своеобразный опыт построения модели Абсолютного Журнала, находящего свой смысл исключительно в самом себе...»

Историю же московской ветви от «Зеркала» до журнала «Pinoller» Гурьев комментирует так: «Чем важнее стратегическое положение города, тем острее конфликты в его рок-общине. Закономерно, что наиболее драматичной в этом смысле оказалась судьба московского рок-самиздата... История крупнейших московских рок-журналов неразрывно связана с острой квазиполитической конфронтацией, осложнявшейся до 1988 г. давлением и интригами со стороны КГБ».

Но пусть в молодежные подпольные редколлегии первым бросит камень тот, кто сам безгрешен... Ведь и традиционно напольная, официальная пресса, рванув за стартовую черту 1985 года, явила миру свой далеко не ангельский нрав, а сегодня бьет все рекорды злости и мстительности андерграундного самиздата. При чем у нынешних писак, особенно молодых, нет и тех слабых оправданий, каких достойны все же пионеры свободы слова эры застоя и постзастоя.

MIAMI NONSTOP.

once a week

Полет через Хельсинки с удобными стыковками

Москва - Майами

Майами - Москва

Вылет в 16.25

Вылет в 23.40

Прилет в 21.50

Прилет в 21.35 (на следующий день)

Один раз в неделю начиная с 02.11.94

На самолетах компании ФИННЭЙР

Камергерский пер.6, Москва, 103009

Тел. 292-87-88, 292-17-52, 292-33-37 Факс: 292-49-48

АЛЕКСЕЙ ЛУКЬЯНЧИКОВ, ВЛАДИМИР САКОВ

Начальный средний образ мира

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

...А еще, — сказали на родительском собрании, — сдайте все по 5 тысяч, мы купили первоклассникам хрестоматию по литературе: новую, хорошую, на три, даже четыре года вперед.

— О чем же разговор, милостивые государыни, конечно, вот деньги (тоже мне деньги!), нельзя ведь учиться по старым хрестоматиям, по которым мы, вы, они учились в свое — то еще! — время.

Сдали — взяли. Хорошая хрестоматия, толстая.

Объем — 500 с чем-то страниц. Тираж — 50 тыс. экз. (числа, делящиеся на «5», для школы, несомненно, являются магическими). Бумага, конечно, весьма серовата, «тип. № 2», и картинок нет ни одной, но так и надо, чтоб строже было. Это ведь не просто книжка, а серьезное учебное пособие — «дополнительный текстовый мате-

риал для изучения русской и зарубежной литературы», составление (копирайт!) Таисии Бутейко, издано в Ростове-на-Дону.

Отмечаю шальную мысль о том, что госпожа Бутейко является одним из столпов ростовской школы постструктурализма: термин «текстовый материал» навряд ли почерпнут ею из позднего Ролана Барта.

Но — в сторону шутки. Чего же мы хотим от хрестоматий по литературе?

«Chrēsto» по-гречески означает «хорошее, полезное». Хрестоматия для начальных классов есть, по определению, первое, неокончательное (с поправкой на младые ногти) введение во всемирную словесность, помеченную знаком высшего качества. Цель хрестоматии — надолго вперед задать «образ мира, в слове явленный» (Пастер) и, желательнее, более или менее цельный. Тексты, собранные в хрестоматию, суть новорожденная «галактика Гутенберга»: ей предстоит всячески шириться, но не

изменяться. Инородные стили и мысли, отсутствующие в изначальном замысле творения, обречены впредь проноситься по читательскому сознанию бесследно, как незаконные кометы.

Первое ощущение от хрестоматии Бутейко, открытой, как полагается, на оглавлении: караул! Это даже не хаос, это какой-то ад словесности, клокочущей бессмысленно и безнадежно. Составительницу и всех предполагаемых читателей сюда завело, как водится, вполне благое намерение: дать детям все самое лучшее сразу.

Не будем придирааться к путанице времен и выяснять, например, почему Николай Заболоцкий (1903—1958) зачислен в «русские писатели конца XIX—начала XX века», а Михаил Пришвин (1873—1954) отнесен к «современным русским писателям». Это мелочь, хотя показательная: пытаюсь вернуться к более или менее естественной истории литературы, мы обречены путаться в периодизации, ставить вехи на

свой страх и риск. У России не было устойчивой литературной традиции не только в XX веке, но и в XVIII (благодаря чему гениальный барочный поэт Гаврила Державин, в хрестоматию не включенный, искренне считал себя классицистом, а душка Жуковский прослыл бурным романтиком). Проблемы стиля и периода в русской литературе не только не разрешены — неразрешимы. С этим надо просто смириться.

Слух и культурную память режет другое: соединение имен, принципиально несочетаемых. Как вообразить себе литературу, к которой — в первом же касании и на равных правах — принадлежат: Аркадий Гайдар (с.194—212), Даниил Хармс (с.213—215), Сергей Михалков (с.306—307) и Александр Солженицын (с.317—318), а также Раиса Адамовна Кудашева, автор новогоднего гимна «В лесу родилась елочка» (с.163)? Как можно сделаться носителем этакой заковыристой, постоянно себя опротестовывающей традиции?

Русская литература, в том виде, в каком она предлагается хрестоматией начинающему читателю, видится неким фантастическим заповедником, на который закон естественного отбора не распространяется. Рядком возлежат лев, ягненок, кенгуру и птеродактиль, глаголя неизъяснимую осанну несостоявшейся истории.

Нужно почувствовать разницу. В страницах, отданных XIX веку, рядом стоят тексты писателей, всю жизнь друг с другом споривших и боровшихся: это не смущает нисколько. Полемика школ, поэтик, традиций — нормальное состояние литературы, условие живого существования. Федор Тютчев, Алексей (разумеется, Константинович) Толстой, Николай Некрасов, Афанасий Фет — между ними можно сделать выбор вкусовой, но никоим образом не исторический. В разделах же XX века рядом стоят тексты, вовсе не желающие знать друг друга. Меж ними нет борьбы, оппонент попросту выносится из поля зрения. Александр Исаевич Солженицын никак не относится к обзориату Александру Ивановичу Введенскому, разве что как лагерник к лагернику. Как писатели они взаимоисключаются.

С литературой зарубежных стран, занимающей последнюю сотню страниц, никаких таких проблем не возникает. Здесь собрались профессионалы. Книжки для детей они пишут по службе и по душе одновременно: от Шарля Перро до Энн Хогарт, родовоспреемницы лучезарного Ослика Мафина, и невнятного финна Цакариаса Топелиуса, автора рассказа о Сампо-лопаренке. Почему в хрестоматию вписан именно

финн, а не какой-нибудь зулус, поныне дикий, или друг степей команч — объяснению не подлежит. Каким-то образом хотелось экзотизировать чересчур знакомый мир. В конце концов, должны же многочисленным хрестоматии «дополнительных текстовых материалов» меж собою как-то различаться! Вот составители и совещаются у общей кормушки: у тебя после «Вороны и Лисицы» идет «Стрекоза и Муравей» — тогда я поставлю «Слона и Моську». Ты выпендрился с Мексикой, а ты с Финляндией — Японию никто не оккупировал? Тогда моя Япония. Мир большой, писателей на всех хватит.

Среди русских же литераторов действует другой принцип отбора, точнее — три принципа одновременно. Детские писатели, которых не хватает, густо перемешаны со вселенскими светочами, из числа коих прозаики (Толстой, Чехов, Мамин-Сибиряк, Куприн, Зощенко, Паустовский и проч.) рассказывают нравоучительные истории, а поэты (Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Блок, Бальмонт, Бунин, Рубцов и т.д.) на все голоса воспевают русскую природу. Природы, однако, все равно мало — и третий пласт хрестоматии составляют писатели-естествопытатели: Пришвин, Бианки, Сладков, Берестов. В результате возникает дивный пейзаж, где между трафаретных березок, осин, рябинок и одинокой лермонтовской сосны бегают лисички, чирикают синички, тихо летают два ангела — блоковский и бунинский — и гордо ходит Солженицын, весь **опрыганный** (это из его хрестоматийной притчи про собаку Шарика: «Подбежал ко мне, лохматый, меня опрыгал, кости понюхал — и прочь опять, брюхом по снегу!»).

То есть: при обилии имен, ранее невозможных — от Константина Бальмонта до Эдуарда Успенского, реабилитировавшего в школьном сознании порочный жанр детектива («Колобок идет по следу»), — стратегия составления хрестоматий какой была, такой осталась. Система просвещения оказалась единственной советской системой, сумевшей не рухнуть: сменив идеологию, она сохранила навыки здорового консерватизма и впитала в себя новые имена и идеи, как промокашка — чернильные пятна. Остается только выяснить, хорошо это или плохо.

С одной стороны, новые хрестоматии систематичны и взаимозаменяемы в своей никчемности. Составленную Таисией Бутейко я выбрал из многих по причине сугубо личной: по ней в течение четырех лет будут воспитывать читателя из моей, а не чьей-нибудь дочери — и я обязан знать, во что и когда

мне предстоит вмешаться. Я вообще не уверен, что в школе следует что-либо читать. Пусть там учат грамоте, но воспитание литературного вкуса — дело интимное, индивидуальное, в крайнем случае — семейное. Честно говоря, я очень надеюсь, что с внедрением компьютеров в быт система всеобщей грамотности быстро развалится. У большинства пропадет навык чтения, как уже сейчас пропадает навык сложения в уме: о, эти палаточные торговцы, которым необходим калькулятор, чтобы к двум тысячам прибавить полторы — сладчайший образ будущего. Конечно, каждый должен уметь расписаться в ведомости, но если человек способен не отреагировать улыбкой на звуко сочетание «Подъезжая под Ижоры...», — пусть лучше лирика Пушкина навеки останется ему неизвестной. Так и ему будет лучше, и Александру Сергеевичу. У литературы должно быть всего две касты: жрецы и неприкасаемые, а удел хрестоматий — воспитывать последних.

С другой стороны, живая душа есть у каждого, а в России спасению души традиционно способствует литература. На этот счет в хрестоматии Бутейко имеется раздел «Библейские легенды»: сюжеты Ветхого Завета в нем пересказывает Корней Иванович Чуковский, а Евангелие присутствует в виде «Учения Христа, изложенного для детей» Львом Николаевичем Толстым, от Церкви, как известно, отлученным. Но если литература сегодня именно и только таким образом вводит в мир сакральных ценностей — черт с ней, литературой.

Великий французский режиссер Жан Виллар любил повторять, что смысл книги и ее величие познаются по последней строчке. Что же, попробуем проверить.

Древнерусские былины в хрестоматии кончаются строкой: «И вышел Илья из гридни вон».

XIX век — чеховским «Белолобым»: «Ходи в дверь! Ходи в дверь! Ходи в дверь!»

Прошлый XX век — Заболоцким: «Не мешайте Никитушке спать-почивать!»

Нынешний: «Начинался новый рабочий день».

Мифы Древней Греции: «Сам же он, наконец, вздохнул полной грудью и вернулся в Фивы, где ждала его верная жена Мегера».

Библейские легенды: «И, склонив главу, испустил дух».

Литература зарубежных стран и вся книга кончаются вопросительным знаком: «Как он чудесно поет! — сказал Мафин. — Правда?»

В. Фогельсон, Б. Слуцкий, В. Корнилов, 1965 г.

АЛЕКСАНДР ЛЕСС

Памяти друга

Владимир КОРНИЛОВ

Виктор Фогельсон умер 14 июня. Провожали его писатели, журналисты, актеры, редакторы, издатели и просто друзья, и таких многолюдных, не ведомственных похорон я что-то давно не припомню. Даже огромный репетиционный зал театра «Современник», где играет его жена Лиля Толмачева, не смог вместить всех, кто хотел прийти на поминки.

Я дружил с Витей около сорока лет; он был редактором почти всех моих сборников. Я приносил ему вороха стихов, он замечал в них приблизительные строки, длинноты, отбрасывал не меньше половины, а оставшиеся стихи расставлял так, что неожиданно выстраивалась книга. Стать его подопечным было почетно: ведь он брал далеко не каждую рукопись, одобренную разношерстным правлением издательства «Советский писатель» (хотя исключения, разумеется, бывали: издательская жизнь сложная).

Один из первых «невозвращенцев», страстный любитель поэзии, Александр Дольберг, признавался, что на Западе он часто покупал сборники незнакомых авторов, увидев в выходных данных, что их редактор — Фогельсон. Это говорило о многом еще до чтения стихов.

И все-таки главный Витин дар — его удивительное обаяние. О природе этого дара я задумался только теперь, когда стало ясно, что вместе с Виктором Фогельсоном ушло из жизни что-то необыкновенное.

Есть понятие — «шестидесятники». Я это слово никогда не любил и не понимал, почему самых разных людей — и благополучных, и неблагополучных, и приспособившихся к режиму, и спившихся оттого,

что не хотели к нему приспособиться, и живущих в казенных и в собственных дачах, и не накопивших ни рубля, и лауреатов государственных премий, и диссидентов — всех сваливают в одну кучу. Но, думая о жизни Фогельсона, я вдруг понял, что все-таки объединяло этих многих и таких несхожих людей: после удушливой атмосферы сталинщины они испытывали неприязнь ко лжи, лицемерию, высокопарности; сталинщина и все, с ней связанное, претили им вкусом, цветом, запахом и образом поведения. Культ личности они заменили культом дружбы; они старались не участвовать в государственной подлости, пытались хоть как-то ей сопротивляться. Разумеется, далеко не все и не всегда поступали согласно этим принципам, но, даже изменяя им, понимали безнравственность своих шагов и стыдились того, что совершили. Они дорожили своей репутацией. Отступление любого из них от идеалов юности переживалось всеми.

«Шестидесятничество» предполагало определенный стиль жизни — с бесконечными ночными спорами на кухне, как жить и что делать, а в паузах — песни Окуджавы. Виктор Фогельсон хорошо пел их под гитару. Он дружил со многими поэтами, и, хотя поэты, как сказано Блоком, встречали «друг друга надменной улыбкой», он умел быть верным каждому из них. Деликатный и гордый, он никогда ни к кому не подлаживался, никогда не хвастал, ни у кого ничего не просил и никогда не злословил, что удивительно в нашей среде. Человек редкой музыкальности, он не фальшивил и в жизни. Сегодня, когда все точки от-

счета изменились, от нас уходит то щедрое и бескорыстное, что все-таки существовало наперекор нашему бесчестному, нещедрому и небескорыстному времени. «Шестидесятничество», существовавшее в ос-

новном как идеал, наиболее полно воплотилось из всех, кого я знаю, в Викторе Фогельсоне. И, провожая его, все мы, теперь уже навсегда, простились не только с ним, но и со своей далекой юностью.

Звонки в никуда

Виктору Фогельсону

1

Звоню и на последней цифре
Отшвыриваю трубку в панике...
Весь век помешанный на рифме,
Теперь хочу лишиться памяти

И вновь звоню... Ведь наша дружба
Была такого разворота,
Что пусто без тебя и душно,
Как все равно без кислорода.

...Похоже, не за облаками,
А в преисподней, ради блажи,
Полуистлевшими руками
Смешали проездные наши —
И, четырьмя годами старше
(Другой бы разговор — моложе...)
И даже захворавший раньше,
В пустынный край отправлюсь позже,
Небритый тоже, тоже желтый,
Фанеру продавив плечами,
Но только не такой красивый...

(Ведь знаю я, куда ушел ты,
Но много в знании печали
И мало жизни в нем и силы.)
...Так душно без тебя, так пусто,
Как будто помрачение мозга,
И перекручены все чувства,
Как взрывом — арматура моста.

2

И вновь звоню тебе в надежде,
Что твой отъезд — из сна дурного,
Что трубку снимешь ты, как прежде,
И все, как прежде, будет снова.

...А, помнится, во время оно,
Когда мы жили через реку,
Все накипевшее — недаром
Не доверял я телефону,
А пешкодралом, пешкодралом
Паломничал к тебе, как в Мекку.

О, разговоры полночь-за полночь,
Бессонница шестидесятых
И философия на кухне!..
Еще не драпалось, не хапалось,
Заморский не манил достаток
И молодость еще не жула.

Но постарение, прозрение
И озлобление шло быстро...
И только ты сберег от времени
Доверчивость и бескорыстье.

...Эпоха корчилась в агонии,
Терзали душу угрызенья.
А ты исполнен был гармонии
И чувства равенства со всеми.

Но жизнь неслась неугомонно,
Позвякивая, точно мелочь...
И нас пришила к телефону
Не столько гласность, сколько немощь.

3

...Звонил тебе без всяких поводов,
А нынче повод есть печальный:
Своих ты не увидел проводов,
Не выпил на своей отвалной,
Где каждый выступал волнуясь,
С любовью, жалостью и болью
От слез и выпитого — хрипло
Твою оплакивая юность:
Она всегда была с тобою,
А в остальных — давно погибла.

Ты щедрым наделен был даром
Объединять нас, очень разных,
И повторяли все: «Когда он
К нам приходил, у нас был праздник!»

...Но повезли тебя однако
Туда, где холоднее полюса...
Узнать бы, как ты там, бедняга,
Да не подашь оттуда голоса.

4

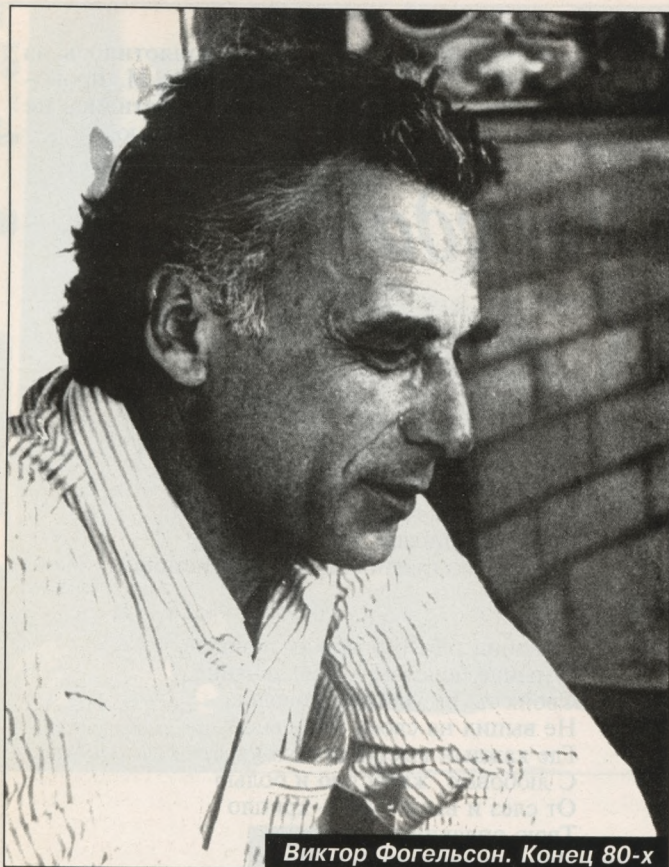
Звоню и клавиш нажимаю,
Звоню и втихомолку вою...
Хотя душа полуживая,
Не совладать с полуживою.

На этих днях в районном ВТЭЖе
Мне выдали вторую группу,
И ковыляю из аптеки
Понуро и сосредоточенно
Навстречу собственному трупу.

Но все вокруг еще земное —
Со мной жена, со мной две дочери
И ты, мой первый друг, со мною.

В двадцатом веке, в джунглях каменных,
Судьба нас накрепко связала,
А свяжет ли за облаками —
Как бабка: надвое сказала...
И потому — ты не ругай меня,
Что мучаю тебя звонками.

Октябрь 94-го года

Виктор Фогельсон. Конец 80-х

Памятник неизвестному

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Чем поминать редактора стихов, если не стихами?..

*Дудел и я на самоделке,
но повезло: с чужой тарелки
кусков не брал, и сладкий сон
не берedit воспоминанье,
как будто на предмет издания
звонит редактор Фогельсон...*

В книге Олега Чухонцева «Слуховое окно» последняя строка искалечена — как очень многие строки и целые стихотворения в этом и в других поэтических сборниках 60—80-х годов.

Вместо фамилии, знакомой в ту пору всякому ценителю российского стиха, — нечто невразумительное. Междоуметие. Затычка в треснувшей бочке. Редактор у книги был другой — но Виктор Фогельсон работал в том же «Советском писателе». Впрочем, даже и не в этом дело.

Ведь вот и у Давида Самойлова в поэме «Юлий Клоппус» было:

*Как свечка от жары истаяв,
Она не смела молвить «нет».
(Простит ли мне его Егор Исаев
столь легкомысленный сюжет!)*

А в печатном варианте — стало: «Простит ли мне редактор Паев...».

Хотя книжка издавалась совсем не в «Совпесе», где Е.А.Исаев в ту пору заведовал редакцией русско-советской поэзии.

Два схожих случая — совпадение, а три (уверен, можно назвать и три) — это уже тенденция, однако.

Так что дело совсем не в фамилии, а в ремесле, которому Виктор Сергеевич Фогельсон отдал почти сорок лет. Всю жизнь.

О его любви к нашей поэзии и к поэтам я, слава Богу, успел написать при его жизни. Я скорбел о том, что имя его сегодня забыто, неизвестно. Хотя подвиг — беспрецедентен. Неизвестный солдат. Он прочитал эти слова в «Столице» — и благодарил меня за то, что вспомнил о нем, напомнил, что он жив. Мы встретились на юбилее Окуджавы и договорились повидаться после его выхода из больницы, куда он ложился назавтра. Ненадолго, как он сказал. Так, провериться... А вышло — навсегда.

Если бы мы все же встретились еще раз, я обязательно спросил бы его, что он думает о своей судьбе, каким словом, добрым или худым, поминает жизнь в «Совпесе», почти равную жизни, прожитой мною. Отчего-то мне сегодня кажется, он не стал бы восхищаться своим участием в истории советской литературы, очень значительным и активным, не принялся бы перечислять славные имена тех, чьим редактором он был и за чьи стихи бился, но, как солдат, вернувшийся с тридцатилетней войны, стал бы оплакивать павших — зарубленные книги, загубленные судьбы. Смею так думать, потому что и сам десять лет отдал этому презренному ремеслу, трясясь по ночам («Пройдет или не пройдет? Прицепится цензура или проморгает?») и обмывая с коллегами всякий «прокол» всемогущего Главлита. Смею так думать и говорить, потому что помню, например, его звонок: «Это правда, что вы напечатали у себя в журнале «Арбатского эмигранта» Окуджавы? Не может быть! Прочтите, пожалуйста, целиком, а то наш цензор не верит, что это вообще можно напечатать... И «Оловянного солдатика» — тоже? Ну, вы меня выручили — они режут ему книжку! Спасибо!..»

Олег Чухонцев, рассказывали мне, высказался на поминках по Фогельсону в том смысле, что ему пришлось в уродливое время заниматься уродливым ремеслом — ибо, если рассудить здраво, нужен ли вообще стихам редактор? И не было ли это странное занятие игрой в кошки-мышки с цензурой — товарищами Романовым, Солодиным, Надточиевой и т.п. (называю лишь три имени из дома в Китайском проезде, но самые громкие и грозные: страна должна знать своих героев). Трагизм судьбы Фогельсона в том, что он любил стихи беззаветно и жертвенно — и вынужден был каждодневно предавать их на заклание. Когда мог — спасал. Когда не мог... Кто бросит камень в этого Шиндлера отечественной словесности, в лучшего, если не единственного редактора, применительно к которому — к его облику, улыбке, манере мысли и речи, вкусу — само слово «редактор» звучит почти кощунственно?..

Есть какой-то знак в том, что последней его работой была подготовка гигантской антологии русской лирики XX века, составленной Евг.Евтушенко.

Я хотел бы помянуть Виктора Сергеевича стихами. Они ему нравились. Он пытался их напечатать в «Дне поэзии—80». Не смог. Они потом дали имя единственной моей книжке, но напечатаны в ней были сокращенные вдвое и искаленные до неузнаваемости. Теперь они впервые увидят свет в антологии Евтушенко и Фогельсона.

Белый тополь

*Замечательно быть пионером-героем:
не греметь в барабаны и дудки и строем
не шагать, так что слышно кругом за версту,
а стоять с автоматом на бронзовой вые,
наблюдая, как стриженные часовые
замещают друг дружку внизу, на посту.*

*Замечательно быть истуканом из бронзы,
над землей парить в позе ангела, бонзы,
адмирала, географа или вождя:
нету нужды играть в «дураки» и «железку»,
начищать башмаки до зеркального блеску,
защищаться рукой от дождя.*

*Все тебе нипочем, ты стоишь надо всеми,
только небо и тополя белое семя
над тобою, а прочее где-то внизу,
мать с отцом под землей, а сестры в отъезде —
на писательском слете, читательском съезде.
Кто идет? Оброните слезу!*

*А ведь был, между прочим, при жизни лентяем,
шалопаем, прогульщиком и лиходеем,
и поди же ты, стал всем ребятам пример,
за твою спиной заводы и тресты,
на тебя в изумленье глядят интуристы
и цветы возлагает премьер.*

*Ну и черт с ними всеми, тебе не пристало
на судьбу свою жаловаться с пьедестала,
ты из бронзы и все же герой,
только нету ни спасу тебе, ни покою,
оттого что скрипит у тебя над башкою
белый тополь шершавой корой.*

*Белый тополь шатается, зубы сжимая,
на груди открывается рана живая,
пот течет по шершавой скуле,
пробирает озноб его длинное тело,
и единственный, кто понимает, в чем дело, —
пионер на высокой скале.*

*Пионер на скале — тот, что был пионером
на земле, — страдает ему каждым нервом,
древу бедному, тополю в нежном пуху,
брату сводному с ноющим шрамом на коже —
оттого что и сам, вроде тополя, тоже
он стоит высоко. Наверху.*

*Высоко надо всеми. И вместе со всеми.
Так швыряй же с размаху пушистое семя,
рассыпайся, мой тополь, сори,
окроплай и свяжуй своей липкою кровью
темный парк, пионера, фабричную кровлю,
безграничную кромку зари.*

1977

Малиновки заслушав голосок...

Увлеченных, влюбленных в свое дело людей становится с каждым днем все меньше и меньше. Наступили мрачные времена: или ты получаешь удовольствие от работы, но пачка десятилетиями не жжет тебе карман, или ты видишь не можешь и слышать не хочешь своих коллег, не радует тебя длинноногая секретарша, но зато в бумажнике — приятно хрустящая «зелень».

Можно ли совместить полезное с приятным в сегодняшних условиях? Оказывается, можно. Надо только приложить энергию, выложиться на всю катушку, как это сделали — и делают! — Диана Берлин, Виктор Проворотский, Александр Варин, Елена Горохова, Юрий Сапрыкин, Игорь Михайлин, Михаил Захаров, Олег Байцин. А все вместе они — радиостанция «Второе дыхание». В январе 1994 года на волне «Автордио» вышли в эфир первый раз со своей информационно-музыкальной программой. Даже за такой короткий срок москвичи и жители Подмосковья успели оценить и полюбить «Второе дыхание». С апреля она ежедневно выходит в эфир с 20 до 24 часов на волне 68 МГц (4,41 УКВ). В субботу и в воскресенье — с восьми утра до полуночи.

Что же такое «Второе дыхание»? Это легкая экскурсия — на волнах нашей памяти! — в прошлое. Такое далекое и такое желанное. Эта передача через давно забытую и забитую, но некогда очень популярную музыку извлекает из тайников нашей души самые теплые и нежные чувства, открывая тем самым потаенные шлюзы нашего подсознания, из которых мы черпаем дополнительную энергию и силу. Представьте, едете вы в автомобиле, за окном снуют в поисках хлеба насущного демократичные россияне и россиянки, а из динамика несется: «Малиновки заслушав голосок», «Снег кружится, летает, летает», «Олеся». Представили? И как? Правильно — сразу жизнь становится иной!

Эта радиопрограмма находится в постоянном поиске. Закаменеть, «забуреть» ей не дают профессионализм Дианы Берлин и потрясающая самоотдача (и молодость!) журналистов. Вы хотите узнать, как живет, что поделяет кумир вашей юности, чем занимается, какие проблемы его волнуют? Звоните на передачу. Если вам удастся пробиться (а звонят и пишут не только жители Москвы и Подмосковья, весточки доходят из самых разных уголков ближнего и дальнего зарубежья), то в прямом эфире вы со своим кумиром сможете очень неплохо пообщаться. Звонки не сортируются и не подвергаются цензуре. В этом есть определенная доля риска, ведь кто-нибудь может что-то резкое, обидное сказать. Пока таких, правда, случаев не было.

У радиостанции обширная фонотека. Собирали ее всем миром. Сами слушатели звонят, предлагают, а то и приносят на улицу Качалова пластинки: «Возьмите, может, пригодятся!» Не остаются в стороне и коллекционеры, делятся редкими записями. А вот что касается встреч в студии, то на них многие исполнители соглашаются неохотно: мол, о чем со мной можно говорить, меня ведь уже все забыли. Даже Александр Градский засомневался: «А нужен ли я?» С трудом удалось уговорить Кима Брейтбурга (экс-«Диалог») выступить, а радиослушатели не отпускали его полтора часа. Юрий Лоза пришел с гитарой и пел, Михаил Шуфутинский рассказывал о своей работе в ансамбле «Лейся, песня». Ему позвонили коллеги, оказывался, «Лейся, песня» существует и дает концерты. Вот радости-то было!

В гостях у «Второго дыхания» уже побывали: К.Никольский, А.Барыкин, В.Кузьмин, В.Добрынин, И.Резник, А.Кальянов, В.Малежик. Во время таких встреч раздвигаются стены, стираются границы времени и пространства, наступает необыкновенный контакт между слушателями и исполнителем. Такой результат может быть лишь тогда, когда встреча проходит в уютных камерных залах! В дальнейшем «Второе дыхание» планирует приглашать на свои посиделки не только известных певцов и музыкантов, но и других некогда очень известных, а ныне несправедливо забытых людей — актеров, писателей, поэтов, спортсменов. «Кроме Жириновского, у нас будут все», — сказала Диана Берлин.

Из небольшой радиопередачи постепенно вырастает целое движение «Второе дыхание». Идут передачи «Музыка старого доброго кино», передачи для детей (ведь в детских кинофильмах и мультиках звучат песни!). А сказки, записанные на пластинках? Где они сегодня? Их уже можно услышать по радио. Мы вспоминаем молодость: Винни-Пуха, Фелбру, Ухти-Тухти, а наши дети окунаются в волшебный, неизвестный им мир чистоты, добра и света. Я уверен, он им понравится!

...Сырым, холодным осенним вечером выключите телевизор, радио, магнитофон, зажгите свечи, настройте свой приемник на волну «Второго дыхания» и...

*Боже, как давно это было
Помнит только мутной реки вода.
Время, когда радость меня любила
Больше не вернуть ни за что, никогда.*

А почему бы не вернуть, а?!

Александр САМОУК

РЕКЛАМА

КЛИНИКА

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Однажды бабочка Кузьма не рассчитал траекторию и подавился блином. В глазах у него засбоило, в ушах что-то залопотало, зафикало, какие-то неземные голоса типа милл-цейской сирены.

Потом пошел туннель.

Бабочка Кузьма полетел на свет, как полагается, там его якобы окру- жила родня, какие-то гусеницы в светлых одеждах, причем на разных стадиях развития, даже в виде коконов, а кругом вообще порхали жел- тки в сиянии белков, т.е. яйца с крыльями.

Был чудный сад нетронутой капусты, веял зефир и т.д., но затем пришлось всовываться задним ходом обратно в туннель, причем было впечатление (у бабочки Кузьмы), что снизу поливают чем-то типа кваса.

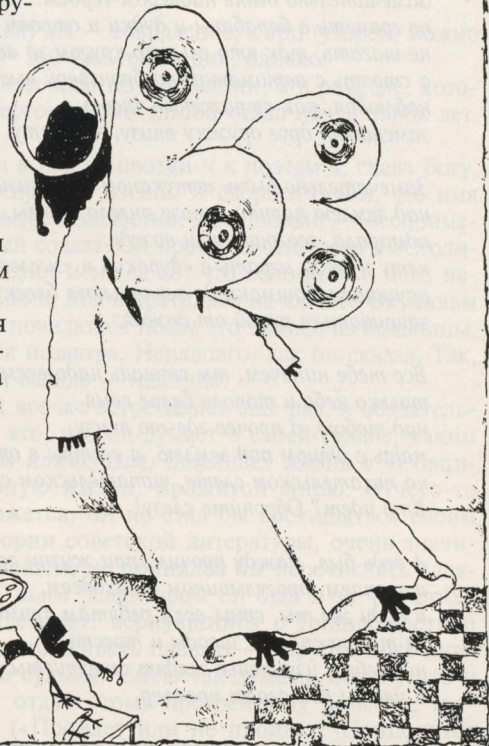
Оказалось, бабочка Кузьма пережил клинический случай, так назы- ваемое «склеил ласты».

Куда делся блин, он не понял, но фельдшер Акоп выглядел сытым и довольным, ковырял спичкой в зубу и на все вопросы отвечал словом «мамочка», типа «мы еще с вами, мамочка, повоюем».

После этого случая Кузьма долго смотрелся в пудреницу, переживая «мамочку», и наконец решился на пластическую операцию по омоложе- нию, в результате чего тот же фельдшер Акоп слепил ему вместо носа пельмень, мотивируя это отсутствием материала, а резкое похудание пациента (щеки повисли, подфарники тусклые) объяснил тем, что ба- бочка Кузьма упал с операционного стола, когда он, Акоп, улетал за бинтом.

Но никто ничего не заметил, ромашка Света приняла бабоч- ку Кузьму и таким, а воробей Гусейн ни к селу ни к городу прислал поздравительную телеграмму с фразой «есть свист, что нас двоих шлют на гавань есть селедку».

Просто клиника какая-то.

худ. А. Лукьянчиков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

Баллада о гордом рыцаре

За высоким за забором
Гордый рыцарь в замке жил.
Он на все вокруг с прибором
Без разбора положил.

Не кормил казну налогом,
На турнирах не блистал
И однажды перед Богом
Раньше времени предстал.

И промолвил Вседержитель,
Смерив взглядом гордеца:
«С чем явился ты в обитель
Вездесущего отца?»

Есть каналы, по которым
До меня дошел сигнал,
Что ты клал на все с прибором». —
Отвечает рыцарь: «Клал!»

Клал на ханжеский декорум,
На убудочную власть
И ad finem seculorum*
Собираюсь дальше класть.

Сохранить рассудок можно
В этой жизни только так.
Бренна плоть, искусство ложно,
Страсть продажна, мир — бардак».

Не привыкший к долгим спорам,
Бог вздохнул: «Ну что ж, иди.
Хочешь класть на все с прибором,
Что поделаешь — клади.

Отпускаю, дерзкий сыне,
Я тебе гордыни грех.
С чистой совестью отныне
Можешь класть на все и всех».

И на сем визит свой к Богу
Гордый рыцарь завершил
И в обратную дорогу,
Помолившись, поспешил.

И в земной своей юдоли,
До седых дожив голов,
Исполнял он Божью волю,
Не жалеючи трудов.

* До скончания веков (лат.).

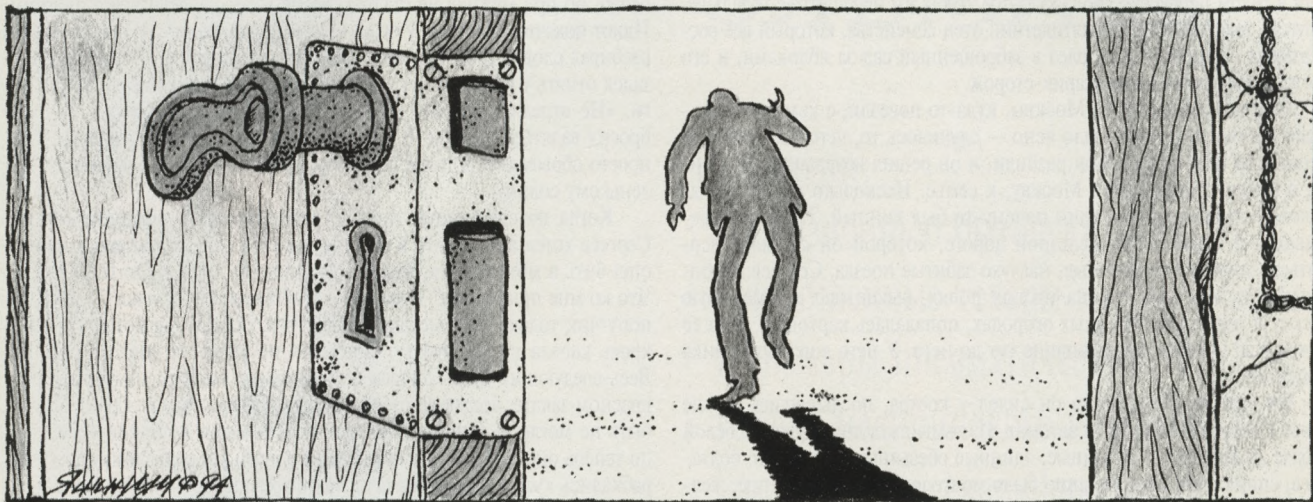
В гостях у Кафки

Молодого московского прозаика Андрея Гамалова успели заметить по его первым коротким рассказам, которые нигде не печатались, но широко обсуждались в околосредовой среде, тогда еще существовавшей. В 1992 году Гамалов уехал в США, не

опубликовав на Родине ни строчки, — уехал не потому, что обиделся, а потому, что женился на американке. Долго о нем не было никаких известий, кроме того, что он забросил прозу и занялся каким-то мелким бизнесом. Однако несколько месяцев назад из Штатов пришла его новая

подборка под общим названием «В гостях у Кафки». Может быть, и к лучшему, что первая публикация тридцатилетнего новеллиста в России — именно эти короткие, сухие и жутковатые фрагменты из предлагаемой подборки.

Д.Б.

Андрей ГАМАЛОВ

Простые вещи

Михайлов стоит около метро и просит подаюния. Ему подают скупое, потому что молодой, здоровый и приличный одетый мужик не вызывает сочувствия. Но после того, что произошло, он не может устроиться ни на какую работу — иногда, правда, его берут грузчиком, но это заработок на ночь, на две, не больше. Михайлов хочет накопить тысяч шесть, чтобы купить яблок любимой. Любимая будет ждать его в полседьмого около Университета. Михайлов стоит и думает о том, что, подавая нищим, он всегда пытался представить себя на их месте и хотел угадать, о чем будет думать тогда. Думает он, как ни странно, о вполне отвлеченных вещах: например, о том, почему жанр антиутопии так прижился в литературе. Видимо, потому, догадывается Михайлов, что сама человеческая жизнь строится по принципу антиутопии: обещают Бог вещь, а остаешься ни с чем. Дальше он запрещает себе думать, добывает шесть тысяч, покупает яблоки и идет к Университету. Любимая, само собой, не пришла. Он к этому отчасти готов: она в последнее время часто не приходит. После того, что произошло, это объяснимо.

Потом он идет домой. Свою двухкомнатную квартиру он поделил: комнату сдает тем, кому теперь все можно. Они постепенно вытесняют его и из той, меньшей комнаты, которую он оставил себе. У него давно голо: он распродал всю мебель. Он замечает, что давно живет простыми вещами: что поесть завтра, у кого занять до послезавтра. О сложных и отвлеченных вещах он думает все меньше. Неожиданно ему звонит приятель и просит разрешения зайти. Михайлов впускает его. Тот осматривается и боится слезки. После того, что случилось, он всего боится. А что, собственно, случилось? — пытаются они вместе понять. Приятель утверждает, что к власти пришли эти. Если бы к власти пришли эти, резонно возражает Михайлов, давно бы закры-

лись все коммерческие киоски, а они вон открыты как милые. И вообще все без изменений, только его и таких, как он, не берут никуда работать, и вообще они больше никому не интересны. А может, говорит Михайлов, окончательно победили те? Господь с тобой, осаживает его приятель, перед теми-то мы ни в чем не виноваты!

Ты что, был против рынка? Нет, говорит Михайлов, не против. Просто теперь мы стали не нужны. Приятель ночует у него и утром, так же озираясь, уходит.

Утром Михайлов в очередной раз пытается устроиться на работу. Его нигде не берут, не объясняя причин. После того, что произошло, мягко намекают ему, вы уже не можете работать по специальности. А что такого произошло, недоумевает Михайлов в открытую. А вы в зеркало посмотрите, говорят ему. Он смотрит и, ничего не понимая, уходит. Потом звонит любимой. Она говорит, что лучше им пока не видется.

В трамвае он замечает, что на него слишком уж пристально смотрит один из пассажиров. Михайлов начинает бояться слезки. Он долго опасается «хвоста», кружит по городу, покупает на последние копейки воблу, с какими-то мужиками ест ее в пивняке. Он чувствует, что неумолимо опускается на дно, и та сила, которая раньше его удерживала от падения, оставила его. Теперь его прямо-таки тянет ко дну, и никто ничего не делает, чтобы его остановить. У него нет больше сил сопротивляться. Домой идти он боится: соседи, кажется, готовы выставить его на улицу. Вступаться больше некому. Ему пора скрываться, как и его приятелю, который давно уже не ночует дома и скитается по знакомым.

Михайлов идет на вокзал, садится в электричку и куда-то едет. Ему неважно, куда. Теперь он будет только прятаться. Он так и не поймет никогда самую простую вещь: то, что случилось, — случилось с ним, а такие, как он, те, кого он считает своими, — на самом деле просто те, с кем это тоже случилось. Просто прошло в его жизни время, когда он мог кому-то быть нужен и интересен. Никто уже ничего не ждет от него. Прошел тот возраст. Он вступил в новую полосу жизни. А больше ничего не случилось.

МИХАИЛ ЯШИН

Попутчик

Сергеев пятые сутки шел из Днепропетровска в Киев. Под ногами хрустела сухая, посолонная заморозком стерня. За горизонтом стояло зарево — горели деревни. Сергеев остался один, хотя после того первого боя их уцелело трое. Один был ранен и во время ночлега в голом перелеске уполз куда-то, чтобы им не тащить его дальше. Другой, толстый тридцатипятилетний отец семейства, который все рассказывал о своей семье, полез в заброшенный сад за яблоками, и его застрелил сумасшедший старик-сторож.

Сергеева призвали из Москвы, куда-то повезли, с кем воевали — было непонятно. Одно было ясно — случилось то, чего все ждали. В первом же бою их батальон разбили, и он решил возвращаться в Киев, а оттуда добираться в Москву, к семье. Несколько раз он наткался на чужие наряды, один почему-то был конный. Тогда он отлеживался в оврагах. По железной дороге, которой он старался держаться, проползали длинные, наглухо забитые поезда. Сергеев подбирал кукурузные початки на пустых полях, выкапывал промерзшую свеклу и репу на разоренных огородах, попадалась картошка, хотя ее почти всю вырыли проходившие тут до него. У него еще была банка тушенки.

На шестую ночь, когда он сидел у костра, послышались глухие шаги. Сергеев схватился за автомат. Из тьмы выступил мужик в белой рубахе до колен. Его огромные, длинные обезьяньи руки низко болтались, спина была согнута, лицо было монголоидное, треугольное, желтое. «К огоньку бы, землячок, не стреляй, землячок», — пробормотал мужик. Сергеев обрадовался живой душе, усадил его к огню и стал расспрашивать. Мужик был явным идиотом — только бормотал нев-

нятно: «Этого того, землячок... к огоньку... а коли так, то вон как...» Сергеев отчаялся чего-то добиться от него и заснул. Утром мужика не было. Он, верно, ушел куда-то в степь ночью. Весь следующий день Сергеев снова шел один. Мимо него по рельсам в сторону Днепропетровска прогрохотал пустой вагон без паровоза.

Ночью попутчик явился опять — откуда, Сергеев не понял. Он снова выступил из тьмы со своим протяжным шепотом «Не стреляй, земляк». Сергеев хотел в ту ночь открыть тушенку, потому что сильно ослаб, но при мужике не стал — ему не хотелось делиться с идиотом. Идиот покачивался, сидя у огня, что-то тягуче бормотал, но Сергеев не разбирая слов. Утром Сергеев проснулся от того, что мужик вяло пытался отнять у него автомат, дергая за приклад. Сергеев вскочил на ноги. «Не стреляй, земляк», — бормотал мужик. Сергеев избил его и бросил валяться в степи. В тот день внезапно кончились рельсы. Они просто обрывались в траве, и дальше пришлось идти по бледному, маленькому солнцу.

Когда на следующую ночь из темноты опять выступил мужик, Сергеев хотел выстрелить в него, но не смог. Он подскочил к нему и стал бить в мотающееся, желтое, треугольное лицо. «Кто ты? Откуда? Что ко мне привязался? Куда мне идти? Где я?» — кричал Сергеев, но попутчик только тупо мотался перед ним, оседал, бормотал что-то, и кровь капала на его рубаху. Потом он на карачках уполз в темноту. Весь следующий день Сергеев шел один, но ввечеру, на болезненно-красном закате, дошел до озера. Никакого озера тут прежде не было и быть не могло — Сергеев держался исчезнувшей железной дороги, — но теперь оно разливалось прямо на его пути. По ослизному берегу карабкались кусты, в воде торчали полусгнившие ветки. Сергеев пошел вдоль берега, зная уже, что нигде не придет. Ночью он развел костер от последней спички. Из тьмы выступило желтое лицо. «Не стреляй, земляк», — протянул попутчик.

Вызов

У Петрова есть жена, маленький сын, любимая работа. В один прекрасный день его внезапно вызывают в ГБ. Он долго сидит у двери назначенного кабинета. Оттуда выходит мрачный бородастый человек, прижимающий к груди толстую папку. На миг он останавливается перед Петровым, долго в него вглядывается, потом почти бегом устремляется наружу. Петров с потными руками заходит в кабинет. Усталый бесцветный следователь говорит ему, что отдел, который занимался делом Петрова и двадцати других граждан, расформировывается. Все, кто ими занимался, уже уволены. Сказать, зачем и почему их так долго «вели», следователь не уполномочен, да и не может. Распоряжением сверху велено отдать им на руки их личные дела.

Петров получает толстую папку и еще в транспорте, по дороге домой, начинает ее изучать. Он не помнит за собой никакого греха и никогда не замечал слежки. Из папки он с ужасом узнает, что вся его жизнь была результатом чуждой направленной деятельности. Жену ему подсунили — оказывается, то знакомство на вечеринке у приятеля было не случайным. Она ничего не знала — просто приятеля звонком попросили пригласить Петрова, и расчет оправдался: он влюбился. Приятель был в самом деле дальний, Петров, помнится, еще удивился приглашению, но делать в тот вечер было нечего, он пошел и потом три года благодарил судьбу. Сам приятель давно в Штатах, следы потеряны, его ни о чем теперь не спросишь. На работу, оказывается, Петрова тоже взяли по звонку отсюда — могли и не взять. Больше того, даже в институт его устраивали по протекции, о которой, конечно, он и близко не догадывался. Повышение по службе проистекало из того же источника. Наконец, даже сын его родился не просто так — жена собиралась делать аборт, но врач по секретному приказу ей отказал, припутнув последствиями. Короче, механизм запущен, а зачем — теперь неизвестно. Кто такие «двадцать других граждан», которых зачем-то вели вместе с ним, следователь, конечно, не скажет ему. Петров ниче-

го не говорит жене и начинает ходить по инстанциям. Ему везде отвечают, что отдел расформирован и никто теперь ничего не знает.

Петров понимает, что прожил, в сущности, не свою жизнь, и решает прожить свою. Он рвет с женой, оставляет сына, меняет место работы, переезжает на другую квартиру, которую снимает на последние гроши. Постепенно вся его нынешняя жизнь тоже начинает казаться ему подстроеной. Например, он заходит в магазин, где ему надо купить картошки, и понимает, что это тоже дело чьих-то рук, — в результате бежит из магазина и идет в другой, куда ему совершенно не надо. Так он начинает жить от противного, надеясь сломать этот железный, неостановимый план, преодолеть детерминированность всех своих действий. Это совершенно ломает всю его жизнь, но тот хаос, который образуется в результате, и кажется ему его собственной судьбой, страшной, зато своей и неповторимой. Он влюбляется в девушку, которая пытается вернуть его к норме, к упорядоченному существованию. Потом рвет и с ней, ибо догадывается, что ее тоже подослали. Ему на память приходит тот герой Паустовского, который после концлагеря сошел с ума и настаивал, чтобы все ставили тапочки на ночь на носами к кровати, а наоборот, потому что таким образом, этой ничтожной деталью, может быть разрушен некий глобальный план вредителей. Петров совершенно доламывает свою жизнь и уезжает в другой город.

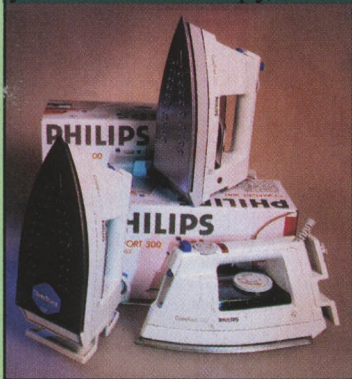
По дороге в другой город — в междугородном автобусе, идущем среди черных полей, — ему начинает казаться, что и это путешествие подстроено. Всякое путешествие, имеющее некий конечный пункт назначения, уже выглядит организованным извне, частью плана. Надо сойти по дороге. Петров сходит в глухую, густую осеннюю ночь, долго идет, спотыкаясь, по мокрому полю, приходит в полуразрушенную деревню. В единственной уцелевшей избушке горит огонек. Он входит. Там старуха прядет бесконечную пряжу и прет бесконечную песню. Она кивает Петрову, не прерывая своих занятий. Он садится в угол и ловит на себе чей-то тревожный взгляд. В другом углу, в полумраке, он различает того мрачного бородача, который вышел от следователя прямо перед ним. Бородач тоже привело сюда. Они сидят и смотрят друг на друга.

ЭЛЕМАШ

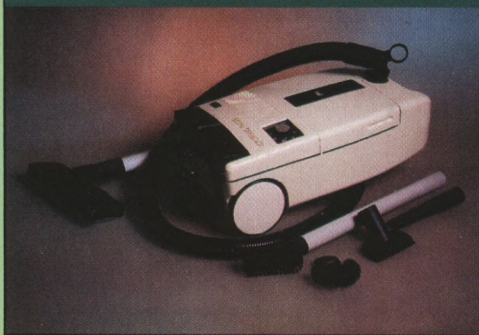
Акционерное общество “ЭЛЕМАШ”

Утюги “Philips”
Делают приятным
утомительный труд

Фритюрница ETA 1166
Экономит ваше время

Пылесос ETA 7400
Комфортен и удобен

Производит:

- лицензионную бытовую технику
- хозяйственные товары из пластмассы
- тренажеры пневматические
- товары медицинского назначения (светильники, скарификаторы)
- промышленные товары (трубчатые электронагреватели, магниты стронциевые и феррито-бариевые различной конфигурации, твердосплавные пластины).

Выполняет:

- покрасочные работы на автоматической линии итальянской фирмы LARIUS изделий сложной конфигурации из различных материалов (металл, дерево, пластмасса) порошковыми красителями.

Наш адрес: 144001, г. Электросталь, Московская область, ул. К. Маркса, 12,
АО “Машиностроительный завод”

Тел.: Москва (095) 176-47-58, (095) 176-47-56.

Электросталь (09657) 1-68-91, (09657) 1-69-35

Факс: Электросталь (09657) 5-09-48.

Москва (095) 176-05-28.

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК